

АКАДЕМИЯ ШЕСТИ ПУТЕЙ

СОСУД

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Юлиана Сейдж

18+

Юлиана Сейдж

Сосуд

<https://litres.ru/74338734>

SelfPub; 2026

Аннотация

Академия Шести Путей.

Шесть факультетов. Шесть магических даров. Шесть дорог к власти.

Но Амалия Брандт не принадлежит ни одной из них.

Её называют пустышкой, презируют и боятся — ведь то, что другие считают проклятием, может оказаться ключом к древней силе.

Когда за Амалией начинают охоту, а сердце, которое она доверила, разбивается о жестокую правду, ей остаётся только одно: стать той, кто переписывает законы магии.

Романтическое фэнтези о запретной любви и горьком предательстве, о стенах магической академии, хранящих мрачные тайны, и о силе, рождённой из пустоты — силе, которая может спасти мир или разрушить его до основания.

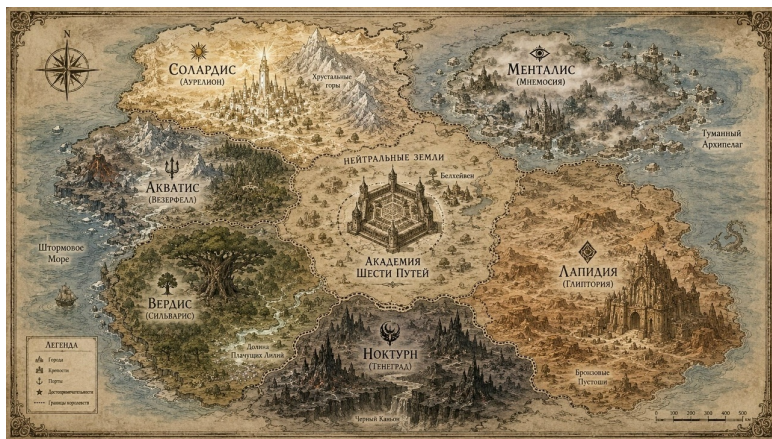
Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	53
Глава 3	95
Глава 4	147
Глава 5	168
Глава 6	206
Глава 7	240
Глава 8	269
Глава 9	297
Конец ознакомительного фрагмента.	320

Юлиана Сейдж

Сосуд

Пролог

В ту ночь Лапидия задыхалась. Обычно каменистая пустыня не знала дождей — только сухой, обжигающий ветер, который нёс песок и мелкую бронзовую пыль, въедался в кожу и заставлял даже самых сильных магов прятаться в ущельях. Но в ту ночь небо над Глипторией разверзлось. Вода лилась стеной, как будто само мироздание оплакивало то, что должно было случиться до рассвета. Тени от бронзовых

фонарей бешено плясали, словно их питала не магия, а чья-то первобытная агония. Руны «Защиты» на домах ремесленников светились слишком ярко, пульсировали в унисон с багровыми сполохами за тучами.

В доме Брандтов было жарко и душно. Воздух загустел, напитанный магией, которой не должно было существовать в этом мире.

Ингрид Брандт кричала уже четвёртый час. Её светлые, почти белые волосы прилипли к вискам, пальцы судорожно комкали простыни, а на губах выступила кровь: она кусала их, стараясь не разбудить соседей.

Но соседи не спали, в ту ночь не спал никто в Глиптории.

Позже Грегор, кузнец с соседней улицы, рассказывал, что воздух пах озоном и железом, как перед самой страшной грозой. Однако гром не гремел; над городом стояла тишина, тяжёлая и давящая, и от неё сжималось сердце.

— Ещё немного, Ингрид, — повторял Эрик Брандт.

Он стоял у изголовья и держал жену за руку. Его голос звучал глухо, но Ингрид слышала в нём страх. Ладонь мужа была шершавой, покрытой мозолями; от неё пахло бронзой, угольной пылью и потом — мастерской, домом, жизнью. Ингрид цеплялась за эту руку, как утопающий за обломок мачты.

— Что-то не так, — прошептала повитуха.

Фрея была старой женщиной с лицом, изрезанным морщинами, и мутными бельмами на глазах. Говорили, она при-

няла больше сотни детей по всей Лапидии; но сейчас её руки дрожали.

— Ребёнок не хочет выходить. А магия... — Она замолчала и прислушалась к чему-то, чего не слышали остальные. — Здесь чужая магия.

Эрик напрягся.

— Что значит «чужая»?

— Не знаю. — Фрея вытерла лоб тыльной стороной ладони. — Она душит, и камни плачут.

За окном вспыхнула молния. На одно бесконечное мгновение тени на стенах замерли, будто их пригвоздило к побелке. Пламя свечей погасло, и дом Брандтов погрузился в звенящий полумрак. Единственным светом остались лиловые всполохи за окном.

Ингрид закричала в последний раз. Эрик побледнел и сжал её пальцы, Фрея застыла, не договорив молитву. И в этот миг — между одним ударом сердца и другим — мир изменился.

Ребёнок родился молча. Не закричал, не заплакал, даже не вздохнул. Девочка скользнула в руки повитухи и замерла. Фрея опустила взгляд и вскрикнула от ужаса.

— Что? — Эрик шагнул к ней. — Что с ребёнком?

У девочки были волосы цвета расплавленной меди. Не редкий младенческий пушок, а густые рыжие пряди, прилипшие к влажной голове. Кожа казалась почти прозрачной; под ней проступали тонкие синие вены, пульсировавшие в

такт далёкому, чужому ритму.

Но не это заставило Эрика отшатнуться. Глаза ребёнка были открыты. Не мутные глаза новорождённой, ещё не способные различать свет и тень. Они были светло-голубыми, прозрачными, как вода в горном ручье. И осмысленными.

Девочка смотрела на отца. В её глазах не было ни страха, ни любви, ни любопытства. Только древняя, выцветшая от времени пустота.

Эрик Брандт не боялся ни огня, ни бронзовой пыли, раздавшей лёгкие, ни обвалов в шахтах; но под взглядом новорождённой дочери по его спине пробежал холод.

— Отдайте её мне, — прошептала Ингрид, протягивая ослабевшие руки.

Фрея заколебалась, Эрик не двинулся. Тогда Ингрид сама забрала у повитухи дочь и прижала к груди. Девочка не заплакала; лежала неподвижно, словно прислушивалась к биению материнского сердца.

В комнате стало слишком тихо для дома, в котором только что родился человек. А затем над Глипторией что-то запело. Загудела сама земля, будто струна исполинского инструмента. Этот звук прокатился над каменистой пустыней, старыми рудниками и мёртвыми скалами. Бронзовые руны на стенах домов вспыхнули холодным серебряным светом. Ожили даже те, что были выбиты первыми поселенцами и считались мёртвыми уже тысячу лет.

Фрея отступила и осенила себя старым знаком, которым в Лапидии не пользовались со времён Великого Раскола.

— Дитя Пустоты, — прошептала она. — Рождённая без магии.

Эрик хотел возразить, потребовать объяснений, но слова застряли в горле. Он посмотрел на жену. Ингрид не слушала

повитуху. Она гладила медно-рыжие волосы дочери и улыбалась.

К рассвету дождь прекратился. Небо над Глипторией побелело, и в его молочном свете город казался вымершим. Люди выходили из домов, перешёптывались и смотрели на багровые всполохи, всё ещё танцевавшие на горизонте, хотя гроза давно миновала.

В доме Брандтов, в маленькой комнате второго этажа, Амалия впервые уснула и увидела храм.

Колонны уходили в золотистую мглу. Каменные плиты пола покрывали горящие руны. В центре огромного зала стоял мужчина в длинной тёмной мантии. Волосы падали ему на плечи, а серые, как грозовое небо, глаза смотрели на девочку без улыбки и без гнева.

Когда Амалия открыла глаза — новорождённая, почти слепая по законам природы, — она посмотрела не на потолок. Она смотрела туда, где стоял мужчина и видела *его*.

Эрик вошёл в комнату час спустя. Ингрид спала, обесиленная, прижимая дочь к груди. Девочка бодрствовала. Она смотрела на стену, на трещину в штукатурке, на тёмное пятно в углу, где когда-то протекала крыша. И делала это так внимательно, будто за стеной было нечто, недоступное взрослым.

Кузнец осторожно сел на край кровати. Он посмотрел на рыжие волосы дочери — такие же, как у него. На бледное лицо — как у Ингрид. Взгляд переместился на прозрачные

голубые глаза, в которых, по словам повитухи, не было ничего.

— Ты не пустая, дочка, — тихо произнёс Эрик. — Я знаю, я чувствую.

Девочка моргнула, и Эрику показалось — возможно, он просто слишком устал после бессонной ночи, — что в её глазах мелькнуло понимание.

— Мы назовём её Амалией, — сказал он позже, когда Ингрид проснулась. — В честь твоей бабушки.

— Она была сильной женщиной, — прошептала Ингрид, не отрывая взгляда от дочери.

— И наша дочь будет сильной.

Тогда Эрик ещё не знал, что сила — не благословение. Это был приговор, который исполнится двадцать один год спустя: в доме, где навсегда погаснет свет.

Глава 1

Лапидия -
Федерация Рун

Федерация Рун — каменистая пустыня. Только тёмно-серые, местами оранжевые скалы громоздились до горизонта. Ветер стонал в ущельях; и время здесь текло медленно, как смола.

В этой бесплодной земле зародилась рунная магия, потому что выжить здесь можно было только одним способом — создавать артефакты. Те, что добывают воду из-под земли, когда колодцы пересыхают. Те, что отбрасывают тень в полдень, когда песок плавится под ногами. Те, что защищают от песчаных бурь, способных за минуту содрать кожу и оставить от человека лишь обглоданный ветром скелет.

Настал день набора первокурсников.

За окном ещё лежала предрассветная тьма, когда Амалия спустилась вниз.

В доме пахло свежим хлебом и горькими травами. Мать поднялась задолго до рассвета, чтобы испечь дорожные лепёшки. Из кухни доносился тихий шелест льняной ткани и негромкий звон посуды. Отец ждал у порога. Поверх рубахи он по привычке надел старый кожаный фартук, потемнев-

ший от времени, угольной пыли и жара кузни. У его ног стояла дорожная сумка.

Он внимательно посмотрел на дочь.

— Сядь. У тебя такое лицо, будто ты собралась не в Академию, а навстречу буре.

Амалия послушно опустилась на деревянный табурет. Отец сел рядом и устало вздохнул.

— Хочешь стать такой же, как Стефан?

— Нет. — она покачала головой, но почти сразу отвела взгляд. — То есть... не совсем. Я даже не знаю, возьмут ли меня на Руны. У меня ведь ничего нет.

— Покажи руки.

Амалия протянула ладони. Под ногтями въелась бронзовая пыль, кожу покрывали мозоли и мелкие порезы, оставленные острыми краями пластин. Отец взял её руки в свои и повернул ладонями вверх.

— Грязь, мозоли, шрамы. — он провёл большим пальцем по светлой полоске у её запястья. — Это не пустота, Амалия. Это работа.

Она хотела улыбнуться, но ком в горле не позволил.

За стеной звякнула посуда. Мать заворачивала лепёшки в плотную льняную ткань и делала вид, будто не прислушивается. Но Амалия знала: она слышит каждое слово.

— Я говорю о магии, папа.

— А я — о тебе.

Отец отпустил её руки и на мгновение задумался. Взгляд

его задержался на двери, за которой ночная тьма понемногу серела.

— Ты боишься, дочка, но страх не должен решать за тебя. Поэтому послушай. Я расскажу тебе историю рода Брандтов. Не ту, что хранят в городских свитках. Настоящую.

Амалия выпрямилась. Отец редко говорил о прошлом, а о предках — почти никогда.

— Когда-то Брандты жили в Акватисе, — начал он. — Наш род славился огненными магами. Говорили, они могли расплавить рудную жилу, лишь приложив ладонь к скале. Их уважали и боялись.

— А потом?

— Потом случился Великий Раскол. — его голос стал тише. — Одни маги называли себя слугами Света, другие при-
сягнули Тьме. И обе стороны решили, что остальные обяза-
ны выбрать, кому служить. Наши предки не выбрали никого.

— И ушли?

— Бежали, — поправил отец. — В Лапидию.

— В пустыню?

— В пустыню. Туда, где не было ни рек, ни лесов, ни пло-
дородной земли. Только камень, песок и ветер. Там они по-
няли, что одного огня недостаточно. Разве подожжёшь голую
скалу? Разве согреешь пламенем целый народ, если нечего
бросить в очаг?

Он поднялся, подошёл к кувшину и налил себе воды. Несколько мгновений смотрел на дрожащую поверхность,

затем продолжил:

— Поколение за поколением наш огонь угасал. Становилась тише, слабее. Местные мастера учили Брандтов читать камень, искать руду и ковать бронзу. Учили выживать там, где пламя не кормит и не защищает. Постепенно наш род перестал быть родом огненных магов. Мы стали ремесленниками.

Отец сделал глоток.

— Мой дед уже не мог зажечь свечу без огнива. Мой отец умел лишь нагревать воду. А я...

Он поднял руку и щёлкнул пальцами. Над его ладонью вспыхнула крошечная золотая искра. Несколько мгновений она дрожала в воздухе, словно светлячок, а затем погасла.

— Вот и всё, что осталось от великого пламени Брандтов.

— Но Стефан... — осторожно произнесла Амалия. — Его свет...

— Магия Стефана пошла иным путём. Такое случается. Иногда старый огонь меняется, становится светом, жизнью или даже руной. Но это всё равно наша кровь. Всё *то же* пламя — просто в другой форме.

Он сжал ладонь, будто пытался удержать исчезнувшую искру.

— А я уже не огонь. Я лишь пепел, оставшийся после него. Амалия опустила глаза на свои ладони.

— Значит, я тоже пепел?

— Знаешь, что делают с пеплом в Лапидии?

— Не знаю.

— Всё, что только можно. Его добавляют в сплавы и рудные смеси. Им посыпают дороги, чтобы путники не скользили по камню. Его вносят в бесплодную почву, чтобы там могли вырасти цветы. — он чуть улыбнулся. — В Лапидии ничто не бывает бесполезным, Амалия. Даже пеплу здесь находят дело.

Он вернулся и сел напротив неё.

— Важно не то, из чего ты создана. Важно, что ты создашь сама. Наши предки горели ярко, но быстро. Их пожирала гордость и жажда силы. Они умели разрушать, но так и не научились останавливаться. Мы, Брандты, больше не горим. Мы тлеем.

Амалия смотрела на него, почти забыв о страхе. Никогда прежде он не говорил с ней так — словно она уже не ребёнок, которого следует утешить, а равная, которой можно доверить правду.

— И знаешь, что выросло из нашего пепла? Руны. Ремесло. Умение не сжигать, а строить. И поверь мне, это ничуть не хуже, чем изрыгать огонь.

Отец поднялся и подошёл к верстаку. Среди молотков, щипцов и обрезков бронзы лежала свежевыкованная пластина. Он взял её и протянул дочери.

— Посмотри.

Пластина была тёплой, словно всё ещё хранила дыхание горна. По её шершавой поверхности тянулись тонкие бороз-

ды, складываясь в аккуратную руно Защиты.

— В ней нет древней магии Брандтов, только бронза, терпение и мои руки. Но на прошлой неделе три шахтёра выбрались из-под обвала благодаря таким пластинам. Понимаешь?

Амалия провела пальцем по руно.

— А если во мне действительно ничего нет? Если сфера Распределения даже не засветится?

— Тогда ты узнаешь правду. А узнав её, решишь, куда идти дальше. Академия — не конец пути, Амалия. Она только первая развилка. Даже если тебя отправят на самый неприметный факультет, к тем, кого остальные считают неудачниками, это не сделает тебя никем. Чужое распределение не определяет ценность человека.

Отец сунул руку в карман фартука и достал маленький предмет, завернутый в промасленную ткань.

— Возьми.

Амалия развернула свёрток. На её ладони лежала бронзовая пластинка — меньше тех, что они делали на продажу, с гладкими краями и отверстием для шнура. В центре была выгравирована незнакомая руна. Её линии переплетались так сложно, что стоило отвести взгляд, и рисунок будто менялся.

— Что она означает?

— Не спрашивай. Просто носи её с собой, а когда станет совсем тяжело — сожми в кулаке.

Нейтральные земли

Телега подпрыгнула на камне, и Амалия больно прикусила язык.

— Чтoб тебя, — прошипела она, хватаясь за деревянный борт.

Кучер — старый Грегор, их сосед, который согласился подбросить её до Академии за «пару монет и бутылку домашнего эля» — хрипло рассмеялся.

— Держись крепче, дочка! Дорога в Липидии не для нежных задниц!

— Нежные задницы, — проворчала Амалия, поправляя сползшую сумку, — в Липидии просто не выживают.

Она сидела на жёсткой скамье, вцепившись в край, и смотрела, как из ущелья выползает солнце. Позади осталась Глиптория — город внутри скалы. Её родина; место, где её называли пустышкой.

Пустышка.

Слово отдавалось в груди чем-то липким и противным. Амалия сунула руку глубже в карман, нащупала шершавую поверхность пластины и сжала её так крепко, что края впились в кожу.

— Ну что, — крикнул Грегор, обернувшись на секунду. — Боишься?

— Нет, — соврала Амалия.

— А зря, — хмыкнул он. — Я слышал, там такое вытво-

ряют... Мне один купец рассказывал...

— Я знаю, — перебила Амалия, не желая слушать очередные страшилки. — У меня брат там учится.

— А, ну да, — Грегор сплюнул в пыль. — Слышал. Пережёлся на Свет, говорят? Гордость семьи...

Она промолчала. Гордость семьи — это Стефан. А она — то, что осталось. Пепел, как говорил отец.

«Ты не огонь, Амалия. Ты пепел. А пепел, дочка, помнит тепло. И когда-нибудь, когда ты захочешь, он зажжётся снова».

— А вот и она, — Грегор дёрнул поводья.

Амалия подняла голову и забыла, как дышать.

Академия Шести Путей оказалась больше, чем она могла себе представить.

Дорога поднялась на холм, и долина открылась перед ней вся сразу — огромная чаша между горами, устланная зелёными лугами, с рекой, извивающейся по дну. А над ней, в центре этой чаши, взметались в небо шесть башен. Амалия замерла. Она видела рисунки в старых книгах. Слышала рассказы Стефана — короткие, обрывочные, когда он ещё снисходил до разговоров. Но рисунки врал. Рассказы не передавали и десятой доли!

Башни были огромными. Не просто высокими — нереальными, словно их вытянули из земли самой магией. Каждая — в цвет своего факультета. Каждая — со своим характером. Белая, сверкающая на солнце так, что глазам больно,

предназначалась факультету Света. Чёрная, угольно-глубокая, поглощающая свет вокруг, была построена специально для факультета Тьмы. Она стояла чуть поодаль, будто даже башни не хотели соседствовать друг с другом. Синяя, с золотыми ободами на каждом ярусе — факультет Стихий. Она была широкой, устремлённой вверх, как волна или язык пламени. Пурпурная башня, окутанная лёгкой дымкой, которая не рассеивалась даже под солнцем, была отведена Разуму. Её очертания постоянно менялись, будто башня не могла решить, какой формы ей быть. Недалеко от неё стояла зелёная, увитая плющом и живыми растениями, которые вились по камню до самой вершины — Жизнь. Амалия готова была поклясться, что башня дышит. Затем её взгляд переместился на последнюю башню. Башню Рун.

Амалия смотрела на серую башню, и надежда в груди дрогнула. А вдруг она туда не попадёт? Вдруг сфера даст что-то другое? Вдруг она ошибётся в хорошую сторону?

Она попрощалась с Грегором, спрыгнула с телеги, поправила мешок на плече и пошла к воротам.

Внутренний двор оказался огромным — мощёная пло-

щадь, окружённая колоннадами, с фонтаном в центре. Вода в фонтане была не простой: она переливалась шестью цветами, падала и поднималась обратно, не проливаясь ни капли на камни. Студенты сновали туда-сюда, их мантии мелькали, как разноцветные крылья бабочек. Белые, чёрные, синие, пурпурные, зелёные...

И серые. Их было мало, очень мало. Они держались отдельно, будто знали своё место. Будто им уже вынесли приговор.

— Дорогу! — кто-то толкнул её плечом. Парень в синей мантии даже не извинился.

— Добро пожаловать в Академию, — пробормотала Амалия себе под нос.

Она заметила *их* краем глаза. Старшекурсники сидели на парапете фонтана, лениво наблюдая за толпой. Амалия сразу поняла откуда они. Мантии Тьмы были не просто черными — они поглощали свет. Плотная, тяжелая ткань, ни блеска, ни золота. Только черный цвет, от которого уставал глаз, и багровая кайма по рукавам и подолу. На свету она вспыхивала цветом запекшейся крови. На левой стороне груди красовался перевернутый месяц. Он был вшит рожками вниз багровой нитью. Капюшоны казались очень глубокими, но старшекурсники не накидывали их — держали на плечах, демонстрируя лица. Один из них смотрел прямо на неё. Волосы у него были чёрными, длинными, почти до плеч. Не собранные в хвост, как у многих, а распущенные, чуть растрёпан-

ные, будто он только что провёл рукой по голове. Чёлка падала на лоб, но не ровно — она разделялась на две стороны, каждая прядь струилась к вискам, оставляя открытой лишь узкую полоску кожи по центру. Левый глаз почти полностью скрывался за прядью, правый — смотрел на Амалию холодно и оценивающе.

— Эй, Рыжая, — окликнул её тот самый парень. — Подожди.

Голос был низким, чуть хрипловатым. Амалия замерла. Любопытство оказалось сильнее осторожности, и она сама не заметила, как подошла ближе.

Парень легко спрыгнул с парапета и оказался на целую голову выше неё. Чёрная мантия сидела на нём безупречно, а багровая кайма тускло мерцала в солнечных лучах.

— Первокурсница? — спросил он с усмешкой. — Хотя мог и не спрашивать. У тебя слишком потерянный вид.

— Я ищу одного человека, — ответила Амалия, удивляясь собственной смелости. — Студента факультета Света. Стефана Брандта. Он мой...

Она осеклась. Брат? Почему-то произнести это слово перед ними оказалось труднее, чем солгать.

— Он мой знакомый.

Троица переглянулась.

— Брандт? — переспросил второй парень, чуть пониже первого. В его носу поблёскивало серебряное кольцо. — Тот самый «золотой мальчик» из Лапидии?

— Да. Вы его знаете?

— А кто же его не знает? — протянула девушка с коротко стриженными волосами и острыми скулами. — Гордость факультета Света. Любимчик декана. Всегда в белом, всегда улыбается, всегда говорит правильные слова. — Она поморщилась. — Тоска зелёная.

— Так вы знаете, где его найти? — повторила Амалия, стараясь не замечать её тона.

Первый парень склонил голову набок.

— А зачем он тебе? Должница? Поклонница?

— Мы из одной деревни, — солгала Амалия. — Его мать просила передать письмо.

— О, — рассмеялся он. — Mamочка пишет своему золотому мальчику. Как трогательно!

Амалия сильнее сжала ляжку дорожного мешка. Ей не понравилось, как он это сказал, но спорить с тремя старшекурсниками она не собиралась.

Парень кивнул в сторону белой башни.

— Обычно Брандт торчит в восточном крыле. У отличников там свой маленький рай. Но сегодня церемония, так что все старшекурсники будут на балконах Большого зала. Если хочешь его увидеть — ищи там.

— Спасибо.

Амалия повернулась, намереваясь уйти.

— Эй, рыжая.

Она остановилась и оглянулась.

Насмешка исчезла с лица парня. Теперь он смотрел на неё серьёзно, почти мрачно.

— Он не стоит того. Эти белые мантии быстро забывают, откуда пришли. — Он посмотрел на сияющую башню. — Особенно когда им начинает казаться, будто они рождены для чего-то великого.

— Откуда вам знать?

Уголок его рта приподнялся, но глаза остались холодными.

— Мы — Тьма. Мы замечаем то, что Свет предпочитает не показывать.

От этих слов по спине Амалии пробежал холодок.

— Иди, — добавил он. — И держись подальше от белых башен. Таким, как ты, там не рады.

— Таким, как я?

Но парень уже забрался обратно на парапет и отвернулся, ясно давая понять, что разговор окончен.

Амалия пошла прочь, лишь оказавшись за ближайшей колонной, она остановилась и перевела дух.

«Он не стоит того».

Почему незнакомец так сказал? Что он знал о Стефане такого, чего не знала она?

Амалия посмотрела на белую башню. Та сверкала под солнцем так ярко, что на неё было больно смотреть. Где-то среди сияющих стен и белоснежных мантий находился её брат. Он ещё не знал, что она приехала. Или не хотел знать?

— Ладно, — прошептала Амалия. — Увидимся в Большом зале. Если ты, конечно, захочешь меня увидеть.

Она поправила мешок и направилась к залу испытаний, стараясь выбросить из головы слова тёмного мага. Но они уже застряли там, словно заноза:

«Они быстро забывают, откуда пришли».

Коридор будто сжимался с каждым её шагом. Амалия чувствовала это не умом, а лопатками: будто стены тихо сдвигались, проверяя, достойна ли она пройти дальше. Воздух стал густым, как остывающий сироп, и каждый вдох давался чуть тяжелее.

По стенам плясали огни факелов. Они не согревали, только высвечивали тени. Амалия машинально теребила край рубашки, чувствуя, как ткань чуть цепляется за мозоли на

пальцах. Слева и справа шли другие первокурсники: кто-то вышагивал с видом победителя, кто-то, как она, смотрел строго под ноги, будто на плитах был написан ответ на все вопросы.

В конце коридора возвышалась дверь из тёмного дерева, окованная потемневшей бронзой. Над ней застыл герб Академии, а ниже белели слова, высеченные на древнем наречии:

«Ищущий силу обретёт здесь ответ — или встретит свой конец».

Старшекурсник у двери нетерпеливо махнул рукой: — Проходите. Не задерживайте остальных.

За порогом Амалию встретила тишина. Зал казался бесконечным. Каменные своды вздымались так высоко, что терялись в сумраке, словно ночное небо заточили внутри стен. По тёмному полу растекался магический круг: сотни тонких линий переплетались в сложный узор и мерцали приглушённым золотом. Руны то гасли, то вспыхивали вновь, будто под плитами билось огромное, медленное сердце.

Вокруг круга сидели трое преподавателей в длинных мантиях. Капюшоны скрывали их лица, но Амалия чувствовала тяжёлые, оценивающие взгляды.

На столе перед ними лежала толстая книга в потёртом переплёте. Рядом возвышалась аккуратная стопка бумаг. В центре круга, прямо над сплетением рун, парила Сфера Распределения.

Прозрачный кристалл величиной с человеческую голову медленно вращался, не касаясь опоры. Внутри него клубился молочно-белый туман, а в глубине вспыхивали и гасли шесть цветов: белый, чёрный, синий, пурпурный, зелёный и серый.

Свет. Тьма. Стихии. Разум. Жизнь. Руны.

Пожалуйста, хоть серый. Хоть чёрный. Хоть зелёный. Любой.

Амалия стояла в очереди, сжимая в кармане отцовскую пластинку. Парень перед ней уверенно положил ладонь на Сферу. Туман внутри кристалла вздрогнул и вспыхнул насыщенным пурпуром.

— Разум, — произнесла женщина-преподаватель.

Юноша улыбнулся так, будто уже увидел своё имя на страницах истории, и отошёл к дальней стене. Следующая девушка едва коснулась стекла — и зал озарило ярко-зелёным сиянием.

— Жизнь.

Потом был темноволосый парень. Под его ладонью Сфера налилась глубоким синим, по которому пробежали алые всполохи.

— Стихии. Огненная ветвь.

Каждая вспышка приближала очередь Амалии. Каждое названное направление делало её дыхание короче. Наконец женщина опустила перо к бумаге и равнодушно произнесла:

— Следующая.

Амалия шагнула вперёд.

Раз. Два. Три.

С каждым шагом расстояние до Сферы будто не сокращалось, а становилось больше. Невидимая тяжесть легла ей на плечи, словно сам зал испытывал её ещё прежде, чем она прикоснулась к кристаллу.

«Главное — не из чего ты сделана, а что ты делаешь».

Один из преподавателей поднял голову.

— Не бойтесь, — произнёс он устало, но без насмешки. — Сфера не кусается. Положите ладонь на кристалл и ждите.

Легко сказать.

Амалия вынула руку из кармана. Пальцы дрожали. Она стиснула их в кулак, разжала и медленно протянула к Сфере. Холод ударил в кожу, Амалия задержала дыхание. Прошла секунда, потом другая. Белый туман внутри Сферы продолжал лениво клубиться.

Ничего.

Пять секунд.

Ни вспышки, ни искры, Ни малейшего изменения.

Десять.

Где-то позади кашлянули. По очереди пробежал едва слышный шёпот. Кто-то хихикнул и тут же умолк. Амалия прижала ладонь сильнее, будто могла заставить кристалл увидеть её. Сфера оставалась бесцветной.

Тишина сгустилась, стала вязкой и тяжёлой. Она давила со всех сторон, наполняя зал чужим любопытством и неловкостью. Казалось, даже древние стены стыдились происходящего и потому отводили взгляд.

Женщина-преподаватель перестала писать.

— Странно, — пробормотал сидевший рядом мужчина и подался вперёд. — Обычно Сфера откликается сразу.

Рука начала неметь от холода. В груди стало пусто, как в пересохшем колодце.

— Уберите руку.

Амалия подчинилась.

— Как ваше имя? — спросила женщина, открывая книгу.

— Амалия Брандт.

— Брандт... — она листала страницы, шурша пергамен-

том. — Лапидия. Семья артефакторов. У вас есть магический дар?

Амалия сжала зубы. Хотелось сказать что-то умное, гордое. Но правда была короткой и колючей.

— Нет, — тихо сказала она. — То есть... на тестах в Глиптории ничего не показало. Но я умею вырезать руны на металле. Я...

— Понятно, — женщина не дослушала. Поставила печать в книгу и посмотрела на Амалию не со злостью, а просто как на факт, который нужно зафиксировать. — Факультет Рун. Следующий.

Надежда угасла, как фитиль в сырой комнате. Амалия отступила назад, чувствуя лёгкое головокружение. Она знала, что так будет. Знала с детства, когда пыталась зажечь свечу и не могла, когда соседские мальчишки кричали «пустышка». Но надежда жила. Маленькая, тёплая, упрямая искра: «А вдруг?» Теперь она погасла.

Толпа вокруг шевелилась, звенела голосами, жила своей жизнью. Кто-то смеялся. Кто-то отводил взгляд — стыдно было даже смотреть на такую неудачницу. Амалия уставилась в пол, пытаясь дышать ровно.

Не плачь. Не здесь. Не при всех.

Амалии пришлось ждать несколько часов, пока последний первокурсник пройдёт испытание. За это время им выдали бесформенные мантии, сшитые из грубой серой ткани.

Почему серые? Разве факультетские цвета не должны

отличаться?

Когда первокурсников наконец пригласили в Большой зал, Амалия пристроилась в самом конце строя. В центре помещения горел Круг Шести Путей — древняя композиция из бронзы и камня, разделённая на шесть секторов. Каждый светился своим цветом.

Новичков собралось больше сотни. Они шептались, переглядывались, одёргивали непривычные мантии. Амалии досталась слишком большая: ткань висела на плечах мешком, рукава закрывали пальцы, а капюшон то и дело сползал на глаза.

— Могли бы и по размеру подобрать, — проворчала де-вушка рядом, пытаясь подвернуть рукав. — Всё-таки посвящение бывает раз в жизни.

Амалия едва слышно хмыкнула, но ничего не ответила.

Она смотрела на балконы. Ярусы вдоль стен были заполнены старшекурсниками. Где-то среди белых должен был находиться Стефан. Амалия знала, что он там. Чувствовала его присутствие почти физически, но сколько ни всматривалась в лица, брата разглядеть не могла.

— Тишина.

Ректор не повысил голоса, однако одно это слово прокатилось по залу подобно удару колокола. Шёпот оборвался.

На возвышении стоял высокий седой маг в белой мантии, расшитой золотыми звёздами. По обе стороны от него выстроились шестеро деканов.

— Первокурсники, — начал ректор. — Вы прошли испытание и доказали, что достойны учиться в Академии Шести Путьей. Сегодня ваши имена будут внесены в её летопись. Сегодня вы станете частью истории, которая началась задолго до вашего рождения и продолжится после того, как нас не станет. Одни из вас станут её героями, другие останутся в их тени. Но каждый, кто стоит здесь, обрёл свой Путь.

На этих словах у Амалии болезненно сжалось сердце.

Каждый? Её Сфера так и не выбрала.

— Начнём посвящение.

Первой вперёд выступила декан Света — высокая женщина с ледяными голубыми глазами и безупречной осанкой.

— Избранные Светом, подойдите к своему Пути.

Из толпы вышло около тридцати первокурсников. Волнуясь, они приблизились к золотому сектору круга и один за другим положили ладони на бронзовый символ восходящего солнца. Золотое сияние пробежало по их серым мантиям, проникло в каждую нить — и ткань начала меняться. Тусклая серость растаяла, уступая место ослепительной белизне. На воротниках и манжетах проступила золотая вышивка, а на груди зажглись знаки солнца, пульсирующие в такт сердцам новых учеников.

По залу прокатился восхищённый вздох. И только тогда Амалия поняла, почему всем первокурсникам выдали одинаковые серые одежды.

Вот, значит, для чего. Устроили целое представление.

Декан Света подняла руку.

— Клятва Света.

Тридцать голосов слились в один:

— Клянусь нести свет, даже когда тьма кажется сильнее.

Клянусь защищать слабых и противостоять несправедливости. Моя магия — мой долг. Мой свет — моя честь.

Зал взорвался аплодисментами. Старшекурсники в белых мантиях кричали, свистели и выкрикивали имена посвящённых. Золотые искры взлетели над кругом и медленно растаяли в воздухе.

Амалия снова посмотрела на балконы. На этот раз ей показалось, что среди белых мелькнул знакомый профиль.

— Стефан... — беззвучно прошептала она.

Но фигура тут же скрылась за чужими плечами. Возможно, ей лишь почудилось.

Вперёд выступил декан Тьмы. Худой мужчина с длинными чёрными волосами и тяжёлым, неподвижным взглядом.

— Избранные Тьмой, — произнёс он негромко.

По залу разлился холод.

— Подойдите к своему Пути.

Около пятнадцати человек шагнули к багровому сектору. Их мантии засветились глубоким, мерцающим чёрным цветом, багряным по краям.

— Клянусь хранить тайны, которые мне откроются. Клянусь знать цену силе и не бояться платить. Моя тьма — не зло. Она — моя свобода.

Декана Тьмы сменил декан Стихий. Он рывкнул так, что дрогнули своды:

— Стихии! Ко мне!

Их оказалось больше всех — почти сорок человек. Они коснулись синего сектора, и мантии вспыхнули глубоким тёмно-синим цветом. По рукавам побежали оттенки личных стихий: алый, лазурный, зелёный, светло-голубой. На груди проступил знак факультета — огонь и волна, сплетённые в круг.

На клятву Стихий зал ответил одобрительным гулом. Стихий любили: шумные, сильные, они редко вмешивались в чужие дела.

Следующей почти бесшумно выступила декан Разума — женщина в пурпурной мантии с серебряной вышивкой, чьё лицо скрывал глубокий капюшон. К пурпурному сектору подошли семеро. Их мантии окрасились в мрачный цвет сумерек. На груди появился глаз в раскрытой книге; серебряный зрачок казался живым и следил за залом.

За ними вышел факультет Жизни. Улыбчивая седая старушка в зелёной мантии, с карманами, полными сушёных трав, поманила студентов рукой. К зелёному сектору вышли десять человек. Их мантии засветились тёплым травянистым цветом с золотистыми искрами. На груди проступило древо с переплетёнными корнями.

Амалия тяжело вздохнула. Настала её очередь.

— Руны.

Их было четверо. Четверо на весь курс: два парня и две девушки. Все в одинаковых серых мантиях, которым, казалось, даже не требовалось преобразование.

Они подошли к бронзовому сектору. Амалия положила ладонь на круг. Мантия вспыхнула, но цвета не изменила — лишь заструилась серебристым отливом. Бронзовые пуговицы мягко блеснули, а на груди проступил знак факультета: молот.

— Клянусь чертить точно. Клянусь помнить древних. Клянусь не сдаваться, даже когда все против меня. Мои руны — моя память. Моя бронза — моя сила.

Зал промолчал. Ни хлопка, ни одобрительного возгласа.

Амалия отошла в сторону, заставляя себя не смотреть по сторонам. Не искать *его*. Но предательство всегда знает, куда ударить. Она всё-таки подняла голову.

Балкон Света сиял. Там стояли лучшие из лучших — гордость Академии, будущие хранители и заклинатели, те, кому словно с рождения было обещано место под солнцем. И среди них — Стефан. В белой мантии с золотой вышивкой он казался почти нереальным. Прямой, красивый, безупречный. Тот самый сын, которым гордились. Брат, чьё имя за семейным столом произносили с теплом. Мальчик, который когда-то держал её за руку в грозу и шептал, что никакие тень не заберут её, пока он рядом. Сейчас он смотрел на неё.

Амалия замерла. На одно жалкое, глупое мгновение в ней вспыхнула надежда.

Ну же! Улыбнись, кивни. Сделай хоть что-нибудь! Покажи, что ты всё ещё мой брат.

Стефан не улыбнулся, не сделал ни единого движения. Просто отвернулся, переведя взгляд на следующего оратора, будто Амалия была пустым местом, ошибкой церемонии, серым пятном на белом полотне.

И тогда что-то внутри оборвалось. Последний тлеющий уголёк надежды погас, не оставив после себя ничего, кроме холодного пепла.

Вот что значит быть пустой, даже брат не хочет меня знать.

Когда посвящение закончилось, ректор снова вышел вперёд.

— Помните: цвет мантии не определяет вашу ценность. Её определяют поступки.

Амалия невольно подняла голову. Ректор смотрел в зал, но на миг ей показалось, что слова предназначались только ей.

Наступила тишина, а затем Большой зал взорвался аплодисментами. Звук обрушился со всех сторон. Студенты смеялись, перекрикивались, поздравляли друг друга. Для них церемония закончилась. Для них начиналась новая жизнь.

Амалия не хлопала. Она стояла неподвижно посреди всеобщего восторга, будто шум не мог до неё добраться. Внутри было тихо. Она вышла из зала, не оглядываясь. За спиной всё ещё гремели аплодисменты, сияли белые мантии и зву-

чали радостные голоса. Впереди ждали незнакомые коридоры, холодные лестницы, чужая комната и первая ночь в Академии.

Я приехала не ради него. Правда. Я хотела доказать себе, что чего-то стою. Но чего я стою теперь? Сфера не загорелась — словно меня не существует. Я умею чертить руны, не блестяще, но умею. Только Сфера не видит труда. Она видит дар, а у меня его нет.

— Первокурсница?

Амалия остановилась и обернулась.

Позади стоял парень в серой мантии с бронзовыми нашивками. Смотрел он устало, но с любопытством.

— Амалия Брандт, — представилась она, не дожидаясь вопроса.

— Вальтер. Староста Рун. — он кивнул в сторону лестницы. — Пойдём, Брандт. Сейчас собрание факультета.

Кабинет старосты находился на третьем этаже башни Рун, в конце узкого коридора, где факелы горели через один, а в воздухе пахло старой бумагой, металлом и чем-то горелым.

Вальтер распахнул дверь. Помещение оказалось тесным. У стен теснились шкафы с книгами и свитками, на подоконниках громоздились металлические заготовки, а почти весь пол покрывали недорисованные схемы. За большим столом, заваленным чертежами и бронзовыми пластинами, едва угадывалось кресло.

— Садитесь, — сказал Вальтер, указывая на лавки у сте-

ны.

Сам он устроился за столом и смахнул в сторону несколько свитков. Форменная мантия сидела на нём так, будто он родился в ней: локти протёрты, манжеты опалены, а одна из бронзовых пуговиц держалась на единственной нитке.

— Для тех, кто успел забыть: я Вальтер, студент четвёртого курса и староста факультета Рун. Не декан, не преподаватель и уж точно не ваша нянька. Но если что-то случится — приходите ко мне. Желательно до того, как взорвёте башню.

Кто-то неуверенно рассмеялся. Амалия незаметно оглядела ребят, сидевших по обе стороны от неё.

Слева — единственная девушка, кроме неё самой. Русые волосы были собраны в низкий безупречный пучок. Светлая кожа, зелёные глаза. Девушка смотрела на Вальтера так сосредоточенно, словно не просто слушала, а раскладывала каждое его слово по полочкам, чтобы позже предъявить их ему на допросе. Она сидела с идеально прямой спиной, ладони спокойно лежали на коленях, плечи расслаблены, подбородок чуть приподнят. Ни одного лишнего движения. Ни одного случайного жеста. Всё в ней казалось собранным, точным, выверенным.

Такая, наверное, встает в шесть утра, застилает кровать по армейскому образцу и никогда не опаздывает.

Эльза Вогель. Имя она заметила раньше — на одном из листов тонкой брошюры, которую им выдал Вальтер.

Справа расположился парень, которого Амалия заметила

далеко не сразу. Он не привлекал внимания — и, кажется, именно этого добивался. Тихий, неподвижный, почти сливающийся с тенью у стены, он сидел так спокойно, будто давно научился становиться частью любого пространства. Чёрные длинные волосы были собраны на макушке в высокий тугой пучок и закреплены двумя тонкими бронзовыми спицами. Ни одного выбившегося волоска. Волосы лежали гладко, почти зеркально, и Амалия невольно подумала, что без какого-нибудь геля здесь явно не обошлось.

На его запястьях поблёскивали браслеты с мелкими бронзовыми бусинами. Когда он едва заметно поворачивал кисть, они отзывались тихим, сухим позвякиванием, похожим на шёпот маленьких колокольчиков.

Одет он был непривычно: тёмно-синяя хакама мягкими широкими складками спадала вниз, скрывая ноги, из-за чего с первого взгляда напоминала длинную юбку; чёрная рубашка с узкими рукавами плотно облегалa запястья. Поверх, небрежно накинутая на плечи, лежала мантия факультета Рун — не как форма, а как плащ, который он мог в любой момент сбросить и исчезнуть.

Лицо у него было спокойным, почти непроницаемым. Амалия не сразу поняла, смотрит ли он на Вальтера или куда-то сквозь него. А потом парень медленно повернул голову. Их взгляды встретились.

У него были узкие тёмные глаза — настолько глубокие, что в них трудно было уловить оттенок. Не чёрные, нет. Ско-

рее цвета крепкого чая, настоящего до горечи, или влажной земли после дождя. Взгляд спокойный, прямой, без любопытства и без вызова.

— Макото Акияма, — прочитала Амалия про себя, мельком глянув на список. Фамилия незнакомая, не лапидийская. Наверное, из Восточных земель.

Рядом с ним, придвинувшись чуть ближе, сидел ещё один парень — полная противоположность. Русые, слегка выющиеся волосы вечно лезли на лоб. Карие глаза смотрели открыто, весело, с лёгкой озорной искрой. Он вертелся на месте, крутил в пальцах перо, поглядывал по сторонам, будто не мог усидеть ни секунды.

— Я — Дэррил! — шепнул он Амалии, заметив её взгляд. — Дэррил Хейз. А ты?..

Вальтер негромко кашлянул. Дэррил виновато прикусил язык, но улыбка так и осталась на его лице. Казалось, даже если его выставят за дверь, он уйдёт оттуда вприпрыжку и по дороге умудрится подружиться с дверной ручкой.

Вальтер продолжил говорить о расписании, правилах факультета и библиотечных часах, но Амалия слушала уже вполуха. Слова скользили мимо: «утренние лекции», «запретные секции», «письменное разрешение декана»...

Тем временем Вальтер убрал лист с расписанием, аккуратно пригладил ладонью край стола и развернул перед ними карту.

— Теперь что касается вашего жилья, — сказал Вальтер и

постучал костяшкой пальца по центру карты. — Общежитие у нас общее на всю Академию. Старое высокое здание в семь этажей.

Вальтер ткнул пальцем в левую часть схемы. На карте там был нарисован вытянутый корпус с башенками и маленькими окнами, обведёнными золотистой тушью.

— Западное крыло. Здесь живут факультеты Света и Стихий. Элита с силой. Живут вместе, потому что, как принято считать, уважают друг друга.

Он на секунду задумался, уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Ну или очень убедительно делают вид.

Палец Вальтера переместился вправо. Восточное крыло на карте было затемнено серыми штрихами; окна там почему-то были нарисованы уже, чем в остальных частях здания.

— Восточное крыло. Тьма и Разум. Деканы решили поселить их вместе, потому что больше никто с ними не уживётся.

Дэррил тихо фыркнул.

— А они друг с другом уживаются?

— Они называют это взаимным невмешательством, — сказал Вальтер. — Что на языке нормальных людей означает: «не трогай мои вещи, не лезь в мои мысли, и, возможно, мы оба доживём до завтра».

Эльза чуть заметно нахмурилась, будто мысленно сделала пометку: избегать восточного крыла после заката. Амалия

же против воли взглянула на темноволосого парня справа. Он остался неподвижен, но браслеты на его запястье тихо звякнули, когда он сложил руки иначе.

Вальтер поднял глаза на первокурсников и наконец указал на нижнюю часть карты.

— А это наше крыло. Южное. Мы делим его с Жизнью.

На схеме южный корпус был обозначен зелёной тушью. Вдоль стен художник нарисовал виноградные лозы, круглые окна и что-то похожее на внутренний сад.

— Живём вместе, потому что мы единственные, кто способен жить в мире, — продолжил Вальтер и позволил себе короткую улыбку. — У Жизни нет причин нас ненавидеть, а у нас — ненавидеть Жизнь. Практично, не находите?

— Пока не слишком обнадёживающе, — пробормотал Дэррил. — Нас определили по принципу «эти хотя бы не передерутся».

— А столовая? — неожиданно спросила Эльза.

И тут же, будто сама удивившись своему вопросу, слегка смутилась. На её светлой коже проступил едва заметный румянец, но спину она всё равно держала идеально прямо. Дэррил медленно повернулся к ней с видом человека, обнаружившего родственную душу.

— Кто-то уже проголодался?

Он, заразительно засмеялся, чуть прихрюкивая в конце, из-за чего Амалия едва удержалась от улыбки. Эльза посмотрела на него спокойно, хотя кончики ушей у неё всё ещё ро-

зовели.

— Я предпочитаю узнавать обо всём заранее, а не догонять на бегу.

— Ну да, ну да, — Дэррил, казалось, вовсе не собирался отступать. Он хмыкнул, толкнул локтем соседа, рассчитывая на поддержку, но тот лишь отвёл глаза и сделал вид, будто чрезвычайно занят изучением трещинки в полу. — Книжный червь, значит? Наверняка уже всё расписание выучила наизусть.

— Выучила, в отличие от некоторых, кто, судя по всему, не запомнил даже названия ни одной дисциплины.

Дэррил открыл рот, потом закрыл. На его скулах проступил густой румянец, и самоуверенная улыбка наконец-то дала трещину.

— Да ладно, я просто спросил...

— Прекрасно, — Эльза уже отвернулась от него, словно разговор утратил всякий интерес. — Так где столовая, Вальтер?

Вальтер не удержался от усмешки. Она мелькнула в уголках его губ и тут же исчезла, но Амалия успела заметить: старшекурсник явно получил удовольствие от короткой расправы.

— Отдельное здание рядом с общежитием, — ответил он и кивком указал в сторону высокого окна, за которым в сгущающихся сумерках темнели шпили Академии. — Соединено крытой галереей.

Вальтер ещё несколько минут рассказывал о мелочах, без которых академическая жизнь могла превратиться в череду унижительных неприятностей: где получать учебники и форму, куда сдавать зачарованные вещи на проверку, почему не стоит подниматься на северную лестницу после полуночи и отчего библиотекарь запоминает лица лучше, чем родные матери. Амалия слушала внимательно, но часть её мыслей уже блуждала дальше — к общежитию, к комнате, к новым соседкам и к странному ощущению, что прежняя жизнь осталась где-то за воротами Академии, а впереди ждёт нечто огромное, пугающее и прекрасное.

Наконец Вальтер взглянул на настенные часы. Тонкие стрелки дрогнули, отбрасывая длинные тени на циферблат с выцветшими золотыми цифрами.

— Думаю, на этом всё. Вопросы есть?

Первокурсники молчали. Даже Дэррил, всё ещё уязвлённый, благоразумно промолчал.

— Отлично. Тогда за мной.

Вальтер довёл их до нужной двери в южном крыле и остановился.

— Комнаты — на ваших листках, — бросил он, уже собираясь уходить. — Расписание и правила проживания там же. Завтра в восемь тридцать. Без опозданий.

Он задержал взгляд на Дэрриле чуть дольше, чем на остальных.

— Особенно без героических оправданий.

Дэррил насупился, но ответить не решился. Вальтер развернулся и ушёл по коридору быстрым уверенным шагом. Полы его мантии скользнули за поворотом, и четверо первокурсников остались одни.

Амалия развернула свой листок и нашла строку с жильём.
Комната 47.

Сердце почему-то ударило чуть сильнее. Она подняла глаза на дверь перед собой. На тёмной деревянной табличке были выгравированы три фамилии: *Вогель Э. Брандт А. Зорич М.*

— Мы вместе, — сказала Амалия и обернулась к русоволосой девушке.

Та тоже смотрела на табличку.

— Похоже на то, — кивнула она. — Я Эльза. Эльза Вогель.

— Амалия Брандт.

Эльза стояла, выпрямив спину, и смотрела на Амалию спокойно, без тени смущения. Под мантией угадывалась тёмно-синяя водолазка с высоким воротом и серая юбка — чуть выше колена, простая, но аккуратно отглаженная. Тёмные колготки без стрелок и начищенные до зеркального блеска кожаные ботинки на низком каблуке украшали её стройные ноги. На шее блестела тонкая серебряная цепочка с крошечным кулоном. Амалия смогла заметить в нём светло-зелёный камень, почти прозрачный, в цвет её глаз. Рядом с кулоном висела маленькая бронзовая руна «Защиты»,

вырезанная вручную. От неё пахло сладко, но не приторно — мягко, по-домашнему: сушёными яблоками и корицей. Словно она только что вышла из кухни, где томился в духовке свежий пирог.

Амалия толкнула дверь. Комната оказалась небольшой, но чистой. Три кровати вдоль стен, три тумбочки, один общий стол у окна. На одной из кроватей уже лежали аккуратно сложенные вещи — книги, шкатулка, непонятный свёрток.

Эльза выбрала кровать у стены, рядом с тумбочкой, и тут же начала раскладывать вещи. Амалия взяла кровать у окна. Села на край, провела ладонью по тонкому матрасу.

Жёстко, но чисто. В Глиптории было не лучше.

Неожиданно, в дверь постучали — и, не дожидаясь ответа, в комнату влетела девушка с огромной корзиной в руках.

— О! — воскликнула она, окидывая комнату быстрым взглядом. — Хоть кто-то уже здесь! А я боялась, что приеду первая и буду сидеть одна!

Корзина с глухим стуком приземлилась на стол. Амалия заметила торчащие из неё пучки сушёных трав, банку с мёдом и что-то, пахнущее свежим хлебом.

— Мила, — представилась девушка, вытирая руку о джинсы и протягивая её сначала Эльзе, потом Амалии. — Мила Зорич. Факультет Жизни, второй курс. А вы, наверное, мои новые соседки?

Мила была совсем не похожа на них. Каштановые, почти чёрные волосы густыми волнами спадали на плечи —

длиной чуть ниже лопаток, пышные и вьющиеся. Несколько непослушных кудряшек вечно выбивались из общей массы и обрамляли лицо. Сейчас они были стянуты в высокий пучок, но пряди уже начали выскальзывать. Кожа смуглая, какая бывает у тех, кто много времени проводит на солнце. Лицо кругловатое, с мягкими чертами, полными губами, которые привыкли улыбаться, и маленькой родинкой на левой щеке. А глаза — карие. Амалия невольно отметила, что пальцы у Милы были крепкими, чуть шершавыми — это были руки человека, привыкшего возиться с землёй, стеблями и глиняными горшками. На тонких запястьях позвякивали браслеты: льняные нити, мелкие бусины и пришитые к ним сухие выцветшие цветы.

Мила принялась разбирать корзину: пучки трав легли на подоконник, маленькие жестяные банки заняли место на столе, свёрток с лепёшками был бережно расправлен на чистой салфетке.

Комната сразу изменилась. Ещё минуту назад чужая, казённая, пахнувшая свежевывытым полом и старым деревом, теперь она наполнилась ароматом мяты, сухих цветов и тёплой выпечки. Амалия поймала себя на том, что плечи у неё немного опустились.

Закончив, Мила уселась на кровать, поджала под себя ногу и с открытым любопытством оглядела соседок.

— Страшно? — спросила она без насмешки и ненужной жалости.

Амалия ответила не сразу. В горле отчего-то стало тесно. Она опустила взгляд на руки, всё ещё сжимавшие край дорожной сумки, и лишь тогда заметила побелевшие костяшки пальцев. Эльза тоже промолчала. Она стояла у стола с непроницаемо спокойным лицом. За этим спокойствием могло скрываться что угодно: от полного равнодушия до старательно подавленного волнения.

— Мне тоже было страшно, — призналась Мила. — В первую ночь я плакала в подушку. Тихо-тихо, чтобы никто не услышал.

Амалия подняла на неё глаза.

— А сейчас?

— Сейчас уже нет. — Мила покачала головой. Несколько прядей выбились из косы и легли на щёку. — Поначалу Академия кажется огромной и холодной. Словно ты здесь лишняя. Но потом привыкаешь. Узнаёшь, где чай вкуснее, какие лестницы меньше скрипят и у какого преподавателя лучше не садиться за первую парту... — Она ненадолго замолчала. — И находишь своих людей.

Мила тепло улыбнулась, а затем вдруг поднялась и потянулась, сцепив руки над головой. Браслеты на её запястьях тихо звякнули.

— Ладно, я в теплицу, пока не стемнело. Нужно полить растения. Вернусь примерно через час. Давайте сегодня поужинаем вместе? В столовой.

— Хорошо, — сказала Эльза.

— Давайте, — кивнула Амалия.

Мила подхватила пустую корзину и ещё раз окинула комнату взглядом, будто проверяя, всё ли расставила по местам. Затем вышла, прикрыв за собой дверь.

Комната сразу стала тише. Эльза взяла верхнюю книгу из своей аккуратной стопки, провела пальцами по потёртому корешку и открыла первую страницу. Читала она сосредоточенно, почти не двигаясь. Лишь взгляд быстро скользил по строчкам, да время от времени едва заметно подрагивал уголок страницы под её пальцами.

Амалия подошла к окну. За стеклом вечер медленно сгущался, расползаясь по двору сизой дымкой. Небо теряло цвет: голубое выцветало в серое, серое — в лиловое. Каменные стены Академии темнели, становились строже и выше, будто с наступлением сумерек древнее здание вспоминало свой истинный возраст.

По периметру один за другим вспыхивали фонари. В каждом, за узкими гранями мутноватого стекла, оживала бронзовая пластина с выгравированной руной Света. Сначала символы тлели едва заметно, как угли под пеплом, потом разгорались ровным янтарным сиянием. Амалия читала, что эту систему придумали рунные маги двести лет назад; и до сих пор никто не придумал лучше. Первый день в Академии подходил к концу.

Вечером Амалия, Эльза и Мила спустились в столовую.

— Первый день, — пояснила Мила, оглядывая почти пу-

стой зал, словно заранее извинялась за непривычную тишину. — Многие ещё не приехали, кто-то ужинает со своими. Завтра здесь будет не протолкнуться: шум, сплетни, драки за лучшие булочки... Всё как полагается.

Из-за пустоты столовая казалась особенно огромной. Длинные столы уходили в полумрак, над ними медленно покачивались магические светильники. Где-то у дальней стены звякнула посуда, из кухни потянуло тёплым запахом хлеба и тушёных овощей.

Девушки взяли подносы. Еда оказалась простой: густая каша, ломти тёмного хлеба, маффины с потрескавшейся сахарной корочкой и кипяток в тяжёлых глиняных кружках.

Мила выбрала столик в углу, у высокого окна.

— Вот теперь можно жить, — объявила она, усаживаясь напротив Амалии.

Из кармана она достала маленькую жестяную коробочку с потёртыми краями. На крышке красовался кривоватый венчик из ромашек.

— Сама вырастила.

С важностью жрицы Мила открыла коробочку. Внутри лежала смесь сушёных листьев и цветов: мята, Melissa, ромашка и что-то лиловое. Она щедро насыпала травы в кружки и залила кипятком. Над столом сразу поднялся мягкий, зелёный аромат с едва уловимой сладостью летнего сада после дождя.

— В столовой чай так себе, — сказала Мила, поморщив-

шись. — А этот — с мятой, мелиссой и секретным ингредиентом. Так что пейте и не спорьте.

Прежде чем взять кружку, Эльза подозрительно прищурилась:

— И что за секретный ингредиент?

Мила выдержала паузу, глядя на неё совершенно серьёзно.

— Любовь.

А потом подмигнула. Эльза тихо фыркнула, но кружку всё же взяла. Амалия невольно улыбнулась — впервые за этот бесконечный день по-настоящему.

Чай оказался удивительно вкусным. Не просто горячим травяным настоем, а чем-то почти домашним. Тепло медленно разлилось по телу: сперва согрело ладони, затем грудь, распустилось под рёбрами и потекло к плечам, к кончикам пальцев. Амалия не сразу заметила, что перестала сжимать кружку, будто держалась за последнюю опору. Пальцы разжались, дыхание выровнялось.

Некоторое время они молчали, поедая свой скромный ужин. Потом Мила рассказала, что до дрожи боится пауков, но однажды три часа вытаскивала из теплицы ядовитую лозу, потому что «растение не виновато, что кусается». Эльза призналась, что не ест рыбу ни в каком виде: в детстве младший брат убедил её, будто жареные караси по ночам мстят тем, кто их съел. Мила рассмеялась так звонко, что кухарка у дальней стойки обернулась и погрозила им половником.

Когда они наконец вернулись в комнату, коридоры Академии уже погрузились в вечернюю полутьму.

Амалия шла чуть позади Милы и Эльзы, слушая их негромкий разговор, и вдруг поймала себя на неожиданной мысли: сегодня она впервые не чувствовала себя совсем чужой.

Эти двое ещё не были её подругами. Для дружбы нужны время, доверие, пережитые вместе радости и неприятности. Но между ними уже протянулась первая тонкая нить.

И Амалия очень надеялась, что эта нить не оборвётся.

Глава 2

На следующее утро Амалия проснулась, когда за окном ещё лежала серая предрассветная мгла, а в комнате уже горела настольная лампа. Мила сидела, поджав под себя ногу, и сосредоточенно перебирала свои травы, раскладывая их по маленьким жестяным коробочкам. Рядом с ней стояла кружка; над ней поднимался тонкий ароматный пар.

— Доброе утро, — сказала Мила, не оборачиваясь, будто почувствовала, что Амалия открыла глаза. — Я заварила чай. Эльза уже в душе, тебе через тридцать минут выходить. Если хочешь успеть позавтракать, лучше поторопиться.

Амалия села на кровати и провела ладонями по лицу, пытаясь стряхнуть остатки сна. Всю ночь ей снилось что-то странное: обрывки голосов, тени в длинных коридорах, холодный блеск камня под босыми ступнями. Она почти ничего не помнила, но тревога осталась.

— Спасибо, — тихо ответила она, принимая кружку.

На этот раз чай пах ромашкой и чем-то сладковатым, медовым. Амалия сделала осторожный глоток, и тепло мягко разлилось по груди, прогоняя мутную тяжесть после беспокойной ночи. Мысли постепенно становились яснее.

— Мила, а у тебя сегодня есть занятия? — поинтересовалась Амалия, согревая пальцы о тёплые стенки кружки.

— Есть. «Основы исцеления». — Мила страдальчески

вздохнула и отложила пучок серебристых листьев. Те тихо зашелестели, словно были недовольны вместе с ней. — Скука смертная. Преподавательница — старая зануда, убеждённая, что лечить можно только её методами. Любой другой способ она считает либо шарлатанством, либо личным оскорблением! Старая карга... Но у неё есть доступ к теплицам, так что приходится терпеть.

На мгновение лицо Милы омрачилось, однако уже в следующую секунду в её глазах вспыхнул знакомый азарт.

— Зато потом будет «Травология»! Вот это действительно интересно. Мы сами собираем и сушим травы, готовим настои, варим зелья, учимся правильно вытягивать из растений силу — так, чтобы не погубить их и самим не отравиться. А после — «Призыв фауны». Это почти как дрессировка зверей, только при помощи магии.

Для Амалии всё это звучало настолько необычно, что почти не укладывалось в голове. Она с удовольствием слушала бы Милу ещё долго. Та рассказывала с таким живым восторгом, что даже самые странные названия предметов переставали пугать и начинали манить. Но до первой пары оставалось слишком мало времени.

Я и так в этой мантии выгляжу... ну, скажем так, не очень. Словно меня завернули в занавеску по ошибке. А если ещё и не успею привести себя в порядок — на первой паре все будут смотреть не на доску, а на меня.

Амалия допила чай и поднялась с кровати. Почти одно-

временно дверь ванной открылась, выпуская в комнату облако тёплого пара. Из белёсой дымки появилась Эльза — с влажными волосами, полотенцем на плечах и неизменно спокойным выражением лица, словно утренняя суета не имела над ней никакой власти.

Ровно через двадцать минут студентки рунного факультета вышли из комнаты.

В коридорах уже кипела жизнь. Хлопали двери, по каменным плитам торопливо стучали каблуки. Воздух был наполнен голосами, запахом свежего хлеба из столовой и едва уловимой горечью магических чернил.

Эльза развернула расписание и на ходу сверилась с аккуратными строчками.

— Первая пара — «Основы магической теории». Профессор Арлан считается лучшим преподавателем факультета Света. Говорят, он умён и не обращает внимания на цвет мантии. — она пожала плечами. — По крайней мере, так написано в справочнике для первокурсников.

— Ты и справочник успела прочитать?

— Он был в списке литературы. — В голосе Эльзы прозвучало лёгкое недоумение, словно Амалия спросила, не забыла ли она утром обуться. — Конечно, прочитала.

Она сложила расписание и двинулась дальше. Амалия задержалась лишь на мгновение. Где-то впереди, за высокими окнами и переплетением галерей, сияла белая башня — яркая, безупречная и отчего-то совсем не гостеприимная.

Амалия крепче сжала ремень сумки и поспешила за Эльзой.

Башня Света находилась в восточной части Академии. Её было видно ещё издалека — она возвышалась над крышами соседних корпусов, белая, сияющая, как зуб дракона, вонзившийся в небо. Стены её были сложены из белого мрамора, который добывали в горах Солардиса. Каждый блок был отполирован так, что в них можно было смотреться, как в зеркало. На солнце мрамор горел светом, чистым и холодным, от которого слезились глаза.

Витражные окна тянулись вдоль всей башни, от земли до самого купола. Стекла были цветными и складывались в огромные картины: паладины, сражающиеся с тьмой; восходящее солнце над горами; маги Света, исцеляющие больных. Купол на вершине башни был сделан из стекла, но не простого, а зачарованного. Он усиливал солнечные лучи так, что даже в пасмурный день внутри царил золотистый полусумрак. Говорили, что в ясную погоду купол видно за десять километров — он сверкал, как вторая луна. У подножия башни росли аккуратные кусты самшита. Дорожки были выложены белым камнем, каждая плитка подогнана друг к другу с ювелирной точностью. Амалия смотрела на эту красоту и чувствовала, как внутри закипает неприятное волнение.

Внутри было светло до рези в глазах. Пол был выложен мраморными плитами с золотыми прожилками. По бокам тянулись золотые колонны. Настоящего золота или искусно

выкрашенного бронзового сплава — с первого взгляда было не понять. Каждая колонна была украшена искусной резбой: восходящее солнце, расправляющий крылья орёл, меч, воткнутый в камень. На стенах, в массивных золочёных рамах, висели портреты бывших деканов. Старики с бородами, женщины с мечами, юноши с книгами — все в белых мантиях, все с идеально прямой осанкой. Потолок уходил высоко-высоко, теряясь в золотистой дымке. Магия, наверное. Или просто искусное освещение. Амалия не стала вглядываться — затекла шея.

Аудитория оказалась с амфитеатром на восемьдесят мест на третьем этаже. Парты были из полированного дерева, а вместо доски в центре аудитории парила магическая панель для письма.

Девушки выбрали места в шестом ряду — достаточно близко, чтобы хорошо слышать преподавателя, и достаточно далеко, чтобы не оказаться у него на виду.

Аудитория постепенно заполнялась.

Студенты в белых мантиях занимали первые ряды, словно эти места по праву принадлежали им. Они переговаривались через проход, перебрасывались шутками и смеялись, не забываясь о том, что их слышат остальные. Над одной из парт вспыхнула крошечная золотая птица, хлопнула крыльями и растаяла в воздухе. В ответ кто-то вызвал россыпь светящихся искр.

Следом вошли тёмные маги. Чёрные мантии с багровой

каймой, спокойные лица, цепкие взгляды. Не сговариваясь, они направились в конец аудитории, будто давно привыкли держаться подальше от чужого любопытства. Заняли последний ряд, ближе к выходу, и молча достали тетради.

Амалия невольно проследила за ними взглядом. Один из тёмных — тот, что сидел с краю, — вдруг повернул голову. Их глаза встретились. Он был высок и слишком бледен; на фоне чёрной мантии его волосы казались почти белыми. Холодные глаза смотрели без враждебности — лишь с усталостью, странной для человека двадцати с небольшим лет. Так смотрят те, кому довелось увидеть больше, чем следовало. Тёмный маг едва заметно кивнул ей и отвернулся.

Студенты Стихий заняли места в центре. Их появление принесло с собой новую волну шума. Они хлопали друг друга по плечам, громко спорили о вчерашней карточной партии и перебрасывались колкостями через несколько рядов. Один из них расхохотался во весь голос, и смех взлетел к высокому своду аудитории.

Ученики Разума пришли почти незаметно. Пурпурные мантии бесшумно скользили между рядами. Они садились там, где находили свободные места, открывали книги и тут же погружались в чтение, словно окружающий шум принадлежал иному миру.

Последними появились ещё две серые мантии — Дэррил и Макото. Судя по тому, как оживлённо они переговаривались, парни уже успели подружиться. Они устроились в седь-

мом ряду, прямо за Амалией и Эльзой.

— Привет, — шепнул веснушчатый Дэррил, наклоняясь вперёд.

— Тише, — осадил его Эльза. — Сейчас начнётся.

Он обиженно засопел, но послушно откинулся на спинку скамьи.

Дверь открылась, в аудиторию вошёл профессор Арлан. Разговоры оборвались один за другим. Даже студенты Стихий притихли, хотя одному из них для этого пришлось поспешно погасить синий огонёк, танцевавший между пальцами.

— Доброе утро, — произнёс профессор, поправляя очки.

Он говорил негромко, однако совершенная акустика башни Света донесла его голос до последнего ряда.

— Я профессор Арлан с факультета Света. Буду преподавать вам «Основы магической теории».

Он сделал паузу, снял очки и неторопливо протёр стёкла краем белой мантии.

— Здесь не имеет значения, какого цвета ваша одежда. Свет, Тьма, Стихии, Разум, Жизнь или Руны — пока вы находитесь в моей аудитории, вы просто студенты, желающие понять, как устроена магия.

Профессор надел очки и обвёл ряды спокойным, внимательным взглядом.

— Если кого-то это не устраивает, дверь за моей спиной. Её никто не запирает.

В наступившей тишине послышался скрип пера, а затем и он стих. Никто не поднялся, тогда профессор Арлан раскрыл лежавшую перед ним книгу. Её пожелтевшие страницы тихо зашелестели.

— Сегодня мы поговорим о том, что представляет собой магия. Не о том, как её применять, — этому вас научат на других предметах. Нас интересует сама её сущность: природа, законы и границы.

Он повернулся к магической панели, и та засветилась — золотистые линии складывались в круг, разделённый на шесть сегментов. Каждый сегмент горел своим цветом.

— Шесть Великих Сил, — профессор указал на доску. — Свет, Тьма, Стихии, Разум, Жизнь и Руны. Не шесть разных видов магии, как принято думать, а шесть способов черпать из одного источника.

— Из какого? — спросил кто-то из первого ряда.

Арлан коснулся пальцем панели. Шесть цветных сегментов плавно пришли в движение, закружившись вокруг единого центра.

— Энергия, из которой соткан наш мир, разлита повсюду: в воздухе, воде и камне, в растениях, животных и людях. Наши предки называли её Искрой. Мы не способны ни создать её, ни уничтожить. Мы можем лишь заимствовать, использовать — и вернуть обратно.

Сегменты продолжали вращаться, то сходясь, то расходясь, но неизменно возвращаясь к общей сердцевине.

— Проблема в том, что каждый человек рождается с предрасположенностью лишь к одной Силе. Иногда — к двум или трём, однако подобное встречается крайне редко. Мы не выбираем свой дар. Нам остаётся только развивать то, что было дано при рождении.

— А если предрасположенности нет? — раздалось с последнего ряда.

Голос принадлежал тому самому тёмному магу с почти белыми волосами. Он сидел, откинувшись на спинку скамьи, и смотрел на профессора с холодным вниманием.

Арлан повернулся к нему.

— Такого почти не бывает. У каждого человека имеется хотя бы зачаточный дар к одной из Шести Сил. Другое дело, что порой он настолько слаб, что развить его невозможно. Тогда человек живёт обычной жизнью, без магии. Но подобные случаи редки.

— А если дара нет совсем? — спросила Эльза. — Если человек рождается абсолютно пустым?

Арлан снял очки, протёр стёкла краем мантии и снова надел. Его взгляд медленно скользнул по рядам — и на мгновение задержался на Амалии. У неё похолодело внутри.

— Такие случаи известны, — произнёс профессор после короткой паузы. — Но они единичны. Их настолько мало, что даже в учебниках им отводят лишь несколько строк в сносках. За последние сто лет в нашей Академии был всего один такой студент.

— И что с ним стало? — спросили с первого ряда.

— Его отчислили через месяц после поступления. Академия не готовит людей, лишённых магии, — продолжил Арлан. — У нас нет для них ни преподавателей, ни учебных программ. Это жестоко, но это правда.

Месяц.

— Куда он ушёл после отчисления? — не отступала Эльза.

— Не знаю. — Профессор пожал плечами. — Не интересовался. Но если вы, мисс Вогель, так беспокоитесь о судьбе гипотетического студента, можете обратиться к декану.

В его голосе не было ни насмешки, ни раздражения — лишь желание закрыть тему. Арлан вновь повернулся к доске.

— Теперь поговорим о законе сохранения магии. Магия не возникает из ничего и не исчезает бесследно. Когда вы колдуете, то черпаете энергию из окружающего мира, придаёте ей нужную форму, а затем возвращаете обратно. Если же вы берёте больше, чем способны удержать и направить, наступают последствия.

— Какие? — спросил один из студентов Стихий.

— Самые разные. От выпадения волос до отказа внутренних органов.

Профессор произнёс это так буднично, словно перечислял возможные перемены погоды. Кто-то нервно усмехнулся, но смех быстро оборвался.

— Максимальный порог у каждого свой, — продолжил

Арлан. — Один маг способен извлечь достаточно энергии для полноценного огненного шара. Другому её хватит лишь на крохотную искру. Пытаться превзойти собственный предел опасно. Именно поэтому на первых курсах вас не учат сложным заклинаниям. Прежде всего вы должны определить свой предел. Почувствовать границу, за которой заканчиваются ваши возможности.

Профессор выдержал паузу.

— И научиться останавливаться прежде, чем её пересечёте. Иначе...

Он развёл руками, оставляя последствия воображению студентов.

— Впрочем, лучше до этого не доводить.

По аудитории прокатился возбуждённый шёпот. Кто-то принялся торопливо записывать последние слова, кто-то уже спорил с соседом, а студент Стихий задумчиво рассматривал собственную ладонь, словно впервые допуская, что огонь может обжечь не только противника.

— На сегодня достаточно, — объявил Арлан. — В следующий раз поговорим о Великом Расколе. Тем, кто желает подготовиться, следует прочесть главы с третьей по седьмую. Благодарю за внимание. Вы свободны.

Эльза старательно записала в тетрадь последнее предложение профессора Арлана и убрала тетрадки в сумку.

— Пойдём. У нас сейчас, кажется, «Древние языки и основы рунописи». — Амалия поднялась и закинула ремень

портфеля на плечо.

— Не «кажется», — поправила её Эльза. — Точно.

Они рассмеялись и, взявшись за руки, вышли из аудитории вместе с остальными студентами.

— Нам нужно покинуть башню Света. — Эльза уверенно свернула к лестнице. — Третья аудитория, факультет Рун.

— Ты что, выучила карту Академии? — спросила Амалия, едва поспевая за ней.

— А ты нет? — Эльза удивлённо приподняла брови.

— Я просто шла за тобой, — честно призналась Амалия.

— Неплохая стратегия. Работает до тех пор, пока я сама не заблужусь.

Они снова рассмеялись и направились к башне Рун.

По мере того как сияющие галереи факультета Света оставались позади, Академия менялась. Коридоры становились уже, белый камень уступал место тёмным плитам, а золотое сияние магических ламп — неровному пламени факелов. В воздухе пахло железом, воском и старыми книгами.

Здесь Амалии дышалось свободнее. Она ещё не могла называть башню Рун своим домом, но в её полутёмных переходах чувствовала себя не такой чужой, как среди ослепительной белизны Света. Здесь ничего не пыталось казаться безупречным. Камни хранили следы копоты, на стенах темнели царапины, а перила были отполированы ладонями нескольких поколений студентов.

До нужной аудитории они добирались почти двадцать ми-

нут.

Помещение оказалось небольшим — мест на пятьдесят, не больше. Парты поднимались полукругом, словно ступени амфитеатра, так что доска была видна из любого ряда. Стены покрывали схемы рун и древние карты с выцветшими морями и давно исчезнувшими границами. Между ними висели заключённые под стекло свитки.

Амалия выбрала второй ряд; Эльза села рядом и без промедления разложила на парте перо, чернильницу и ровную стопку чистой бумаги, будто готовилась не к первой лекции, а к сражению, исход которого зависел от порядка на столе.

Через несколько минут дверь открылась, в аудиторию вошёл молодой мужчина. Амалия не сразу поняла, почему замерла. Возможно, потому, что он двигался почти бесшумно, с естественной лёгкостью, которая заставляла думать о скользящей по стене тени. Или потому, что оказался гораздо моложе всех преподавателей, которых она успела увидеть в Академии.

Он положил на кафедру кожаную папку и поднял голову. Свет ламп упал на его лицо. Каштановые волосы — тёплого, глубокого оттенка, напоминавшего кору старого дуба, — были собраны на затылке в низкий хвост. Несколько прядей выбились и легли вдоль скул. Мужчина небрежно отбросил их движением головы. Простой, ничего не значащий жест; и всё же Амалия неожиданно забыла сделать вдох.

— Доброе утро, — произнёс он.

Голос оказался низким, спокойным, с едва уловимой хрипотцой.

— Меня зовут Лориан Монтгомери. Я буду преподавать у вас «Древние языки и основы рунописи». А для моего любимого факультета Рун — ещё и «Рунопись».

По аудитории пробежал сдержанный смешок.

Лориан обвёл студентов взглядом. Глаза у него были карими — почти того же оттенка, что и волосы, будто природа выбрала одну краску и решила не искать другой.

Серьгу Амалия заметила не сразу. В левом ухе преподавателя поблёскивал тонкий серебряный гвоздик в форме крошечной руны. Украшение было простым, почти незаметным, однако сам символ показался Амалии странно знакомым. Лориан повернул голову, и серебро на мгновение поймало свет. Амалия смотрела слишком долго; она понимала это — и всё равно не могла отвести глаз.

— Древние языки — не мёртвые языки, — продолжил Лориан. — Это ключи. К древним знаниям, забытым заклинаниям и утраченным артефактам.

Он говорил без конспекта, неторопливо прохаживаясь вдоль кафедры, и Амалия ловила каждое слово. В его голосе не было ни напыщенности, ни привычной преподавательской сухости. Амалии начинало казаться, что он обращается лишь к ней, хотя взгляд Монтгомери скользил по аудитории, нигде не задерживаясь дольше мгновения.

С первого ряда донёсся приглушённый смешок, Лориан

умолк.

— Вам что-то не нравится, мистер?..

— Кроуфорд, — представился юноша в белой мантии, небрежно откидываясь на спинку скамьи. — Просто не понимаю, зачем нам, светлым магам, учиться чертить руны. Это же... ну...

— Руны? — невозмутимо подсказал Лориан.

По аудитории снова пробежал смешок, на этот раз громче. Кроуфорд покраснел.

— Я хотел сказать, что это не наш метод.

— Метод не имеет значения, мистер Кроуфорд. Значение имеет результат. А он таков: без знания древних языков вы не сумеете прочесть манускрипты, в которых описаны сильнейшие заклинания Света. Не сможете пробудить артефакты, оставленные вашими предшественниками. И, что особенно прискорбно, будете выглядеть глупо на экзамене.

Кроуфорд открыл рот, но Лориан поднял ладонь, не позволив ему возразить.

— Руны — один из древнейших языков магии. На нём говорили задолго до появления вашего факультета. Боюсь, придётся потерпеть.

Он отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

— Начнём с простого. Откройте учебники на двенадцатой странице. Сегодня мы разберём первую руну — Ансуз. Знак знания, речи и откровения.

Аудиторию наполнил шелест страниц. Особенно неохотно

за учебники взялись студенты в белых мантиях. Кто-то тяжело вздохнул, кто-то закатил глаза, словно от одного взгляда на древний символ мог лишиться остатков достоинства.

— А чертить обязательно? — спросила девушка с факультета Стихий.

— Обязательно, мисс?..

— София, — ответила она, вздёрнув подбородок.

— Обязательно, мисс София. Черчение помогает запомнить структуру руны, а структура — семьдесят процентов успеха. Остальные тридцать приходятся на интуицию и практику. Если, конечно, вы не намерены всю жизнь полагаться на удачу.

София поджала губы, но промолчала. Лориан повернулся к доске и взял мел.

— Смотрите внимательно. Это сложнее, чем кажется.

Он провёл первую линию, затем вторую, под углом, и остановился прежде, чем завершить знак.

— Руны нельзя рисовать как обычные буквы. У каждой линии есть направление, у каждого излома — значение. Нарушите порядок, и получите пустой символ. Или не тот, который намеревались создать.

Лориан закончил руну. Мел в его пальцах на мгновение вспыхнул золотистым светом, и начертанный знак отозвался мягким гулом. Амалия ощутила вибрацию в груди, будто звук возник не снаружи, а внутри неё.

— Теперь ваша очередь, — Лориан отступил от доски и

положил мел на кафедру. — Начертите руны на листах. Пока только на бумаге. К металлу перейдём, когда ваши линии перестанут дрожать.

По аудитории прокатилась волна облегчённых вздохов. Зашуршала бумага, скрипнули отодвигаемые чернильницы.

Амалия опустила взгляд на чистый лист и крепче сжала перо. Ансуз: три линии и круг. Ничего сложного — по крайней мере, так казалось, пока символ находился на доске. Она коснулась пером бумаги и провела первую черту.

Лориан медленно шёл между рядами, время от времени останавливаясь у чьей-нибудь парты. Его голос звучал то справа, то слева: короткие замечания, сдержанная похвала, спокойные указания. К Амалии он подошёл не сразу.

— Мисс Брандт.

Она вздрогнула и едва не размазала чернила.

Откуда он знает мою фамилию?

— Позвольте взглянуть.

Лориан склонился над партой. Вместе с ним пришёл едва уловимый запах старых книг, лёгкого дыма и терпких трав, согретых солнцем. Он положил ладонь на край листа, и его пальцы невзначай коснулись её руки. Амалия замерла.

— Неверный угол наклона, — произнёс он тихо. — Смотрите.

Не дожидаясь ответа, Лориан накрыл её руку своей. Прикосновение было уверенным, почти деловым; и всё же от него по коже пробежало тепло. Его пальцы мягко направили

её руку. Перо скользнуло по бумаге, оставляя ровную линию, затем ещё одну и, наконец, почти безупречный круг.

— Чувствуете разницу?

Он говорил у самого её уха. Дыхание коснулось щеки, и Амалия смогла лишь кивнуть.

— Хорошо.

Лориан отпустил её, но на краткое мгновение остался рядом.

— Теперь попробуйте сами и не бойтесь ошибаться.

Он отошёл к соседнему ряду.

Амалия медленно выдохнула, только теперь осознав, что всё это время не дышала. Сердце билось быстро и неровно. Она вновь коснулась пером бумаги, однако понадобилось несколько секунд, прежде чем пальцы перестали дрожать.

Когда занятие подошло к концу, Лориан хлопнул в ладоши, призывая аудиторию к тишине.

— На сегодня достаточно. К следующему занятию начертите Ансуз десять раз и принесите три лучших варианта. Перья можно убрать.

Студенты задвигались, захлопали учебниками. Аудиторию наполнили скрип скамей, шелест мантий и возбуждённый гул голосов. Амалия сложила листы в сумку и уже взялась за ремень, когда на парту легла длинная тень.

— Мисс Брандт.

Лориан стоял рядом, заложив руки за спину.

— Задержитесь на минуту.

Она подняла голову. Его карие глаза смотрели спокойно, почти бесстрастно, но в уголке губ прятался намёк на улыбку. Амалия кивнула, чувствуя, как сердце ухнуло куда-то вниз. У двери ждала Эльза. Встретившись с ней взглядом, Амалия коротко кивнула: всё в порядке, иди. Подруга поджала губы, однако спорить не стала.

— Я буду в коридоре, — предупредила она.

Внезапно опустевшая аудитория показалась непривычно большой. Шум удаляющихся студентов быстро стих.

Лориан подошёл к её парте и присел на край соседнего стола. Между ними осталось совсем немного места. Амалия сцепила пальцы, пытаясь унять дрожь.

— Покажите ещё раз, как вы чертили, — сказал он, протягивая ей чистый лист.

Она взяла бумагу и повторила символ. На этот раз перо шло увереннее. Лориан забрал лист и долго рассматривал его, чуть склонив голову. Тёмная прядь упала ему на лицо. Он привычным движением убрал её назад.

— Неплохо, — произнёс он наконец. — Для первого раза. Но вы допустили ошибку, которую поначалу делают почти все.

Лориан взял её перо, обмакнул в чернила и начертил рядом второй символ.

— Видите?

Он придвинул лист обратно, одновременно наклонившись ближе. Серебряная серьга в его ухе блеснула в тёплом

свете ламп. Амалия вновь задержала на ней взгляд — дольше, чем следовало.

— Попробуйте ещё раз, — прозвучал бархатный голос Лориана.

Она взяла перо. Пальцы предательски дрогнули, но Амалия заставила себя сосредоточиться. Провела первую линию, затем вторую, сохраняя нужный угол, и замкнула круг.

— Хорошо, вы быстро учитесь, мисс Брандт. У вас есть потенциал.

— Амалия, — вырвалось у неё.

— Что? — Монтгомери поднял бровь.

Отступить было поздно.

— Меня зовут Амалия, — повторила она уже тише. — Можете обращаться ко мне по имени.

Тишина натянулась между ними тонкой струной. На мгновение Амалии показалось, что он рассмеётся или напомним о правилах. Но Лориан лишь внимательно и изучающе смотрел на неё, будто пытался понять, что скрывается за этой внезапной смелостью.

— Хорошо, Амалия.

Её имя прозвучало непривычно в его голосе: медленно, с едва заметной хрипотцой. От этого у Амалии перехватило дыхание. Лориан задержал на ней взгляд ещё на одно мгновение, затем поднялся, одёрнул рубашку и отошёл к кафедре.

— Можете идти, — сказал он уже обычным, ровным то-

ном. — До следующего занятия. И не забудьте домашнее задание.

Будто ничего не произошло.

Амалия закинула сумку на плечо и направилась к двери, стараясь идти спокойно. Лишь в коридоре она поняла, что ноги слушаются её неохотно.

Эльза стояла у окна, скрестив руки на груди. Увидев Амалию, она оттолкнулась от подоконника и шагнула навстречу.

— Ну? — спросила она без предисловий.

— Что «ну»? — Амалия сделала вид, что не понимает.

— Что ему было нужно? Зачем он тебя оставил?

— Показал ошибки в руне. Сказал, что у меня есть потенциал.

— Потенциал? — Эльза приподняла бровь. — Так и сказал?

— Почти. А что?

Эльза посмотрела на неё долгим, пронизательным взглядом, под которым Амалии захотелось поправить волосы, мантию — что угодно, лишь бы не выдать себя.

— Ничего, — наконец отозвалась подруга. — Просто он странный.

— В каком смысле?

— Не знаю. — Эльза пожала плечами. — Слишком молодой для профессора. Слишком красивый. И эта серьга... На ней древний символ. Я таких прежде не видела.

Она на мгновение умолкла, а затем добавила серьёзнее:

— Просто будь осторожна.

Амалия хотела возразить, но слова не нашлись. Эльза была права: у неё не было причин доверять профессору Монтгомери. Несколько тёплых слов и случайное прикосновение ничего не значили. По крайней мере, не должны были.

— Ладно, — сказала Амалия. — Пойдём. У нас наконец-то обед.

Они направились к лестнице, но ощущение его руки ещё долго не исчезало с её пальцев.

В столовой девушки направились к столу, за которым уже сидели двое их одноклассников в серых мантиях. Заметив их, парни подвинулись, освобождая место.

— Спасибо, — сказала Амалия, ставя поднос на стол.

Эльза села рядом, достала из кармана блокнот и тут же принялась его листать, словно всё, что происходило вокруг, не имело никакого значения по сравнению с мелкими строчками на страницах.

Обед прошёл почти в полном молчании. Дэррил и Макото ушли раньше: они хотели заглянуть в мастерские факультета Рун до начала следующего занятия. Эльза продолжала изучать записи, машинально дожёвывая кусочек хлеба, а Амалия смотрела в высокое окно.

За стеклом тяжело нависало серое небо. Тучи сползались над башнями Академии, обещая дождь.

— Пойдём, — сказала Амалия наконец.

Эльза кивнула, захлопнула блокнот и убрала его в карман.

Они поднялись, взяли подносы и направились к выходу. Амалия не заметила группу студентов в белых мантиях, входивших в столовую с противоположной стороны. Ещё шаг — и она столкнулась бы с одним из них.

Она метнулась влево, парни одновременно шагнули вправо. Амалия попыталась обойти их с другой стороны, но широкоплечий студент с коротко стриженными волосами задел её плечом. Удар был вроде бы случайным, однако достаточно сильным, чтобы поднос выскользнул из рук и с оглушительным грохотом упал на каменный пол.

Звон металла прокатился по столовой, несколько ближайших разговоров оборвались.

— Смотри, куда прёшь, серая, — бросил широкоплечий, даже не подумав извиниться.

Амалия наклонилась за подносом. Щёки обожгло от внезапной, острой злости.

— Это ты меня толкнул.

— Я? — Парень усмехнулся и оглянулся на приятелей. — Слышали? Она говорит, что я её толкнул.

— Может, ты и толкнул, — лениво протянул второй, с длинными светлыми волосами. — Кто же знал, что серые такие хрупкие?

— Такие же хрупкие, как их магия, — добавил третий.

Компания расхохоталась. Эльза схватила Амалию за рукав.

— Пойдём. Они того не стоят.

Амалия знала, что подруга права. Нужно было поднять поднос, развернуться и уйти, не подарив этим людям ни единой лишней секунды. Но она не могла сдвинуться с места, потому что увидела его.

Стефан сидел за одним из дальних столов среди белых мантий. Он не смеялся и не отводил глаз. Просто смотрел на неё — прямо и неподвижно.

Мгновение растянулось до невозможности. В шумной столовой, среди звона приборов и десятков голосов, всё вокруг будто замерло. Амалия ждала, что брат встанет, окликнет её, хотя бы нахмурится, показывая, что происходящее ему неприятно.

Стефан медленно отвернулся. Склонился к соседу и продолжил разговор, словно не узнал её. Словно девушки в серой мантии, стоявшей посреди столовой с упавшим подносом в руках, для него не существовало.

В этот момент из-за спин обидчиков вышла Мариэль Соланж. Амалия запомнила её ещё со вчерашней церемонии. Лучшая студентка факультета Света была высокой и стройной, с безупречно прямой осанкой. Длинные платиново-белые волосы, отливавшие серебром, обычно свободно струились до пояса, но сегодня были собраны в строгий высокий хвост.

Лицо Мариэль казалось высеченным из светлого мрамора: острые черты, высокие скулы, тонкие брови, прямой нос. Светло-серые глаза с тёмной каймой смотрели холодно и

внимательно, словно за несколько секунд умели отыскать в человеке все слабости.

— Что здесь происходит? — спросила она.

В её спокойном голосе не было даже любопытства.

— Ничего, — широкоплечий пожал плечами. — Серая под ноги полезла.

— Я не лезла, — возразила Амалия. — Он меня толкнул.

Мариэль перевела на неё взгляд. В нём читался отстранённый интерес, с каким рассматривают редкое насекомое под стеклом.

— Ты с факультета Рун?

— Да.

— И как тебе там? Нравится?

— Пока не знаю, — осторожно ответила Амалия.

Мариэль ещё мгновение разглядывала её, затем повернулась к широкоплечему.

— Ланс, отойди. Не устраивай толпу.

— Но она...

— Я сказала: отойди.

Ей не пришлось повышать голос. Ланс нехотя посторонился, напоследок бросив на Амалию тяжёлый взгляд.

Мариэль вновь повернулась к ней.

— В следующий раз смотри по сторонам, — произнесла она всё с тем же холодным спокойствием. — Не все окажутся такими вежливыми, как я.

Она развернулась и ушла к своему столу, где её уже ждали

девушки в белых мантиях. Те подвинулись, принимая её в свой круг, и через несколько секунд Мариэль перестала обращать на случившееся какое-либо внимание. Будто Амалия и в самом деле была лишь незначительной помехой на её пути.

Эльза снова потянула подругу за рукав.

— Пошли.

На этот раз Амалия не сопротивлялась.

Из столовой они вышли молча. Эльза не задавала вопросов — возможно, понимала, что сейчас не время, а возможно, просто не хотела вынуждать Амалию говорить. Та была благодарна ей за оба варианта.

До общежития было около десяти минут неспешной ходьбы. Девушки пересекли внутренний двор и прошли мимо фонтана, вокруг которого днём всегда толпились студенты. Теперь площадь опустела. Вода монотонно шептала, разбиваясь о потемневший камень, а над башнями Академии сгустились тучи.

Амалия шла, глядя перед собой, но всё ещё видела лишь одно: как Стефан встретился с ней взглядом и отвернулся.

Оказавшись в своей комнате, Эльза сразу прошла к своему столу, достала стопку книг и перьевую ручку. Её день, кажется, не заканчивался никогда.

Амалия стянула мантию и небрежно бросила её на спинку стула. Та соскользнула на пол, но поднимать её не было ни сил, ни желания. Амалия легла поверх покрывала и уста-

вилаась в потолок, где в вечерних сумерках едва проступали тонкие трещины.

Она думала о Стефане. О том, как он сидел за столом среди белых мантий, как встретился с ней взглядом... и отвернулся.

Когда-то Стефан заслонял её от обидчиков. Называл Малей, хотя она всякий раз возмущалась, что уже большая. Таскал за собой в отцовскую мастерскую и позволял перебирать инструменты, даже те, к которым отец запрещал прикасаться. Когда-то он был её старшим братом.

А теперь?

Воспоминание пришло без спроса — одно из тех, что годами хранятся внутри, тёплые и светлые, пока однажды не оборачиваются болью. Амалия закрыла глаза и позволила прошлому увести её за собой.

**** 10 лет назад*

Грозы в Лапидии случались редко. Воздух здесь был слишком сухим, а горы поднимались так высоко, словно не желали пропускать к людям тяжёлые дождевые тучи; но в тот год август выдался непривычно ненастным.

Вода сбегала по крутым улочкам Глиптории, будто по каменным желобам. Она стучала по черепичным крышам, хлестала в ставни, собиралась в тёмные лужи у порогов. В доме Брандтов пахло мокрым камнем, остывшими углями и травами, которые мать развесила под потолком сушиться ещё в начале лета.

Амалии было одиннадцать. Она сидела на подоконнике в своей маленькой комнате, прижав колени к груди, и смотрела на чёрное небо. Каждый удар грома заставлял стены едва заметно дрожать, а её — вздрагивать всем телом. Она зажимала уши ладонями, но грохот всё равно проникал внутрь, словно в горах ворочался во сне древний великан.

— Маля, ты чего не спишь?

Амалия резко обернулась. В дверях босой и взъерошенный стоял Стефан. Судя по сонному лицу, гроза беспокоила его куда меньше, чем необходимость брести через весь дом ради младшей сестры.

— Не называй меня Малей, — по привычке пробормотала она.

— Ага. Значит, не спишь из принципа?

Небо за окном вспыхнуло белым. Несколько мгновений спустя раздался гром, Амалия вздрогнула.

— Гроза, — призналась она шёпотом.

— Боишься?

— Нет.

— Конечно. Ты просто сидишь ночью на подоконнике и зажимаешь уши, потому что так удобнее думать.

Она насупилась, но достойного ответа не нашла. Стефан усмехнулся, подошёл и сел рядом. Подоконник был слишком узким для двоих, поэтому он обнял её за плечи и притянул к себе, не оставив возможности возражать.

— Я с тобой, — сказал он просто.

— А если молния попадёт в дом?

— Не попадёт. Отец ещё в прошлом году поставил на крыше руну Защиты.

— А если она не сработает?

Стефан задумался с таким серьёзным видом, будто ему предстояло решить судьбу всей Глиптории.

— Тогда залезем под одеяло и будем ждать утра.

Амалия подняла голову и недоверчиво посмотрела на него.

— Правда останешься?

— Правда.

Гром прогремел снова, Амалия дёрнулась, и Стефан крепче прижал её к себе, обхватив обеими руками.

— Закрой глаза, — сказал он. — И слушай.

— Что?

— Мой голос, а не гром.

И он заговорил. Стефан рассказывал о горах, на вершинах которых снег не тает даже летом. О магических фонарях, вспыхивающих на закате без огня и человеческого прикосновения. О реке, что серебряной лентой пересекала долину, и о старом мосте, с которого можно было прыгать в воду, если хорошо плавать и если мать никогда об этом не узнает. А потом — об Академии.

Стефан ещё ни разу там не был, но рассказывал так уверенно, словно знал каждый коридор. В его воображении башни Академии подпирали облака, лестницы сами выбира-

ли, куда вести студентов, а в подземельях непременно обитало нечто ужасное, голодное и, судя по всему, крайне заинтересованное в первокурсниках.

— А ещё там библиотека такая высокая, что потолка не видно, — шептал он. — Одни стеллажи до самого неба. И книги все древние, с золотыми обрезами. Некоторые сами открываются на нужной странице.

— Это ты придумал, — сонно пробормотала Амалия.

— Ничего подобного. Когда я поеду туда, то привезу тебе книгу, какую захочешь.

— С картинками.

— Хорошо. С картинками.

— И чтобы не страшную.

— Тогда придётся вырвать страницы про преподавателей.

Она хотела сказать, что книги портить нельзя, но так и не успела. Голос Стефана становился всё тише, шум дождя всё дальше, а гроза постепенно отступала за горы.

Амалия уснула на плече брата. Стефан не ушёл. Просидел рядом до самого рассвета, глядя в залитое дождём окно. И лишь когда гром окончательно стих, осторожно поднял сестру, перенёс на кровать и укрыл одеялом. Тогда Амалия ещё не знала, что однажды окажется в той самой Академии. И что среди всех её чудес не найдёт лишь одного — брата, который обещал всегда быть рядом.

Амалия закрыла глаза, чувствуя, как усталость растекает-

ся по телу. Она и не заметила, как провалилась в сон.

Ей снилась библиотека.

Амалия брела между бесконечными стеллажами, касаясь кончиками пальцев потрескавшихся корешков. Книги теснились от пола до самого потолка, теряясь в густом полумраке. Ни окон, ни дверей она не видела. Лишь слабое золотистое сияние плыло вслед за ней, выхватывая из темноты названия на незнакомых языках.

— Ты ищешь меня?

Амалия обернулась.

Лориан Монтгомери стоял в проходе между стеллажами. На нём была простая тёмная рубашка, а обычно собранные волосы свободно падали на плечи мягкими прядями. В левом ухе поблёскивала серьга. Сейчас древний символ сиял особенно ярко, словно внутри серебра тлела крошечная звезда.

— Я не знала, что вы здесь, — сказала Амалия.

Собственный голос прозвучал чужим, приглушённым, будто донёсся издалека.

— Я всегда там, где ты меня ждёшь.

Его губы тронула загадочная, почти пугающая улыбка.

— Ты устала, Амалия, — продолжил профессор. — Я вижу.

— Немного, — выдохнула она.

Но усталости не было. Только странное, тягучее спокойствие, сковывавшее тело и мысли. Казалось, она могла бы

остаться здесь навсегда — среди тёмных стеллажей, под его внимательным взглядом.

Лориан протянул руку, и Амалия сделала шаг в его объятия. Она прижалась щекой к его плечу и закрыла глаза. Запах его тела заставил сердце забиться быстрее.

— Всё будет хорошо, — сказал Лориан.

Его голос звучал над ней и одновременно со всех сторон, отражаясь эхом между стеллажами.

— Вы действительно так думаете? — спросила Амалия, не поднимая головы.

— Я уверен в этом.

Монтгомери мягко отстранился. Пальцы коснулись её подбородка. Карие глаза профессора смотрели на Амалию пристально, будто проникали сквозь кожу, читали мысли, извлекали тайны, о которых она сама ещё не подозревала. В них не было прежнего тепла, а у самых зрачков заплясали искорки.

Амалия должна была испугаться, но вместо этого шагнула ближе.

— Амалия, — на выдохе произнёс едва слышно Лориан. — Когда проснёшься, помни: ты не одна.

— Что это значит?

Лориан оставил её вопрос без ответа. Лишь наклонился и медленно поцеловал её в лоб. Его губы оказались прохладными, а дыхание — обжигающе тёплым.

Серьга в его ухе вспыхнула.

— Увидимся завтра, — прошептал Лориан.

Амалия открыла глаза.

В комнате было тихо. За окном уже стемнело, и зажжённые фонари отбрасывали на потолок дрожащие янтарные блики. Кто-то заботливо укрыл её одеялом — должно быть, Мила.

Амалия лежала, глядя в потолок, и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. Сон казался слишком настоящим, от этого было тревожно на душе.

Она села, провела ладонью по лицу и уставилась в стену.

Что за сны мне снятся? Да, профессор Монтгомери красив. Даже слишком. Но он профессор. Её преподаватель. И вообще...

Щёки обдало жаром.

Если она ещё раз увидит во сне эту серьгу, то непременно пойдёт к целителю. Или к менталисту. Или к кому-нибудь, кто умеет лечить от глупости.

Амалия со стоном повалилась обратно на подушку.

— «Я всегда там, где ты меня ждёшь», — пробормотала она, передразнивая его вкрадчивый тон. — Как красиво и как подозрительно.

— Проснулась? — раздался голос Милы.

Амалия резко повернула голову. Мила сидела за столом и внимательно рассматривала горшок с цветком, осторожно перебирая пальцами его узкие листья. Эльза устроилась на своей кровати с раскрытой книгой, но, судя по неподвижно-

му взгляду, давно не читала.

— Который час? — хрипло спросила Амалия.

— Почти восемь. Ужин уже начался, — ответила Мила.

— Мы решили, что сегодня тебе лучше остаться здесь, — добавила Эльза, закрывая книгу. — После того, что случилось в столовой. Не хотелось, чтобы ты снова наткнулась на... кого-нибудь. Мы принесли еду с кухни.

Мила кивнула на стол. Там ждали три кружки, тарелка с хлебом, миска варёного картофеля с овощами, кувшин чая и небольшой горшочек варенья.

Амалия снова села и потёрла лицо ладонями. Голова казалась тяжёлой, мысли ворочались медленно. Сон по-прежнему не давал ей покоя, однако рассказывать о нём не хотелось. Особенно о том, как явившийся во сне профессор обнимал её и целовал в лоб. Эльза наверняка посмотрела бы на неё тем своим взглядом, а Мила... Мила, чего доброго, начала бы задавать вопросы.

— Вы не пошли в столовую из-за меня? — спросила Амалия.

— А ты бы нас бросила? — Мила ответила вопросом на вопрос.

— Нет.

Они уселись за стол и принялись за ужин. Некоторое время в комнате слышались лишь звон посуды и тихое потрескивание фитиля в лампе. Эльза отломил кусок хлеба, щедро обмакнула его в варенье и съела с таким невозмутимым

видом, словно подобное сочетание было самым обычным делом на свете.

Амалия покосилась на неё.

— Что? — спросила Эльза, заметив её взгляд.

— Ничего. — Амалия улыбнулась. — Просто никогда не видела, чтобы хлеб макали в варенье.

— Рекомендую. Меня дедушка научил. Ты сегодня почти ничего не ела. Лучше налегай на картошку.

— Эльза права. Ешь. — Мила протянула ей уже наполненную тарелку. — Она рассказала, что завтра у вас физическая подготовка. Сил понадобится много.

Затем Мила с энтузиазмом наложила картошки с овощами себе и принялась за еду с такой скоростью, будто не ела по меньшей мере неделю.

Амалия взяла ложку. Есть поначалу не хотелось, но после нескольких кусочков она вдруг почувствовала, насколько была голодна. Тёплая еда успокаивала, чай согревал ладони, а присутствие девочек понемногу развязывало тугой узел у неё в груди.

Когда тарелка опустела, Амалия положила ложку и некоторое время молча смотрела на оставшиеся на дне крошки.

— Я хочу кое-что рассказать, — наконец произнесла она.

Мила перестала жевать и отложила хлеб. Эльза повернулась к ней всем телом.

— У меня есть старший брат. Он уже четвёртый год учится в Академии. На факультете Света...

Амалия замолчала, собираясь с мыслями. Воспоминания нахлынули разом, но она не позволила себе утонуть в них.

— В детстве мы были очень близки. Он всегда заступался за меня, учил всему, что знал сам. А потом уехал в Академию, и всё изменилось. — Она сжала кружку обеими руками. — Сначала он писал. Письма были короткие, но тёплые. Потом стали приходить всё реже. А в последнем было всего три строчки: «У меня всё хорошо. Учёба занимает много времени. Передай привет родителям». Я ответила, но он больше не написал. Когда я поступила, то надеялась, что он обрадуется. Думала, мы сможем поговорить и всё снова станет как раньше. Хотя бы немного.

Мила протянула руку через стол и накрыла её ладонь своей.

— Ты, наверное, слышала о нём, — тихо сказала Амалия. — Стефан Брандт.

Мила замерла. Её пальцы, только что тёплые и успокаивающие, на мгновение напряглись. Она отвела взгляд, а затем снова посмотрела на Амалию с растерянностью и плохо скрытым сожалением.

— Стефан Брандт? — переспросила она. — Золотой мальчик факультета Света? Член Совета лучших студентов?

— Да. — Амалия кивнула. — Он мой брат.

Эльза поджала губы, но ничего не сказала.

— О нём действительно все говорят, — осторожно продолжила Мила. — Он один из лучших на факультете. Его

ставят в пример младшим курсам. Говорят, он очень талантливый и... *безупречный*.

Последнее слово прозвучало не как похвала.

— Я не знала, что он твой брат, — добавила она после короткой паузы. — И, наверное, никто не знает. Я ни разу не слышала, чтобы он упоминал сестру.

— В этом и дело. — Амалия горько усмехнулась. — Похоже, он не хочет, чтобы об этом знали. Вчера, в столовой, он посмотрел на меня так, словно мы чужие. Но я всё равно хочу с ним поговорить. Узнать, всё ли у него в порядке. Попросить, чтобы он написал маме... Она каждый день о нём плачет.

Последние слова дались с трудом. Амалия закрыла лицо ладонями, и то, что она так долго удерживала внутри, наконец прорвалось наружу. Она плакала тихо, почти беззвучно. Лишь плечи вздрагивали, а слёзы просачивались между пальцами. Со вчерашнего дня — после церемонии, после встречи в столовой, после того, как Стефан отвернулся, — она убеждала себя, что всё в порядке, что она сильная. Но сейчас сил больше не осталось.

Мила не стала задавать вопросов. Она просто придвинулась ближе и обняла Амалию за плечи, прижав к себе. От неё пахло травяным чаем, землёй и свежим хлебом, и этот простой, домашний запах помог Амалии сделать первый ровный вдох.

Стул рядом скрипнул. Эльза подошла к ним и неловко,

словно ещё не привыкла к таким проявлениям чувств, обняла обеих.

Амалия опустила руки и вытерла мокрые щёки рукавом. Веки от слёз отяжелели, но дышать стало легче. Она сделала глоток остывшего, всё ещё душистого чая и посмотрела на подруг. Улыбка получилась слабой, но настоящей.

— Спасибо, что теперь у меня есть вы.

Амалия вновь поднесла кружку к губам, но так и не сделала глотка. Её взгляд упал на тумбочку, где лежал новый конспект по «Древним языкам». На обложке ровным почерком было выведено имя преподавателя: **Лориан Монтгомери**.

— Мила, — позвала она, не сводя глаз с надписи. — Ты ведь училась у профессора Монтгомери в прошлом году? Он преподавал тебе рунопись?

Мила откусила хлеб, неторопливо прожевала и кивнула:

— И рунопись, и «Древние языки». Дважды в неделю по полтора часа. — Она выразительно закатила глаза. — И уж поверь, эти занятия я не пропускала ни разу.

— Почему? — спросила Амалия, стараясь придать голосу безразличие.

Получилось не слишком убедительно.

Мила прищурилась, и на её губах появилась лукавая улыбка

— Потому что он красивый, дурочка. Ты видела его серьгу? А волосы? И то, каким становится его взгляд, когда он говорит о древних рунах? — Она мечтательно вздохнула. —

Половину лекций я не слушала. Просто смотрела на него.

— Мила! — возмутилась Эльза, хотя кончики её ушей предательски порозовели.

— А что? — Мила развела руками. — Я не железная. Знала бы ты, сколько раз он проходил мимо моей парты и поправлял положение моей руки... — Она покачала головой, словно одно воспоминание об этом всё ещё сбивало дыхание. — У меня сердце едва из груди не выпрыгивало.

Амалия невольно улыбнулась. От признания Милы стало легче: по крайней мере, она была не единственной, на кого действовало его присутствие. И всё же любопытство внутри не утихло — напротив, разгорелось сильнее, царапая изнутри.

— А он... — начала она и запнулась, подбирая слова. — Он всегда такой? Ну... спокойный, сдержанный.

Мила задумалась. Отодвинула пустую тарелку и сложила руки на столе.

— Если честно, я мало о нём знаю. Он не любит говорить о себе. Но ходили слухи, что до Академии он долго путешествовал по нейтральным землям и изучал древние артефакты. Ещё говорили, будто он был учеником старого магистра, владевшего магией, которой здесь не обучают.

— Какой магией?

Мила пожала плечами:

— Никто толком не знает. Однажды на лекции он обмолвился, что существует магия, которая старше Шести Путей.

Что-то, сохранившееся со времён до Раскола. После занятия я спросила, что он имел в виду, а он лишь улыбнулся и сказал: «Это не для этой аудитории».

— И ты так просто отступила? — удивилась Амалия.

— А что мне оставалось? — Мила вздохнула. — Он посмотрел на меня — и я забыла, зачем вообще подошла.

Она усмехнулась, но почти сразу стала серьёзнее.

— Иногда мне кажется, что он видит гораздо больше, чем показывает. И умеет не только преподавать, но и... что-то ещё. Не знаю, как это объяснить.

Амалия смотрела на имя, выведенное на обложке конспекта, и чувствовала, как в груди разливается почти жгучее любопытство.

Библиотека из её сна. Низкий, тёплый голос Лориана. Его пальцы, коснувшиеся её подбородка. И слова, которые всё ещё звучали в памяти так ясно, словно он произнёс их наяву: *«Я всегда там, где ты меня ждёшь».*

— Ты что, запала на него? — спросила Мила.

В её голосе сквозила насмешка, но не злая, скорее дружеская и слишком проницательная.

— Нет! — поспешно ответила Амалия. — Просто... он интересный. Как преподаватель!

— Разумеется, — протянула Мила, и в её глазах заиграли лукавые искры. — Как преподаватель. Я тоже именно так говорила.

— Мила! — снова одёрнула её Эльза, на этот раз уже не

скрывая улыбки.

— Что? — Мила примирительно подняла руки. — Я всего лишь сказала, что он красивый. И что он ей снился. Я видела, как ты проснулась, Амалия. У тебя было такое лицо, будто во сне происходило нечто очень... приятное.

Жар мгновенно бросился Амалии в щёки.

— Это был всего лишь сон, — произнесла она, стараясь вложить в голос больше твёрдости, чем чувствовала на самом деле.

— Конечно. — Мила подмигнула. — Всего лишь сон. Верю каждому слову!

Она поднялась, собрала пустые тарелки и отнесла их к двери, где стоял поднос для грязной посуды. Вернувшись, Мила присела на край кровати. Весёлость исчезла с её лица, уступив место непривычной задумчивости.

— Послушай, Амалия. Я не знаю, что именно тебе приснилось, и знать не хочу. Но если решишь выяснить о нём больше... будь осторожна. Я видела, как он смотрит на некоторых старшекурсниц. Не на всех — лишь на тех, кто... — Мила нахмурилась, подыскивая подходящее слово. — Кто его заинтересовал. В этом взгляде было что-то странное, будто он не просто смотрел, а изучал их.

Амалия уже открыла рот, желая спросить, что именно подруга имеет в виду, но Мила зевнула, потянулась и нарочито бодрым тоном произнесла:

— Ладно, девчонки, завтра рано вставать. Вам понадобится-

ся силы, чтобы пережить Коргата.

Вскоре в комнате погасли лампы. Эльза ещё некоторое время читала при тусклом свете магического огонька, Мила тихо возилась с цветами на подоконнике, а потом и они улеглись.

Амалия долго лежала с закрытыми глазами, вслушиваясь в ровное дыхание подруг. Перед тем как сон окончательно смежил ей веки, она вновь позволила себе подумать о профессоре Монтгомери — о серебряной серьге, низком голосе и взгляде, который задержался на ней чуть дольше, чем требовала простая вежливость.

Изучал? Или всё-таки просто смотрел?

Ответа она не знала.

Глава 3

Новый учебный день начался с занятия по физической подготовке.

Спортивная арена находилась за Башней Разума и представляла собой огромное круглое поле, окружённое каменными трибунами, которые поднимались уступами вверх. На самой высокой точке, прямо над центральной трибуной, развевались флаги шести факультетов. В центре арены были выложены беговые дорожки, полосы препятствий и площадки для тренировок. Препятствия выглядели внушительно: высокие стены, канаты, свисающие с металлических арок, рвы с водой и бревна, которые надо было перепрыгивать. По краям арены висели щиты с рунами Защиты — чтобы случайное заклинание не вылетело за пределы. Мила рассказывала, что щиты поставили после того, как один студент Стихий случайно разрушил трибуну фаерболом. Студента отчислили, а трибуну пришлось отстраивать заново. Теперь руны на щитах обновляют каждый год — чтобы даже самый сильный файербол не вылетел за пределы поля.

Амалия огляделась. Постепенно поле заполнялось всё больше. Белые мантии, чёрные, синие, пурпурные, зелёные, серые — все смешались в пёструю толпу.

Преподавателя звали мастер Коргат. Он был невысоким мужчиной средних лет, с короткой стрижкой и квадратной

челюстью. Его лицо пересекал шрам — от левой брови до подбородка, через нос. Говорили, что он получил его в молодости, сражаясь с демонами на северной границе. Сам Коргат никогда об этом не рассказывал.

Девушки отошли к скамейкам у входа. Амалия стянула серую мантию, оставшись в простой белой футболке и спортивных штанах. Её непослушные рыжие волосы лезли в лицо.

— Готова? — спросила Эльза, затягивая русые волосы в тугую косу.

— Не очень, — честно призналась Амалия.

Они обменялись понимающими взглядами и направились к остальным.

— Доброе утро, — рявкнул мастер Коргат так, будто утро успело лично его оскорбить. — Строиться!

Студенты поспешно вытянулись в шеренгу по росту. Амалия оказалась в середине, Эльза встала рядом.

— Сегодня будем бегать, — объявил Коргат, медленно прохаживаясь вдоль строя с заложенными за спину руками. — Десять кругов вокруг арены. Затем полоса препятствий. После — силовые упражнения.

Кто-то среди белых мантий недовольно засопел. Коргат остановился и впился взглядом в нарушителя тишины.

— Магия иссякает, — произнёс он отчётливо. — Тело остаётся. Если вы не способны пробежать три круга без передышки, вы не маги. Вы — никто. Размялись и вперёд!

Его голос хлестнул по строю не хуже кнута. Юные маги притихли и без дальнейших возражений вышли на дорожку.

Амалия старалась держаться рядом с Эльзой. Стихийники сразу рванули вперёд, словно три круга были не разминкой, а состязанием, победитель которого получит по меньшей мере королевскую корону. Амалия и Эльза выбрали спокойный темп, стараясь сберечь силы для всей дистанции.

Первый три круга дались легко. На четвёртом ноги налились тяжестью. К началу пятого дыхание Амалии сбилось, а холодный воздух начал обжигать лёгкие.

— Ты как? — спросила Эльза, немного замедлившись.

— Дышу, — выдохнула Амалия. — Пока.

Некоторое время они бежали плечом к плечу, подстраиваясь под шаг друг друга.

— Ты говорила, что родом из Лапидии? — спросила Амалия между вдохами.

— Да, — Эльза смотрела прямо перед собой. — Но не из Глиптории. Я выросла на окраине, почти у самой границы. В маленькой деревне под названием Тихое ущелье.

— Никогда о ней не слышала.

— Ещё бы, — в голосе Эльзы промелькнула усмешка. — Там всего двадцать домов.

Разговор отнимал слишком много сил, и дальше они бежали молча. Остался лишь мерный топот десятков ног, тяжёлое дыхание и хруст песка под подошвами.

К концу последнего круга Амалия почти перестала чув-

ствовать ноги. Едва пересекла условную черту, она опустилась на колени и упёрлась ладонями в холодную землю. Воздух входил в лёгкие с хрипом, обжигая горло. Пот заливал глаза, выбившиеся из пучка пряди прилипли к разгорячённым щекам, но убраться их она не могла — руки мелко дрожали от напряжения.

Эльза опустилась рядом, вытянула ноги и откинулась назад, опираясь на ладони. Щёки у неё покраснелись, тугая коса растрепалась, однако дышала она куда ровнее Амалии. Только грудь поднималась чаще обычного.

— Ты жива? — спросила она, не поворачивая головы.

Ответить сразу Амалия не смогла. Она сделала один мучительно глубокий вдох, затем второй и лишь после этого выдавила:

— Никогда... не любила... бегать.

Коргат не давал им отдыхать. После бега по плану была полоса препятствий. Стены, рвы, канаты, брёвна. Амалия несколько раз споткнулась, ободрала ладонь о дерево, но не остановилась. Эльза рядом чертыхалась сквозь зубы, но тоже бежала. Белые мантии закончили первыми. Они стояли у финиша, смотрели на отстающих и переговаривались. Потом начались упражнения на силу: отжимания, приседания, подтягивания на перекладине. Амалия отжалась десять раз вместо положенных двадцати. Коргат не сказал ни слова, просто поставил галочку в блокноте.

К концу занятия у Амалии болело всё. Она стояла, согнув-

шись, уперев руки в колени, и пыталась отдышаться. Пот капал с лица. Резинка в какой-то момент слетела с хвоста, и рыжие волосы рассыпались по плечам.

Амалия всё ещё сидела на коленях, чувствуя, как жар ползёт от шеи к щекам, а песок царапает кожу даже сквозь ткань. Она не хотела признавать, что сил подняться пока нет.

Рядом кто-то остановился.

— Держи.

Она подняла голову. Макото протягивал ей бутылку с водой, с аккуратной руной Охлаждения на боку: тонкая линия, петля, короткий росчерк. Из-за неё вода внутри всегда оставалась прохладной, будто только что из горного источника. Его лицо горело тем же огнём, что и у неё, а чёлка прилипла ко лбу, тёмная от пота.

— Спасибо, — выдохнула Амалия, сжимая горлышко бутылки так, будто это была единственная вещь, которая не давала ей рассыпаться.

Рядом тяжело опустился Дэррил. Его волнистые волосы из-за влаги стали почти прямыми, и теперь пряди падали на глаза, мешая видеть. Он едва переводил дух, но в руках у него было сразу две бутылки. Одну он молча протянул Эльзе, вторую прижал к шее, будто надеялся, что холод собьёт жар.

— Ты хорошо бежал, — сказала Эльза, посмотрев на него и забирая бутылку.

— А ты — нет, — тут же отозвался Дэррил, даже не пытаясь быть вежливым. — Ты споткнулась на втором круге.

— Зато не упала.

— Чудом.

Эльза фыркнула, но спорить не стала: спорить сейчас было слишком тяжело. Макото присел на корточки перед Амалией.

— Ты потеряла, — сказал он, протягивая маленькую резинку — ту самую, которой она утром собирала волосы. — Выпала, когда ты упала на полосе препятствий.

— Я не падала, — Амалия взяла резинку, но пальцы дрогнули, и та чуть не выскользнула. — Я грациозно опустилась.

— Ты рухнула как мешок с бронзой, — подтвердил Дэррил.

— Я сказала — грациозно.

— Грациозно на колени, — уточнил Макото.

— На колени.

— Лицом вниз.

— Я проверяла, ровный ли песок, — Амалия решила идти до конца. Если уж позориться, то с достоинством.

— Если хочешь, я в следующий раз буду падать, чтобы ты не одна краснела, — Макото говорил так спокойно, что казалось, он и правда готов это сделать.

— Я не краснею, — соврала Амалия.

— Твои щёки думают иначе, — спокойно заметил Макото и сел рядом, вытянув ноги.

Теперь они просто сидели вчетвером на краю беговой дорожки, тяжело дыша и глядя, как другие студенты, ещё полные сил, заканчивают упражнения. Кто-то смеялся, кто-то ругался, кто-то спорил, кто быстрее. Для них полоса препятствий была вызовом. Для Амалии — почти битвой.

— Тяжёлый день, — наконец выдохнул Дэррил.

— Теперь это наш обычный день, — заметил Макото. — С каждым днём будет всё тяжелее.

Эльза хмыкнула, наклонила бутылку и сделала глоток, будто звук льющейся воды мог заглушить его слова.

— Ты всегда такой оптимист?

— Я реалист, — ответил Макото, не отводя взгляда от дорожки. — Оптимисты сдохли ещё на третьем круге.

Амалия не удержалась и усмехнулась. И тут же закашлялась: горло саднило, и даже усмешка отдавалась болью.

После физподготовки ныло всё. Амалия не помнила, когда в последний раз так сильно болело тело. Каждый шаг отдавался в бёдрах, руки дрожали после отжиманий, а плечи

ныли от того, что она слишком сильно сжимала кулаки во время бега.

Выйдя на главную дорогу, Эльза свернула к библиотеке. Ещё в первый день, когда она забирала учебники, ей попала на глаза книга о древних рунических алфавитах. Тогда пришлось оставить её на полке: обязательные тома и без того оказались неподъёмными, и Эльза едва дотащила их до комнаты. Теперь она решила вернуться.

Эльза любила подобные вещи — забытые символы, мёртвые языки, старые свитки с выцветшими чернилами. Она могла просидеть над ними несколько часов, не заметив, как наступил вечер. Не ради контрольной или похвалы преподавателя, а потому, что ей действительно хотелось понять, что скрывается за каждой линией.

Амалия с ней не пошла. У неё не осталось сил ни на книги, ни на разговоры. Хотелось лишь добраться до комнаты, упасть на кровать и хотя бы полчаса ни о чём не думать.

Они разошлись у перекрёстка галерей. Эльза направилась к библиотечной башне, а Амалия свернула в боковой коридор.

Здесь было непривычно тихо. Глубокие окна выходили во внутренний двор, и полуденный свет в них казался густым, медовым. В золотистых полосах медленно кружилась пыль.

В конце галереи кто-то стоял, Амалия заметила его не сразу. Он опирался плечом о косяк приоткрытого окна и держал в руке тонкую самокрутку, из которой лениво тянулся

сизый дым. Вторую руку он засунул в карман, чувствуя себя так свободно, словно находился не в академическом коридоре, а в собственной комнате.

Это же тот самый парень с паранета...

Чёрная мантия была небрежно наброшена на его плечи, рукава тёмной рубашки закатаны до локтей. Верхняя пуговица оказалась расстёгнута, открывая тонкую линию ключицы. На загорелом запястье виднелся плетёный браслет с алыми камнями.

Амалия замедлила шаг и тут же рассердилась на себя за это.

Парень уже заметил её. Повернул голову, сделал последнюю затяжку — медленно, будто никуда не торопился, — и выдохнул дым в открытое окно. Его серо-зелёные глаза с золотистыми искрами лениво скользнули по ней и задержались на лице. От тёмного пахло можжевельником, старой кожей и чем-то пряным и горьковатым.

— *Рыжая.* — низкий голос прозвучал чуть хрипло — то ли от дыма, то ли от долгого молчания.

— Здесь нельзя курить.

— А кто сказал, что я курю? — он снова выпустил дым за окно. — Это лекарство от скуки.

— Похоже, не помогает.

В глазах парня вспыхнул интерес. Амалия сделала шаг, но тёмный не отступил от окна. Коридор был достаточно широким, чтобы обойти его, и всё же ей вдруг показалось, будто

он занимает собой всё пространство.

Парень затушил самокрутку о каменный край подоконника, завернул окурочок в клочок бумаги и убрал в карман мантии.

— Тебе бы тоже не помешало лекарство.

— Я не скучаю.

— Я не об этом. Ты вся натянутая, как струна.

— А вы всегда раздаёте советы тем, кого едва знаете?

Парень оттолкнулся от подоконника и лениво подошёл ближе. Расстояние между ними сократилось настолько, что Амалия ощутила исходящее от него тепло. Запах дыма стал сильнее. Он не был неприятным, напротив — в нём обнаружилось что-то опасно уютное. Как в костре посреди ночного леса: хочется протянуть к огню озябшие руки, хотя знаешь, что одно неосторожное движение обожжёт кожу.

Амалия подняла голову. Он оказался выше, чем ей показалось в первый день.

— Ты всегда такая смелая? — спросил он, слегка наклонившись к ней.

— Только когда какой-то псих называет меня Рыжей.

— Значит, это я делаю тебя смелой?

— Не льстите себе.

— Тогда в следующий раз не отвечай, когда я тебя так назову. — Он чуть прищурился. — Сделаю вид, что ты призрак. Будешь проходить мимо, а я стану благородно смотреть в стену.

— Сомневаюсь, что у вас получится.

— Смотреть в стену?

— Быть благородным.

На этот раз он улыбнулся по-настоящему. Улыбка едва тронула уголки губ, но сразу изменила его лицо, сделав моложе и ещё опаснее. Амалия закатила глаза и попыталась обойти его. Парень сдвинулся в ту же сторону. Тогда она шагнула в другую — он снова оказался перед ней. Амалия резко остановилась.

Я тебя сейчас чем-нибудь огрею.

— Что вам от меня нужно?

Он несколько секунд молчал, разглядывая её. В его глазах по-прежнему пряталась насмешка, но теперь под ней проступило что-то ещё.

— Пока не решил.

Амалия сделала шаг вперёд, не оставляя ему выбора. На мгновение между ними почти не осталось расстояния. Её плечо задело край его мантии, пальцы случайно коснулись его руки. Прикосновение было коротким, но по коже пробежала горячая искра.

Амалия вскинула подбородок, хотя сердце билось слишком быстро.

— Пропустите меня.

Он помедлил, затем шагнул в сторону и церемонно склонил голову.

— Как пожелаете, призрак.

Амалия прошла мимо, заставляя себя не ускорять шаг. Она успела отойти на несколько метров, когда он окликнул её:

— Рыжая.

Она остановилась и, поняв, что снова ответила, сердито обернулась. Парень стоял у окна, сложив руки на груди. Улыбка вернулась на его губы.

— Я же сказал не отзываться.

— А я решила проверить, сможете ли вы хотя бы раз посмотреть в стену.

Его взгляд медленно скользнул по её лицу.

— Ты оказалась интереснее стены.

Амалия на мгновение забыла, что хотела сказать, этого ему оказалось достаточно. Улыбка стала шире.

— До встречи, Рыжая.

— Надеюсь, нет.

Она уже собиралась отвернуться, когда он негромко произнёс:

— Кассиан.

Амалия моргнула.

— Моё имя. — он не посмотрел на неё, но уголок его губ снова дрогнул. — Чтобы в следующий раз тебе не пришлось спрашивать.

— Я и не собиралась...

Но Кассиан уже прошёл мимо. В воздухе остался уже знакомый запах дыма, можжевельника и старой кожи. Амалия

проводила его взглядом.

Самоуверенный кретин.

Она постояла у окна ещё несколько секунд, прислушиваясь к удаляющимся шагам, а затем вздохнула и направилась к себе. Нужно было переодеться, привести волосы в порядок и успеть на следующее занятие. Впереди была «Рунопись». До начала оставалось пятнадцать минут — достаточно, чтобы собраться с мыслями. По крайней мере, Амалия на это надеялась.

Комната встретила её тишиной. Амалия закрыла дверь, сбросила сумку и опустилась на край кровати. Сняла обувь, стянула носки и уставилась в стену.

Несколько мгновений она сидела неподвижно.

— Кассиан, — тихо произнесла она, пробуя имя на слух.

Парень вызывал слишком противоречивые чувства. С одной стороны, Амалия прекрасно понимала: он маг Тьмы. И Тьма — не просто цвет мантии. Это иные законы, иная магия, иная правда. Никто не мог знать, что у него на уме и зачем он заговорил с ней в пустом коридоре. Возможно, от скуки, как и сказал, возможно, из любопытства. А возможно, по причине, о которой ей лучше было не знать. И всё же она не почувствовала в нём опасности. Ни холода, ни презрения, ни жестокости, которую так любили приписывать тёмным магам. Лишь насмешку, ленивое любопытство и странное внимание, от которого ей до сих пор становилось не по себе.

— Может, я дура, — пробормотала Амалия, поднимаясь.

Она подошла к зеркалу и попыталась пригладить выбившиеся пряди. Волосы не слушались, щёки всё ещё сохраняли подозрительный румянец, а мысли упрямо возвращались к серо-зелёным глазам с жёлтыми искрами. Амалия нахмурилась, словно могла одним строгим взглядом привести себя в чувство.

В кабинете уже привычно пахло бронзой и старой бумагой. Амалия вошла последней. Эльза уже сидела за первой партой, разложив перья и чернила. Макото и Дэррил заняли места у окна и о чём-то тихо переговаривались. В аудитории было всего четыре парты — ровно по числу первокурсников факультета Рун.

Дверь открылась. Лориан Монтгомери вошёл бесшумно, как тень. Серая мантия сидела на нём идеально, серебряная вышивка тускло мерцала при свете ламп. Волосы снова были собраны в низкий хвост. Аудитория тут же заполнилась ароматом старых книг с медовыми нотками.

Если я буду на него пялиться, то профессор точно заметит.

Амалия резко опустила взгляд в раскрытую тетрадь, хотя на странице не было ни одной записи, кроме даты, выведенной слишком старательным почерком. Чернила ещё не успели высохнуть, и последняя цифра чуть расплылась, когда она нечаянно провела по ней краем ладони.

Глуно. До невозможности глуно.

Амалия заставила себя вдохнуть. Запах старых книг, сухой бумаги и чего-то тёплого, медового снова коснулся её так внезапно, что сердце предательски сжалось. Амалия ненавидела, когда тело предавало её раньше мыслей.

Лориан Монтгомери поднял голову. Амалия почувствовала это ещё до того, как его взгляд дошёл до неё. Она знала, что не должна поднимать глаза.

Разумеется, не должна.

Достаточно было вести себя нормально. Сидеть ровно, смотреть в тетрадь, делать вид, что её интересует только предмет. Она пришла сюда учиться, а не думать о том, как серебряная нить на его мантии мерцает при каждом движении плеча. И не о его голосе, который в прошлый раз звучал так низко и мягко, что каждое слово почему-то осталось в памяти. И уж тем более не о его ослепительности и гребаной непревзойдённости...

Нет, профессор Монтгомери более чем «привлекательный». Он выглядит как чёртово произведение искусства.

Перо в её пальцах хрустнуло. Амалия вздрогнула и поняла, что слишком сильно сжала его. В этот момент взгляд профессора остановился на ней. Амалия всё же подняла глаза. Лориан стоял у кафедры, одной рукой касаясь раскрытой папки. Свет лампы ложился на его лицо сбоку, подчёркивая чёткую линию скул и спокойную строгость губ. Сердце ударило так громко, что ей показалось, будто сидящая рядом

Эльза должна была услышать.

Перестань.

Амалия опустила глаза первой.

Ты ведёшь себя как ребёнок, Амалия! Он профессор!

Из-за дурацких мыслей Амалия прослушала начало объяснения. Лориан что-то говорил о дисциплине, но слова проходили мимо. Она улавливала только отдельные фразы, а всё остальное время разглядывала его руки.

Да что с ней вообще такое?

— ...Бумага прощает ошибки, — голос Лориана наконец пробился сквозь шум в её голове. — Вы можете стереть линию, перечертить символ, начать заново. Бронза — нет. Каждый штрих остаётся на ней навсегда, поэтому здесь важны точность и терпение. Ошиблись — пластина отправляется в брак. Берёте новую и начинаете сначала.

Амалия выпрямилась и заставила себя сосредоточиться.

— Ваша задача как рунных магов — научиться чертить без ошибок. В реальной опасности времени на вторую попытку не будет. Ошибётесь — и защита не сработает.

Он выдержал паузу, оглядывая аудиторию.

— А потом вас убьют.

Профессор замолчал, давая словам осесть.

— Сегодня будем работать над руной «Альгиз». Это основа для многих защитных заклинаний. Без неё вы не сможете создать даже простейший щит. Данная руна относится к нематериальным, её нельзя запечатать и сделать артефакт.

Поэтому сегодня вам не понадобится ни металл, ни бумага. Когда я увижу, что вы справляетесь, перейдем к связкам. Покажу вам, как работают руны в тандеме и как сделать самый простой щит.

Профессор начал чертить линии в воздухе. Пальцы двигались быстро, уверенно, будто он делал это тысячи раз. Амалия смотрела на его руки и не могла отвести взгляд. Через секунду рядом с Лорианом парила золотисто-медная руна. Амалия узнала её — «Ансуз», знак знания и откровения.

— Это базовая форма, — объяснил Лориан. — Для щита вам понадобится вторая руна — «Альгиз», знак защиты.

Профессор нарисовал ещё одну, Амалия никогда раньше не видела её — символ был сложнее, похожий на рога, поднятые вверх — как ветви дерева, защищающие небо.

— «Ансуз» даёт силу. «Альгиз» даёт форму. Вместе они создают щит.

Монтгомери провел рукой и руны соединились воедино. На секунду свет погас, а потом вспыхнул снова, и перед Лорианом навис огромный мерцающий щит. Он был почти прозрачным, но по его поверхности пробежали золотисто-медные волны, переливались, меняли оттенки.

— Это «Страж». Простейший щит. Он держит удар недолго, но для начинающих достаточно.

Амалия замерла. Это было завораживающее зрелище. Не магия, а целое искусство!

— Вот так, — сказал Лориан, и щит растаял, рассыпав-

шись золотистыми искрами. — Работают руны, когда они соединены правильно. Ваша задача — научиться делать так же. Повторяю, это нематериальная руна, она держится недолго, и способна отразить пару ударов. Не путайте её с руной «Защиты», которая, скорее всего, висит у каждого дома. Теперь вы. «Ансуз» вы уже чертили, поэтому можете переходить сразу ко второй руне, если уверены в себе, конечно же.

Амалия была не уверена в себе, поэтому для начала решила повторить «Ансуз». Чертить в воздухе ей казалось проще, чем на бумаге, и девушке стало казаться что у неё даже неплохо получается. Стоило Монтгомери подойти ближе, как рука стала предательски дрожать, а в груди образовалась дыра. Амалия старалась не думать о том, что Лориан в данную минуту смотрит только на неё — ей хотелось впечатлить профессора своими ровными рунами.

— Не задерживайте дыхание, — произнёс Лориан у самого её уха. — Иначе дрожь только усилится.

Амалия попыталась вдохнуть, но стало лишь хуже.

Лориан не отошёл. Его пальцы бережно обхватили её правое запястье.

— Смотрите.

Лориан поднял её руку и медленно повёл ею в воздухе. Кончиками пальцев Амалия ощущала странное сопротивление, словно они рассекали не воздух, а тёплую воду. Одна линия, вторая, поворот. Её рука двигалась вместе с его рукой, послушная до неприличия. Ладонь профессора была го-

рячей и шершавой от мозолей. Почему у преподавателя рунической магии руки человека, который держал меч чаще, чем перо?

Додумать она не успела. Последний штрих замкнулся — и перед ними вспыхнула руна.

Золотисто-медное сияние раздвинуло воздух. Символ парил над партой, живой и пульсирующий, будто внутри него билось крошечное сердце. Свет ложился на их переплетённые пальцы, скользил по лицу Лориана, золотил его ресницы. В начале урока он уже создавал такую руну, но та принадлежала ему. Эта родилась между *ними*. От этой мысли Амалии стало жарко. Господи, ну что за дурацкая чушь лезет в голову? Это просто упражнение, профессор помогает студентке. Никакого «между ними» не существует.

Его дыхание коснулось её щеки.

Вот дерьмо.

— Чувствуете? — спросил он. Голос был тихим, однако руна отозвалась на него вспышкой.

Амалия всмотрелась в свет. Под кожей покалывало, а в костях запястья дрожало что-то чужое и одновременно до странности знакомое. Пальцы профессора на её запястье сжались чуть крепче. Всего на мгновение, но Амалия заметила. Когда он заговорил снова, в голосе уже не было прежней мягкости.

— Интересные у вас руны, Амалия.

— Это плохо?

— Это необычно.

— Вы всегда отвечаете так, чтобы человеку стало ещё тревожнее?

Она выпалила это прежде, чем успела прикусить язык. Лориан повернул голову. Их лица оказались смертельно близко друг от друга. В глазах профессора блеснуло веселье, быстро исчезнувшее под привычным спокойствием. Руна вспыхнула в последний раз и рассыпалась медными искрами. Лориан отпустил её руку.

Амалия сразу почувствовала холод.

— Теперь самостоятельно, — произнёс он уже обычным преподавательским тоном, игнорируя её вопрос.

Лориан отошёл к соседней парте.

— Хорошо, мисс Вогель. Идеально. Можете переходить к Альгиз.

Эльза победно улыбнулась Амалии. Та показала ей большой палец, хотя внутри всё ещё дрожало золотисто-медное послевкусие магии.

Следующая руна вышла кривой.

— Да чтоб тебя, — прошептала Амалия.

Ещё одна — лучше. Третья вспыхнула сразу, но погасла, едва родившись. Четвёртая продержалась несколько секунд. С каждой попыткой Амалия всё отчётливее ощущала сопротивление воздуха. Магия больше не казалась чем-то, что случается исключительно с другими. Она была рядом, за тонкой преградой, которую можно было продавить пальцами.

Амалия уже приготовилась перейти ко второму символу, когда голос Лориана разрезал шум аудитории:

— На сегодня достаточно. Практикуйтесь дома. На следующем занятии начнём создавать щит — если ваши руны перестанут рассыпаться от одного неверного вдоха.

Это камень в мой огород?

— Амалия, — позвала Эльза, затягивая ремень сумки. — Дэррил попросил позаниматься с ним. Он уверен, что на следующей лекции профессора Арлана опозорится так, что его вычеркнут из семейной хроники.

— Для этого его имя сначала должно туда попасть.

Эльза фыркнула.

— Передам. Встретимся в столовой через час?

— Договорились.

Подруги попрощались. Амалия сложила записи и накинула сумку на плечо.

— Мисс Брандт.

Ну разумеется.

Она замерла у парты. Лориан сидел за преподавательским столом и что-то записывал в чёрный блокнот. Перо двигалось быстро, оставляя острые, почти колючие строки.

— Похоже, у вас освободился час.

— Я собиралась вернуться в комнату, профессор Монтгомери.

Её пальцы впились в ремень сумки. Жалкая защита, но лучше, чем ничего.

Он закончил строку, поставил точку и лишь тогда поднял голову.

— Вы заметили, что в почти пустой аудитории у вас получается лучше?

— Наверное.

— Не «наверное». — Лориан закрыл блокнот. — В первый день вы едва удерживали руну три секунды. Сегодня продержали её почти двенадцать.

Лориан поднялся и обошёл стол, но остановился на почти-тельном расстоянии. При остальных он казался частью аудитории — таким же строгим и понятным, как доска или ряды парт. Теперь же пустой кабинет будто сжался вокруг него.

— В группе вы теряетесь, — продолжил он. — Ждёте, что кто-нибудь заметит ошибку раньше вас. Следите за чужими руками вместо своих. Вам страшно оказаться худшей.

Амалия вскинула подбородок.

— Не говорите так, будто знаете меня.

— Я говорю о том, что вижу.

— И что же вы видите?

Лориан чуть склонил голову. Каштановые волосы скользнули по воротнику.

— Девушку, которая заранее злится на весь мир, чтобы не дать ему первой причинить ей боль.

Слова попали точно под рёбра.

Вот же засранец.

Амалия стиснула зубы.

— Вы всех студентов разбираете по косточкам или мне особенно повезло?

— За всеми я наблюдаю, — сухо ответил он. Небольшая пауза изменила воздух между ними. — Но за вами — особенно.

Что-то внутри неё споткнулось. Лориан не улыбался, не пытался смягчить сказанное. Просто открыто смотрел, отчего эта фраза звучала гораздо опаснее любого заигрывания.

— Почему? — спросила Амалия.

— Потому что вы делаете невозможное и ведёте себя так, словно это случайность.

— Я едва зажгла простейшую руну.

— Без магического дара.

Вот оно. Конечно. Рано или поздно разговор всегда приходил к этому.

Амалия умолкла. Лориан приблизился на шаг — не нарушая приличий, но пространство между ними всё равно стало тесным.

— Вы боитесь собственной силы.

От этих слов Амалия коротко, недоверчиво рассмеялась.

— Какой силы? Все в Академии уверены, что во мне пусто.

— Все в Академии ошибаются.

Лориан заложил руки за спину и снова стал выглядеть собранно и недостижимо. Он казался таким правильным, что хотелось чем-нибудь в него швырнуть.

— Я хочу, чтобы вы оставались после занятий дважды в неделю, возможно, чаще, если выдержите.

— Вы предлагаете дополнительные занятия? Зачем вам это?

— Потому что вы не такая, какой вас считают. Я знаю, что вы пришли в Академию, где каждый день вам напоминают, будто вы оказались здесь по ошибке. Знаю, что вы всё равно садитесь в первом ряду. И знаю, что сегодня, испугавшись собственной руны, вы не отступили. Вы создали следующую.

Каждая его фраза сдирала с неё слой за слоем всё то, что она так старательно закопала глубоко внутри.

— Хватит, — выдохнула Амалия, и голос предательски дрогнул.

Лориан замолчал, но было уже поздно. В груди уже разливалась липкая теснота, и она ненавидела себя за это. И ещё за дрожащие губы и противную влагу в глазах.

Только развеяться перед ним ещё не хватало. Это будет просто охренительно.

— Амалия, — тихо произнёс он. — Вы не пустая. В вас есть сила... но она спит слишком глубоко. Возможно, её запечатали, потому что она слишком опасна.

— И вы сможете её разбудить?

— Смогу.

Амалия сглотнула.

— В четверг, после последней лекции, — бросил он, отворачиваясь к окну. — Не опаздывайте.

— Я ещё не согласилась.

— Вы придёте.

Невыносимый человек. Просто невыносимый.

Она уже взялась за ручку двери, когда остановилась. Слова вырвались сами, до того как мозг успел их отредактировать:

— Профессор... Вы сказали, моя сила может быть опасной. А вы не боитесь оставаться со мной наедине?

Лориан медленно обернулся. Едва заметная, мрачная, и совершенно не преподавательская улыбка тронула его губы. Такая улыбка могла принадлежать человеку, который знает о тебе что-то, чего ты сама о себе не знаешь.

— Боюсь, мисс Брандт.

Сердце Амалии дёрнулось и покатилося куда-то вниз.

— Но не вас.

Она выскочила в коридор прежде, чем успела сморозить очередную глупость. Прижала тетради к груди так, будто они могли удержать внутри всё, что вдруг пришло в движение. Но его слова шли за ней по пятам.

«Вы не пустая».

Эта фраза засела в голове, как заноза. Как строчка заклинания, которое она не могла забыть, сколько ни пыталась. Амалия столько раз слышала обратное, что почти срослась с этой мыслью. Почти. А теперь этот человек — один из тех, чьё мнение действительно имело вес, — посмотрел на неё так, будто увидел не бракованную куклу, а тайну. Чёрт. Ей

ужасно хотелось поверить. И впервые она позволила себе эту слабость.

До обеда оставалось минут двадцать. Возвращаться в общежитие — бессмысленно. Торчать в столовой раньше времени — сдохнуть со скуки. Нужно проветрить голову, пока мысли не сплелись в какой-нибудь безумный клубок.

Амалия направилась в академический сад. В день приезда она видела его лишь мельком, из окна телеги: зелёные кроны, белые дорожки, блеск воды. Сейчас он раскинулся перед ней за Башней Жизни.

Она обогнула башню и замерла.

Дорожка из серого камня петляла между невысокими деревьями. Конец лета ещё не тронул листву — она только начинала золотиться по краям, будто кто-то осторожно подпалил её огнём. В воздухе пахло влажной землёй, листвой и чем-то сладким — поздние цветы всё ещё цеплялись за клумбы, отказываясь умирать.

Амалия не разбиралась в садоводстве, но кое-что здесь выглядело странно. Одно растение вилось вверх, как пружина, готовое сорваться. У другого листья были фиолетовыми, как сумерки перед грозой. Она уже собиралась потянуться к одному из них, когда сзади раздалось:

— Это драконий коготь.

Амалия вздрогнула и резко обернулась, готовая уже выдать какую-нибудь колкость. Перед ней стоял высокий парень в белой мантии, из-под которой виднелась голубая ту-

ника, перехваченная кожаным ремнём. На ремне — ножны. И взгляд Амалии зацепился за них дольше, чем следовало.

Парень это заметил.

— Извини, не хотел напугать, — сказал он мягко.

Светлые волосы падали на лоб, голубые глаза смотрели открыто, без насмешки. И всё же Амалия невольно отступила на полшага, почувствовав за спиной прохладное стекло витрины. Незнакомец смотрел на неё так, будто она была ещё одним странным растением в этом саду. И, чёрт возьми, ей это не понравилось.

— Не бойся, — добавил он, чуть приподняв руки, показывая, что не собирается прикасаться к оружию. — Это знак отличия.

— Какого? — спросила Амалия.

— Я состою в военном клубе. «Стальные клинки». Мы тренируемся обращаться с оружием и отрабатываем бой без магии.

Он похлопал ладонью по ремню, но тут же, будто вспомнив о её настороженности, убрал руку.

— Кинжал — часть униформы. Я только закончил тренировку и ещё не успел переодеться.

Амалия промолчала. Ей хотелось сказать, что наличие кинжала на поясе не становится менее тревожным оттого, что оно называется частью униформы. Но парень выглядел скорее смущённым, чем опасным, поэтому она лишь снова повернулась к растению.

За толстым стеклом тянулся вверх тонкий тёмный стебель. На его конце изгибался длинный алый лепесток, заострённый и блестящий, будто покрытый лаком. Он действительно напоминал коготь — изящный, хищный и немного пугающий.

— Почему драконий? — спросила она.

Парень подошёл ближе, но остановился на почтительном расстоянии.

— Из-за формы лепестков. И из-за ожогов.

Амалия тут же отдёрнула руку, хотя и не касалась стекла.

Он негромко рассмеялся.

— Через витрину безопасно. Но если сорвать без перчаток, сок оставляет следы, похожие на ожоги от драконьего пламени. По крайней мере, так говорят травники.

— Ты разбираешься в растениях? — спросила Амалия, меняя тему.

— Немного, — парень пожал плечами. — Часто бываю здесь, когда хочется тишины. Заодно запоминаю названия.

— А это что? — Амалия кивнула на фиолетовые листья в соседнем горшке.

Листья были бархатистые, с серебристыми прожилками, и казалось, будто на них осел тонкий лунный иней.

— Лунная мята, — ответил он. — Хорошо растёт в тени. Из неё делают успокаивающий чай. Говорят, помогает от бессонницы.

— Говорят?

— Я пробовал однажды. Уснул прямо над конспектом по защитным печатям. Так что, возможно, правда.

Амалия не сразу нашлась с ответом. В этом и было самое странное: рядом с ней шёл студент Света, говорил спокойно, почти по-дружески, без привычной усмешки, без холодного превосходства. И от этого становилось тревожнее, чем от открытой неприязни.

Они миновали небольшой фонтан — не тот парадный, что встречал гостей во внутреннем дворе, с мраморными фигурами и сияющими струями, а совсем иной: скромный, почти спрятанный среди зелени. Каменная чаша его потемнела от времени, по краям расползся мягкий изумрудный мох, а вода журчала тихо, будто шептала что-то самой земле. Неподалёку, в густой тени старого дуба, стояла скамейка.

— Это дерево посадили в день основания Академии, — сказал парень, замедлив шаг. — Говорят, первый ректор принёс желудь из своих земель.

Амалия подняла голову.

Дуб был огромен. Не просто дерево — древний ящер, вросший в землю задолго до того, как здесь возвели стены. Его ствол, узловатый и широкий, в трещинах, как старая карта, хранил больше секретов, чем вся Академия. Крона уходила в небо, и ветви переплетались в живой шатёр, сквозь который солнце просеивалось редкими золотыми монетами. Они дрожали на дорожке от каждого вздоха ветра и рассыпались, стоило только ступить.

— Ты часто здесь бываешь? — спросила она.

— Когда нужно подумать. Или сделать вид, что я думаю.

В уголках его глаз мелькнул смех. Голубые глаза — слишком ясные для человека, который что-то скрывает. Амалия поймала себя на том, что разглядывает его дольше, чем прилично, и внутри всё настороженно сжалось. Он отвёл взгляд первым — и это было странно. Обычно студенты старших курсов, все эти напыщенные индюки из Света смотрели на неё свысока, с жалостью или скукой. А этот просто... уступил. И указал вперёд:

— А это теплицы. Там растения, которым нужен особый уход. Факультет Жизни трясётся над ними так, будто это не цветы, а наследники древних родов.

Амалия прищурилась, что бы рассмотреть. Стекланные строения стояли в конце аллеи, залитые солнцем. Их стены мерцали радужной дымкой.

Защитные чары.

— Этим занимается факультет Жизни, — продолжил парень. — Но, если честно, иногда я за ними подсматриваю.

— За растениями? — уточнила Амалия.

Он усмехнулся.

— За процессом. Магия Жизни отличается от нашей. Более... органичная, что ли. Свет — это структура, направление, точность. Луч, грань, отражение. А у них всё растёт, меняется, дышит. Иногда кажется, что они не управляют магией, а договариваются с ней.

Амалия приподняла бровь.

Ну и тип. Строит из себя философа, а сам, судя по всему, лазит по кустам, как мелкий ворюшка, и делает вид, что это научный интерес.

Она не удержалась:

— Ты сейчас звучишь как человек, который шпионит за чужими грядками и пытается придать этому научное значение.

Парень снова рассмеялся, и они уже молча двинулись дальше.

Сад оказался куда больше, чем казался из окон Академии. Он не просто окружал корпуса — он жил между ними, скрывал их, соединял тайными переходами из зелени, камня и запахов. Каждая дорожка вела к новому открытию. Пруд, где в тёмной воде скользили золотые рыбки с хвостами, как языки пламени. Кусты с сизыми ягодами, которые вспыхивали изнутри, едва на них падала тень. Круглая площадка из белого камня, откуда открывался весь кампус.

— Здесь можно спрятаться, — сказал маг Света, замедля шаг. — Если Академия вдруг решит окончательно свести тебя с ума.

— Она старается с первого дня. — Амалия усмехнулась краешком губ.

— Значит, ты держишься достойно. Пошли, я покажу тебе место, где даже преподаватели не ходят.

Он свернул с основной дорожки на узкую тропинку, почти

скрытую густыми кустами. Ветки тут же зашуршали по их мантиям. Одна тонкая веточка зацепилась за рукав Амалии, будто сад решил задержать её и спросить: «Уверена?»

Не уверена, совсем не уверена.

Но почему-то продолжила идти.

— Мы не заблудимся? — спросила Амалия, когда тропинка стала совсем узкой, а за спиной исчез просвет главной аллеи.

— Не волнуйся. Я знаю этот сад как свои пять пальцев.

— Люди, которые так говорят, обычно первыми заводят всех в болото.

— Здесь нет болота.

— Обычно они ещё и врут.

Они прошли ещё несколько минут. Сад вокруг сгущался, становился диким, почти лесным. Птичьи голоса стихли, словно здесь начиналась территория, где даже им полагалось говорить шёпотом. А потом кусты вдруг расступились.

Перед ними открылась маленькая круглая поляна, со всех сторон окружённая деревьями. В центре рос куст с ярко-синими цветами — такими густыми и глубокими по цвету, что они казались не лепестками, а сгустками вечернего неба. От них исходило едва заметное сияние.

— Магическая лаванда. Посадил один препод много лет назад. Потом он ушёл, а куст остался. Никто за ним не смотрит.

— Очень красиво, — восхищенно выдохнула Амалия, и

тут же мысленно себе влепила.

Ну красота, ну восторг, теперь он подумает, что тебя одним кустом можно уболтать, умница.

— Садись. Минут десять у нас ещё есть.

Амалия села так, чтобы между ними осталась ровно одна ладонь. Трава была мокрой, по ней ещё не ушёл утренний туман, и от земли тянуло холодом, а синие цветы в глубине поляны мерцали так, будто внутри каждого заперли глоток лунной воды.

Они молчали. И вот что странно — это молчание её не душило. Не требовало срочно вставить колкость или умный комментарий, чтобы не выглядеть идиоткой.

Амалия смотрела на лаванду и сама не верила в происходящее. Скажи ей кто вчера, что она будет сидеть в заднице Академии, на тайной поляне, рядом со студентом Света, и не чувствовать себя мишенью чужого любопытства — она бы этому гипотетическому человеку прямо в лицо рассмеялась. И, пожалуй, пожелала бы ему поскорее оказаться под ближним проклятием.

— Почему ты показываешь это мне? — спросила она, не поворачивая головы. — Мы же даже не знакомы.

— А это обязательное условие?

— Для тайных полян — вообще-то да.

— Надо внести в устав Академии.

Парень улыбнулся одним уголком рта, сорвал травинку, покрутил её между пальцами.

— Ладно. Потому что ты выглядела так, будто готова была либо рвануть отсюда, либо кого-нибудь проклясть на месте.

— И потому решил утащить меня в кусты?

— В сад, — поправил он с таким достоинством, что стало почти смешно.

— У нас мантии разного цвета. Тебя не смущает?

— Нет. А тебястораживает?

— Должно. — она медленно кивнула.

— Понимаю, о чём ты. Предрассудки тут растут лучше этой лаванды. Их поливают каждый день — на лекциях, в столовой, на тренировках, даже в библиотеке, между полками, где, казалось бы, пыль и тишина. Но я немного другого мнения.

Амалия смотрела на цветы и пыталась уложить в голове простую, и оттого бесящую вещь: этот разговор не был похож ни на один из тех, что она слышала от студентов Света прежде. Ни снисхождения, ни ленивой улыбки уголком рта. Ни желания влезть в душу, чтобы потом вымыть об тебя руки.

С простыми вещами, Амалия, сложнее всего воевать. С монстром понятно — бей в морду. А вот с таким вот тихим «я человек, а не боевой отряд» — поди разбери, куда прятать нож.

— Звучит почти благородно.

— Осторожнее. Ещё немного — и ты решишь, что я приятный.

Где-то далеко, за кронами, колокол ударил раз, потом второй. Звук просочился сквозь листву и разбил тишину поляны. Парень вздохнул.

— Пора. — Он поднялся, отряхнул мантию; на светлой ткани остались зелёные потёки от травы, и он посмотрел на них так, будто мантия лично его предала. — Опоздаем на обед — начнётся настоящая трагедия.

— Боишься пропустить суп?

— Боюсь остаться один на один с голодными первокурсниками. В них нет милосердия.

Амалия встала следом. Подол мантии зацепился за ветку, и она дёрнула раз, другой — ветка держала крепче, чем следовало. Ругнуться вслух она себе не позволила, но про себя от всей души пожелала этому кусту гореть в трёх мирах.

Он шагнул ближе.

— Можно?

Амалия хотела сказать «сама справлюсь». Это отрепетировано и более безопасно. Руки-ноги у неё целы, магия при ней, какого беса она должна позволять незнакомцу копаться в подоле своей мантии? Но он не полез к ней, разрушая личное пространство; и именно это почему-то всё решило.

— Можно.

Парень бережно высвободил край ткани из веток.

— Всегда к вашим услугам, рунная леди, попавшая в плен к кустарнику.

— Ещё слово — и все узнают, где твоя тайная поляна.

Он приложил ладонь к груди.

— Удар ниже пояса.

Они пошли, и Амалия с ужасом поняла, что нарочно замедляет шаг. Что ей не хочется обратно. Мысль была до смешного жалкой: ещё утром она бы поклялась на чём угодно, что эта академия — с её светлыми мантиями, высокими окнами, вылизанной улыбками и правилами, писанными как будто существом без сердца, — навсегда останется для неё наказанием, сроком, который надо отбыть. А теперь ей было жаль уходить с заросшей тропинки, от синих цветов и от этого незнакомого парня, который говорил с ней так, будто она не чужачка среди избранных, не рыжая ошибка в списках, а просто Амалия.

У выхода из сада светлый маг остановился.

— Мне надо подождать друга. — Кивнул в сторону боковой аллеи. — Иди без меня, а то опоздаешь. Мы и так проболтали всё свободное время.

— Спасибо... за прогулку.

Он улыбнулся, и улыбка эта была из тех, от которых потом долго не можешь выровнять дыхание.

— Не за что, рунная леди.

И произнёс он это без насмешки, а наоборот — как настоящее звание.

Амалия моргнула.

— Я не... — начала и запнулась.

Он наклонил голову, и в глазах у него мелькнуло что-то

весёлое.

Ну давай, рыжая, выбери способ выглядеть душой. Вариантов, как всегда, три штуки, и все плохие.

Амалия решила не выбирать. Она кивнула — с достоинством, как ей казалось, хотя внутри чувствовала себя человеком, который от души поклонился шкафу, приняв его за ректора, — и пошла к главному зданию.

За спиной — ни слова. И от этого у неё между лопаток горело всю дорогу, до самых дверей.

Имя! Она не спросила его имя!

Я проторчала с ним целый день. Ходила следом по саду, слушала, как он рассуждает про предрассудки и магические цветы; и при этом даже не удосужилась выяснить, как, чёрт возьми, его зовут.

Она закатила глаза так сильно, что на секунду увидела собственные ресницы.

Если Амалия и дальше легко будет позволять незнакомцам так легко входить в её жизнь, к вечеру она пойдёт в запретные катакомбы с каким-нибудь типом в маске — потому что у того «честные глаза» и рот, умеющий красиво складывать слова о луне. А ночью, привязанная к алтарю какой-нибудь заброшенной крипты, будет думать: «Зато как он говорил про приливы».

Амалия обернулась. У входа в сад маг всё ещё стоял. Вернуться? Спросить?

«Прости, милый, я весь день ходила с тобой по таин-

ственному саду, слушала твои умные речи, позволяла ворковать мне что-то про руны — но самую мелочь, твоё имя, спросить, конечно же, забыла.

Она застонала сквозь зубы, и толкнула дверь столовой.

Шум накрыл её, как волна.

После тишины сада зал казался ей почти непристойно живым. Звенели подносы, скрипели лавки, где-то кто-то ржал (именно ржал) над шуткой, которой не суждено было стоять и половины этого восторга. Над рядами столов плыл запах — тёплый хлеб, тушёное мясо, пряные овощи. Уютный запах. Почти как из дома, которого у неё здесь, строго говоря, не было.

Амалия взяла поднос: суп, ломоть ржаного. Суп подозрительно поблёскивал зелёным, как будто его сварили из болотной жижи и чьей-то неосторожной мечты. Амалия наклонилась, приняухалась. Пахло... съедобно. Что в этом месте уже можно было считать достижением.

Эльза махала ей из дальнего угла, где стол притулился под высоким стрельчатым окном, точно прячась от всего остального шума. Рядом с ней — Макото и Дэррил. А напротив — девушка, которую Амалия раньше не встречала.

Она подошла, поставила поднос, села рядом с Эльзой.

— Привет, — выдохнула она с усталой полуулыбкой.

Ей дружно разом ответили. Незнакомка — нет. Та лишь скользнула по Амалии взглядом, цепким, оценивающим, на грани приличия.

— Амалия, — Дэррил отодвинул тарелку и повернулся к ней всем корпусом, с торжественностью летописца, собирающегося поведать о великой битве. — Мы с Эльзой сегодня были в библиотеке. Я объяснял ей основы магической теории.

Эльза вскинула голову так резко, что волосы хлестнули по плечам.

— Это я тебе объясняла.

— Ну да, — он не смутился ни на секунду. — Мы объясняли вместе. Я говорю — она кивает. Она говорит — я киваю. Идеальный научный союз.

— Ты не кивал, — прищурилась Эльза. — Ты спал.

— Я думал. С закрытыми глазами.

— С закрытыми глазами думают только в монастырях, — вставил Макото, не отрываясь от тарелки.

Дэррил нахмурился.

— А ты-то откуда знаешь?

— Читал.

— Ты читаешь только комиксы.

— В комиксах бывают монастыри.

И тут Амалия рассмеялась. Было в этой перебранке что-то тёплое. После бесконечных занятий, чужих взглядов, странных снов и рун, которые будто шевелились под кожей, эта глупая пикировка была почти роскошью.

Маленький островок нормальности в море, где всё остальное медленно, но верно сходило с ума.

— В общем, — Дэррил снова повернулся к Амалии, явно решив вернуть разговор в нужное русло, — я теперь в теме, Эльза постаралась. Она умеет объяснять и почти не кричит, когда я туплю.

Эльза опустила взгляд в кружку. На щеках у неё проступил едва уловимый румянец, но Амалия его поймала. А потом перевела взгляд на Дэррила, и он отвёл глаза первым.

Вот оно. Значит, не показалось.

Между ними точно что-то есть, догадалась Амалия, — и почувствовала, как внутри одновременно расцвело и тут же сжалось что-то, чему она не успела дать имя. Радость за подругу, потому что Эльза, чёрт возьми, заслуживала, чтобы на неё смотрели именно так: не как на удобную отличницу, не как на вечный «голос разума», которого всегда зовут, когда нужна логика, а как на девушку, рядом с которой хочется стать лучше. А грусть... грусть пришла следом, потому что сама Амалия последнее время ловила себя на том, что ищет в толпе *совсем другой* взгляд. Тот, от которого сердце делало лишний удар, хотя разум в ту же секунду принимался настойчиво шептать: держись подальше, глупая, ты же видишь, чем это пахнет.

— Раз уж мы закончили обсуждать интеллектуальные страдания Дэррила, — произнёс Макото, — предлагаю перейти к более важному вопросу.

— Если это снова про расписание уборки в комнате, я заранее против. У меня слабое здоровье и врождённая непри-

язнь к веникам.

Макото закатил глаза.

— Амалия, познакомься. Это моя сестра, Рин.

Она перевела взгляд на незнакомку и сразу же заметила сходство с Макото. Чёрные волосы были стянуты в высокий пучок и заколоты деревянными гребнями, щелевидные цепкие глаза. Та же безупречная собранность. Всё в ней было выверено: осанка, положение рук, наклон головы. Пурпурная мантия факультета Разума в цвет её глаз свободно лежала поверх короткого белого кимоно и фиолетовой хакама. Широкий пояс спадал почти до колен, подчёркивая тонкую талию, строгую линию силуэта. Одежда выглядела чужеродно среди академических мантий, как гостя из другой страны.

— Рин Акияма, — представилась она. Голос оказался ниже, чем Амалия ждала. Ровный, с лёгким холодком, как речная вода, по которой ещё не прошёл лёд.

— Амалия, — ответила та. И почему-то, сама не зная зачем, добавила: — Брандт. Вы очень похожи.

— Рин моя близняшка, — кивнул Макото.

— Приятно познакомиться, — сказала Амалия, протягивая руку.

— У тебя интересная аура.

Амалия растерялась, посмотрела на Рин, ожидая продолжения, а та молчала. Её фиолетовые, чуть прищуренные глаза застыли, и смотрела она уже не на Амалию, а сквозь неё.

Ауры Рин видела с раннего детства. Сколько себя помнила — училась различать их по цвету, по плотности, по едва уловимому рисунку, какой оставляет на них человек, сам того не подозревая. Но такой, как у Амалии, она не видела никогда.

Она была *глубокой* как колодец без дна. Ни цвета, ни рисунка. Ни даже привычной ровной пульсации, на которую настраиваешься как на биение чужого сердца. А где-то на самом дне Рин чувствовала то ли ожидание, то ли сон. Будто внутри этой девушки спало нечто, чему она не решилась бы дать имя.

Она не знала, что это значит. Опасно ли это, или это просто какая-то порода, о которой ей пока не читали?

— Просто редкая, — коротко отрезала она и отвернулась к тарелке.

Грохот стукнувшей о стол кружки разрезал зал, как удар хлыста.

— Повтори-ка, что ты сказал, сопляк?

Амалия обернулась. За соседним столом сидели трое в белых мантиях. Напротив — двое в чёрных. Широкоплечий парень с коротким ёжиком (Ланс, вспомнила Амалия) сверлил тёмного мага насмешливым взглядом.

— Я сказал, — ответил тёмный спокойно, не поднимая голоса, — что ваши светлые заклинания — дешёвый театр. Вспышка, хлопок и никакого толку.

— А твои проклятия? — не отступал Ланс. — Ты хоть

одно можешь наложить, не распоров при этом самого себя?
— Могу. Но на тебе проверять не стану — магию жалко.
По соседним столам прокатился смешок. Ланс побагровел.

— Ты, тёмная погань... — начал он, приподнимаясь.

— Ланс. — знакомый светлый маг положил руку другу на плечо. — Остынь.

— Да он же...

— Я сказал — остынь.

И Ланс замолчал. Тёмный маг усмехнулся и отвернулся.

Амалия смотрела на всё это и чувствовала, как у неё каменно сжались плечи. Значит, вот оно как. Конфликт Света и Тьмы — не слухи, не страшилки на ночь, не споры в газетах. Он кипел прямо здесь. В студенческой столовой, среди недоеденного супа и сладковатого запаха корицы, под равнодушными взглядами студентов Стихий и Разума, которым, может, и было-то всё равно — пока не коснётся их самих.

Как далеко это может зайти?

Ненависть, если её копить годами, не растворяется. Она не выходит сама, она ждёт и ищет повод — и каждый раз находит. Сплетни, толчок плечом в тесном коридоре. Всё это — мелочи, но именно из них, Амалия знала, вырастает большая беда.

Воскресенье пришло как законная передышка. Занятий не было, преподаватели не охотились за опоздавшими, а сте-

ны Академии наконец разрешалось покинуть без особого повода.

Мила предложила посмотреть Белхейвен — ближайший городок. И уже через час девушки шагали по дороге, наслаждаясь свободой.

Белхейвен стоял на нейтральной земле, в стороне от границ шести королевств. Здесь селились люди, не желавшие никому принадлежать: торговцы, ремесленники, фермеры, старьёвщики и упрямы, считавшие магию ненужной роскошью там, где хватало крепких рук, лошадиной спины и огня в очаге.

Город оказался совсем небольшим. Одна главная улица, вымощенная булыжником, будто камни бросали наугад. Дома с красными черепичными крышами теснились друг к другу, над дверями покачивались расписные вывески. На верёвках между окнами сушилось бельё, у булочной дети гипнотизировали поднос с горячими плюшками, а из открытой кухни доносился звон металла.

После суровой громадины Академии Белхейвен казался игрушечным.

— Мне туда, — Мила указала на лавку, над входом которой висели пучки сушёных трав.

— А я посмотрю ткани, — сказала Эльза.

Её взгляд уже намертво прицепился к соседней витрине, где лежали рулоны бархата, льна и тонкой шерсти. Амалия подозревала, что Эльза заметила эту лавку ещё на подходе к

городу и с тех пор лишь вежливо ждала возможности избавиться от спутниц.

— Тогда я просто поброжу. Встретимся у таверны через час?

Они разошлись. Амалия неторопливо двинулась по улице, разглядывая прохожих и вывески. Впервые за несколько недель над ней не нависали башни Академии. Никто не требовал найти в себе магию, доказать, что её зачислили не по ошибке, или хотя бы вовремя явиться на ужин.

Можно было просто идти. Чёрт, она уже забыла, каково это — просто идти.

У кузницы широкоплечий мужчина с закатанными рукавами опустил раскалённую подкову в воду. Пар взвился перед его лицом, металл зашипел, будто его резали живьём. Из булочной пахло свежим хлебом и корицей. Желудок Амалии предательски сжался. Где-то играла скрипка.

Амалия едва улыбнулась. Ей нравился Белхейвен. Здесь никто не смотрел на неё как на пустую оболочку без дара. Для этих людей она была всего лишь девушкой в академической мантии — возможно, избалованной, возможно, заносчивой, но точно не сломанной. Свобода оказалась неожиданно горькой штукой. Стоило почувствовать её вкус — и возвращаться уже не хотелось.

Внимание Амалии привлёк прилавок с книгами. Старые, потрёпанные, с потемневшими корешками, пахнущие пылью, воском и временем. Старьёвщик, сгорбленный старик

с длинной седой бородой, перебирал фолианты и бормотал себе под нос так, будто спорил сразу с несколькими невидимыми покупателями.

— Что ищете, милая?

— Ничего. Просто смотрю.

— Смотреть можно долго, читать обычно полезнее. Конечно, если умеете отличать книгу от кирпича. Хотя некоторые кирпичи написаны куда приличнее того, что нынче печатают.

Амалия невольно улыбнулась. Старик ей уже нравился, хотя он только оскорбил половину современной литературы, даже не подняв головы.

Она провела пальцами по выстроившимся корешкам.

«Травник северных земель».

«Обычаи горных родов».

«История Священного договора».

На следующей книге её рука остановилась. Тонкий томик почти затерялся между двумя тяжёлыми фолиантами. Кожаную обложку истёрли десятки — а может, и сотни — чужих ладоней; выцветшие буквы едва проступали на ней, словно название пытались стереть, но не сумели до конца.

Амалия осторожно вытянула книгу с полки. Переплёт оказался неожиданно тёплым.

Странно.

Она едва не выпустила находку, но заставила себя удержать её. Наверное, кожа нагрелась на солнце.

Обычная старая книга, никакой жути и никаких причин вести себя как перепуганная дуручка.

— «Легенды об Аэмире», — прочитала она вслух.

При виде книги лицо торговца скривилось так, будто Амалия вытащила из груды не томик, а дохлую крысу.

— А, эта дрянь.

— Вы умеете продавать.

— В мои годы уже можно не стараться. Старые сказки, пророчества, утраченные имена, великие тени прошлого и прочая чушь. У магов от неё загораются глаза, зато кошельки захлопываются намертво. Я купил её за бесценок и готов продать ещё дешевле — лишь бы она перестала занимать место.

Амалия погладила большим пальцем потёртую кожу. Под ним будто что-то дрогнуло.

Глупости.

Она не могла понять, что именно её зацепило. Название? Следы чужих рук на обложке? Или это неприятное, липкое ощущение, будто среди сотен людей, проходивших мимо прилавка, книга ждала именно её?

Чёрт бы её побрал.

— Сколько?

— Одну монету.

Амалия достала монету и положила на прилавок. Затем спрятала «Легенды об Аэмире» в сумку.

У таверны они встретились ровно через час.

Мила волокла мешок с травами и выглядела так, будто только что сторговалась с болотной ведьмой, обманула её на полкроны и теперь ждала проклятия в спину.

— Даже не спрашивайте, — предупредила она.

— Я и не собиралась, — сказала Эльза, прижимая к груди свёрток тёмно-синей ткани.

Пальцы Амалии сами собой легли на застёжку сумки. Под ладонью угадывался твёрдый край старой книги. От кожаной обложки будто исходило слабое тепло — или ей уже мерещилась всякая чушь после слов старьевщика. О своей покупке она решила не рассказывать.

Над Белхейвеном опускался вечер. Город терял дневную резкость: черепица темнела, в окнах один за другим вспыхивали огни, и мостовая блестела янтарём. Дым из труб стлался между крышами, цепляясь за флюгеры и балконы. Где-то звонили колокольчики над дверями лавок, где-то торговец запирал ставни, ворча на поздних покупателей.

Город будто укладывался спать. Они почти добрались до городской арки, когда Амалия услышала:

— ...точно говорю. Я видел.

— Врёшь.

— Чтоб мне пальцы капканом откусило. Видел!

Амалия невольно замедлила шаг.

У старого колодца стояли двое мужчин. По грязным сапогам и ножам у пояса Амалия предположила, что это охот-

ники или лесные рабочие. Один, широкий и рыжебородый, держал ведро, но не спешил его опускать. Второй, тощий, в выцветшей куртке, всё время поглядывал в сторону леса.

— Где? — спросил рыжий.

— За старым амфитеатром. Там, где камни в землю ушли.

— И что ты там забыл?

— Силки проверял.

— В сумерках?

— Да какая разница? — огрызнулся тощий. — Они землю вскрыли. Камни сами расходились, будто... будто под ними что-то дышало.

— Кто «они»?

Его собеседник понизил голос:

— Маги из Академии. Белые мантии и чёрные.

Повисло молчание.

Даже плеск воды в колодце будто стал тише.

— Вместе? — не поверил рыжий.

— Вместе. Светлые стояли по кругу, тёмные копали. А потом снизу донёсся звук.

Мужчины замолчали, заметив Амалию. Оба разом отвернулись. Рыжий принялся возиться с верёвкой, а тощий уставился на небо так старательно, словно впервые обнаружил его существование.

Амалия продолжила идти, вдыхая прохладный вечерний воздух и стараясь не думать о том, что услышала.

За городской аркой их встретила дорога, залитая послед-

ним светом. Белхейвен оставался позади, смыкая ставни и зажигая фонари. Впереди темнели холмы, а над ними поднимались башни Академии. Амалия подняла на них взгляд. На самой высокой, там, где не должно было быть ни балкона, ни окна, стояла человеческая фигура. Амалия успела увидеть лишь край длинной мантии и слишком светлые волосы, тронутые ветром. Потом фигура шагнула вперёд. Амалия моргнула, но над башней уже никого не было.

Глава 4

Утро началось с «Истории магии» — предмета, придуманного, видимо, чтобы студенты научились умирать от скуки без применения заклинаний. Преподавал его магистр Олдрик: сухой, бесцветный старик.

— Сегодня поговорим о расколе магии, — произнёс он. — И о том, почему мы всё ещё расплачиваемся за чужие ошибки.

Амалия приготовилась скучать.

— Тысячу лет назад магия перестала быть единой. Люди утратили способность владеть всеми шестью силами. Отныне им подчинялась одна, реже две. Причина неизвестна. Легенды говорят о Сосудах и первом носителе Искры, но доказательств нет. Позже появились Универсалы, способные вместить две или три силы. Их почитали и боялись. Но ни один не овладел магией целиком.

Амалия подумала о Стефане. В двадцать два он получил силу, о которой другие могли только мечтать, но потерял семью. Дерьмовая цена за величие.

— Первый раскол произошёл между Светом и Тьмой, — продолжил Олдрик. — Светлые утверждали, что Хаос разрушает законы мира. Реки текли вспять, камни падали в небо, люди теряли разум. Они потребовали запретить Тьму. Тёмные ответили, что порядок Света — это клетка. Мир без ха-

оса не меняется. Он гниёт в неподвижности.

С задних рядов донеслось:

— Будто они ошибались.

Олдрик не отреагировал.

— Всё началось с одного сорвавшегося проклятия. Погиб ребёнок. Свет потребовал казнить виновного, Тьма отказалась его выдать; и город раскололся. В том столкновении погибла тысяча человек.

Магистр умолк. Амалия смотрела на написанную мелом дату. Одна чужая ошибка — и тысяча мёртвых. *Какого чёрта люди всегда превращали горе в повод убить ещё кого-нибудь?*

— Через сто лет был уничтожен Храм Шести Сил — единственное место, где маги всех направлений собирались вместе.

На стене висело его изображение: шесть башен, соединённых кольцом переходов.

— Кто его разрушил? — спросил студент впереди.

— Свет обвинил Тьму, Тьма назвала взрыв подставой. Истину так и не установили, но Храм пал. Началась Трёхсотлетняя война. Свет создал паладинов, способных выжигать Тьму из людей. Тёмные проклинали города, насылая болезни и безумие. Стихийники примкнули к обеим сторонам, нейтральных убивали все. Маги Разума ушли в подполье.

— Они всегда были трусами, — бросил кто-то с последнего ряда.

Это был парень в тёмной мантии, с пепельными волосами. Амалия до сих пор не знала его имени.

Олдрик повернулся к нему.

— Выжидать — не значит трусить. Иногда нужно исчезнуть, чтобы однажды вернуться и восстановить то, что остальные сожгли.

— А маги Жизни?

— Лечили всех. За это их убивали обе стороны.

Ну конечно. Спасает людей — получаешь нож под рёбра. Прекрасный мир, очень разумный.

— Рунные маги создавали оружие для тех, кто мог заплатить, — продолжил Олдрик.

— И эти крысы ещё удивляются, что их презирают?

Рыжеволосый стихийник даже не поднял руки. По аудитории прокатились смешки. Амалия впилась ногтями в ладони.

Мы не продавались. Мы выживали.

Слова уже жгли язык, но она проглотила их. Чёртово молчание всегда давалось ей легче, чем драка. И бесило её за это ещё сильнее.

— Выживание редко выглядит достойно со стороны. Особенно для тех, кому никогда не приходилось выбирать между совестью и могилой.

Смешки оборвались.

— Война длилась триста лет, число погибших неизвестно. Счёт потеряли в первое десятилетие. По некоторым записям,

треть населения не умерла, а исчезла. Осталась на проклятых землях, где ветер до сих пор обнажает человеческие кости.

Магистр снял очки и протёр их. Его рука заметно дрожала. Впервые Амалия увидела не занудного старика. Перед ней стоял человек, для которого эта история почему-то не закончилась тысячу лет назад.

— На следующем занятии обсудим Кровавое перемирие. Прочитайте первые пять глав. И подумайте: сумели бы вы остановить войну? Чью сторону выбрали бы?

Никто не потянулся за вещами. Вопрос завис над рядами, неприятный и острый. Каждый наверняка хотел представить себя героем. Амалия — нет. Она уже знала, как легко человек выбирает правильную сторону, когда ему не приходится за неё умирать.

— Свободны, — произнёс Олдрик и отвернулся к окну.

После обеда Амалия снова пошла в Академический сад. Она села на скамейку под старым дубом и достала из сумки книгу, купленную в Белхейвене.

«Легенды об Аэмире».

Текст был старым, некоторые слова Амалия вовсе слышала первый раз.

«В начале не было ничего. Пустота и Бездна. Говорят, что первое слово произнесла Матерь — существо без формы и имени. Она сказала: «Да будет» — и из пустоты родилась Искра — первоматерия, из которой состоит всё сущее. Искра взорвалась и ударила в первого человека. Это

был Аэмир — первый маг, первый Сосуд. Внутри него жила чистая, неразделённая магия — та самая Искра, из которой позже возникли шесть Великих Сил. Аэмир мог использовать любую магию. Он был всем. И никем одновременно — потому что его собственная личность была лишь оболочкой для колоссальной силы.

Аэмир прожил тысячу лет. Он основал первый город, написал первые законы, научил людей выращивать хлеб и лечить раны. Но сила внутри него росла. И однажды он не выдержал. Искра разорвала его на части — и из каждой части родилась одна из Великих Сил. Так появились шесть магий. А Аэмир рассыпался в прах, оставив после себя только пророчество:

«Придёт новый Сосуд, но он не будет магом. Он будет пустым. И в эту пустоту войдёт вся магия мира — или ничего не войдёт. Сосуд выберет сам. И тогда мир либо спасётся, либо сгорит»»

Амалия закрыла книгу с тихим хлопком и уставилась на обложку, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, а дыхание сбивается.

Новый сосуд. Что, если это не просто легенда? Что, если это... обо мне?

— Не помешаю?

Амалия подняла голову так резко, что прядь рыжих волос соскользнула ей на щёку.

В трёх шагах от скамейки стоял тот самый голубоглазый

маг. Белоснежная мантия с золотой вышивкой ложилась по плечам без единой складки. На груди, у воротника, тонко поблёскивал знак его факультета. В руке он держал небольшое яблоко, уже надкусанное, и вид у него был такой непринуждённый, словно он не только что застал её врасплох с подозрительно древней книгой, а просто вышел прогуляться по саду. Хотя, может, для светлых магов это одно и то же.

— Прости, не хотел мешать, — сказал он и без приглашения опустился рядом. Амалия уловила запах яблока и нагретой солнцем ткани. — Увидел знакомую рыжую макушку и решил проверить, кому она принадлежит.

Амалия захлопнула книгу и поспешно убрала её в сумку.

— Здесь хорошо думается, — произнесла она, изобразив спокойствие.

Парень протянул руку, будто только сейчас вспомнил, что у приличных людей имеются имена.

— Мы уже встречались, а я так и не представился. Дормиэль.

— Амалия.

Его ладонь оказалась тёплой.

— Как прошли выходные? — Он снова надкусил яблоко, не отводя от неё взгляда.

— Ездил в Белхейвен с подругами.

— Жаль, меня не выпустили дела. — Дормиэль откинулся на спинку скамьи. — В следующий раз составлю тебе компанию.

И почему это прозвучало не как предложение, а как уже принятое решение?

— Посмотрим, — с притворной строгостью ответила Амалия. — Почему ты остался в Академии?

— Клуб, тренировки, дополнительные занятия. Иногда день состоит из одних обязанностей, а ночью пытаешься вспомнить, какого чёрта вообще на них согласился.

Он повернулся к ней. Между ними осталось неприлично мало воздуха.

— Ты сегодня не здесь, — сказал Дормиэль.

— Вообще-то я сижу рядом с тобой.

— Телом — да.

Амалия вскинула бровь. Вот же наблюдательный. Некстати, зараза.

— Можешь не рассказывать, но если однажды захочешь...

— он чуть подался к ней.

— Ты всегда такой добрый?

— Нет. — Дормиэль усмехнулся. — Когда злюсь, могу быть очень неприятным. Свет тоже может ослепить и обжечь.

Смотрю на тебя и мне хочется смеяться от таких слов.
Взгляд Дормиэля опустился к её сумке.

— «Легенды об Аэмире», — произнёс он.

Амалия перестала дышать.

— Ты знаешь эту книгу?

— Слышал о ней. Дед говорил, что в ней есть ответы на

многие вопросы. И ещё больше загадок.

Он улыбнулся краешком губ, но улыбка вышла задумчивой.

— Ты не читал?

— Не довелось. Такие книги редко попадают в руки случайно.

Амалия невольно подумала о старьёвщице в Белхейвене, о пыльном прилавке. И о странном чувстве, будто потёртая книга ждала именно её.

— Мне пора, — сказал он. — Скоро тренировка.

— Опять обязанности?

— Они скучают без меня.

Амалия улыбнулась. Дормиэль ответил кивком и поднялся.

— Приятно было наконец познакомиться, рунная леди.

— Взаимно, Дормиэль.

Кассиан шёл на тренировку «Стальных клинков». Боевой зал находился в восточной части Академии, рядом с башней Света, но Кассиан всегда выбирал кружной путь — через парк, где царила благословенная тишина, а редкие прохожие не задавали лишних вопросов и не бросали косых взглядов на его тёмную мантию.

Мантия болталась на его плечах, как доспех, который ему давно мал по размеру, а закатанные рукава открывали вид на вены, по которым, казалось, тек чистый адреналин впер-

мешку с тьмой. И эти шрамы... тонкие белые нити на предплечьях, свидетельства того, что Кассиан не просто учился магии — он её выгрызал. В зубах он мучил потухшую самокрутку, перетирая фильтр в труху. Курение в Академии — это прямой билет в карцер, но Кассиану было плевать. Ему просто нужно было это ощущение чего-то горького и осязаемого на языке, чтобы не сойти с ума от собственного гудения в голове.

Он вывернул из-за угла и... блять. Ноги будто в дерьмо вросли.

В конце аллеи, под дубом, который выглядел старше самой смерти, сидела она. Рыжая. Солнце беспардонно лапало её волосы, превращая их в пожар, и рассыпалось искрами по коленкам. А прямо рядом с ней — белое пятно, от которого у Кассиана мгновенно скрутило внутренности.

Дормиэль. Долбаный староста Света.

На тренировках этот тип всегда выглядел так, будто у него в заднице стальной стержень: спина прямая, взгляд чистый, как у святого, и эта вежливая улыбочка, от которой хотелось вмазать ему по лицу просто для того, чтобы проверить, пойдет ли из носа кровь или радужный нектар. Дормиэль был слишком правильным, слишком отполированным. Идеальный продукт системы. От одного его вида у Кассиана кожа начинала зудеть, как от чесотки.

Они трепались. Кассиан не слышал слов — ветер уносил их, оставляя лишь мягкий гул голосов, похожий на мурлы-

канье. Рыжая слушала его, чуть наклонив голову, и эта её дурацкая улыбка... Она светилась.

Кассиан стиснул зубы так, что в челюсти что-то хрустнуло.

Дормиэль что-то объяснял, плавно взмахивая рукой, и — о боги — эта его фирменная ямочка на щеке. Та самая, на которую велись все первокурсницы, задыхаясь от восторга. Дешевый трюк. Ловушка для наивных дур. Кассиан видел, как этот «светлый» узел на запястье затягивается: сначала они тебе улыбаются, а потом душат своими правилами и ожиданиями, пока ты не превратишься в такую же безликую хрень в белом.

Сука, да почему она так на него смотрит?

Это не была ревность. Ревность — это для тех, у кого есть чувства, а Кассиан давно выжег их к чертям. Это была просто ярость от того, насколько приторно и лживо выглядела эта сцена. Он знал, чем пахнут такие, как Дормиэль. Не лавандой и не благородством. Они воняли расчетом и холодной, как лед в морге, убежденностью в своей правоте.

Кассиан должен был свалить. Развернуться и уйти в тени, где ему и место. Но ноги не слушались. Он стоял и смотрел на её лицо, пытаясь понять: она реально такая слепая или ей просто нравится этот сладкий яд?

Дура.

Влюбится — и пропадёт. Влезет в их светлую паутину, поверит в правильные речи, в правильные поступки, в правильных людей. А потом однажды посмотрит в зеркало и

не поймёт, куда, к чёрту, делась сама.

Рыжая снова улыбнулась. Кассиан отвернулся так резко, будто улыбка предназначалась ему и ударила прямо под рёбра. Выплюнул потухшую самокрутку на мокрую землю и втоптал её каблуком в грязь.

Хватит. Он развернулся и зашагал прочь, запретив себе оглядываться. Не помогло.

Она увязалась за ним без спроса: рыжие волосы, в которых бесстыдно копалось солнце; белая мантия рядом с ней; её запрокинутое к Дормиэлю лицо. Её проклятый взгляд.

Кассиан видел её в первый день. Она стояла посреди незнакомой толпы — взъерошенная, настороженная, слишком маленькая для этого мира и слишком упрямая, чтобы это показать. Испуганные глаза бегали по чужим лицам, а пальцы в кармане так крепко сжимали какую-то пластину, будто та удерживала на месте весь её прежний мир. Тогда Кассиан лишь скользнул по ней взглядом.

Ещё одна. Ничего особенного.

А потом она заговорила.

— Я ищу кое-кого.

Рыжая произнесла это без дрожи, без липкой осторожности, которая появлялась в чужих голосах сразу после того, как люди замечали его тёмную мантию.

Кассиан до сих пор не понимал, что именно тогда застряло у него под кожей. Может быть, то, что она не отступила? Не посмотрела на него как на бешеную тварь, которую пока

не убили лишь из-за правил Академии? Не спряталась за дежурной улыбкой?

Она просто смотрела, а в её светлых глазах не было ни страха перед тёмным магом, ни привычной брезгливости, ни осторожного любопытства.

И именно это бесило сильнее всего, потому что какая-то особенно тупая часть Кассиана захотела ей поверить. А он слишком хорошо знал, во что обходится подобная роскошь.

«Ты идиот», — бросил он себе и ускорил шаг.

Мантия хлестала по ногам. Ветер цеплялся за волосы, лез за ворот, охлаждал разгорячённую кожу. Кассиан шёл быстрее, словно мог оставить собственные мысли позади.

Конченный идиот, если решил, что она не такая, как остальные.

Кулаки сжались сами собой. Ногти впились в ладони, и короткая, ясная боль оказалась почти приятной.

Они все одинаковые. Сначала смотрят открыто, будто и правда видят в тебе человека. Потом узнают достаточно — и начинают бояться. Или, что ещё мерзее, решают, что тебя можно использовать.

Светлые. Тёмные. Мантии менялись. Дерьмо под ними — редко.

Он свернул под аркаду. Здесь солнце обрывалось у самого порога, а холодный камень хранил запах сырости, пыли и старой магии. По стенам тянулись стёртые руны, похожие на шармы, которые здание давно перестало прятать.

Только в этой тени Кассиан позволил себе остановиться. Закрыв глаза, медленно выдохнул сквозь зубы. И натянул на лицо привычное равнодушие.

Если Рыжая решила довериться Дормиэлю — это её выбор. Не его дело и забота. И уж точно, мать его, не его боль.

Кассиан открыл глаза и пошёл дальше, но внутри, назло каждому разумному доводу, всё ещё стоял старый дуб. На залитой солнцем скамье сидела девчонка с глазами цвета воды под первым льдом. И улыбалась не ему.

После очередного занятия Амалия и Эльза возвращались в общежитие.

День клонился к вечеру. Академия постепенно меняла голос: дневной гул аудиторий стихал, в коридорах становилось просторнее, а из высоких окон на каменные стены ложился тёплый янтарный свет. Девушки свернули на главную аллею, обсаженную старыми липами, и Амалия вдруг замедлила шаг.

За Башней Стихий, на открытой тренировочной площадке, шло занятие.

Около десятка студентов стояли полукругом перед преподавателем — юноши и девушки в синих мантиях. Сейчас они были в простых туниках и штанах, с закатанными рукавами, растрёпанными волосами и сосредоточенными лицами. В центре площадки расхаживал коренастый мужчина с рыжей бородкой. Он что-то объяснял, резко жестикулируя,

и его голос доносился до аллеи обрывками: короткие команды, замечания, нетерпеливое покашливание.

Потом преподаватель отступил в сторону, и студенты начали упражнение. Парень с короткими тёмными волосами вытянул руку вперёд. На раскрытой ладони вспыхнул огненный шар. Пламя переливалось оранжевым и алым, плясало на его коже, не обжигая, отбрасывало на землю цветные тени. Парень медленно перекатил шар по пальцам, ловко перебросил его с одной руки на другую, будто жонглировал раскалённым плодом, а потом резко сжал кулак. Огонь погас. В воздухе остался только тонкий дымок и едва уловимый запах гари.

Рядом рыжая веснушчатая девушка подняла обе руки. Она нахмурилась так сосредоточенно, будто пыталась удержать не воду, а собственное дыхание. Между её ладонями заструилась прозрачная влага. Она слушалась каждого движения пальцев: свивалась в спирали, изгибалась плавными волнами, текла вверх, насмешливо нарушая законы природы. Девушка собрала воду в плотный шар, зависший между ладонями, и одним резким движением запустила его в небо.

Шар взлетел, сверкнул в последних лучах солнца и рассыпался тысячью брызг. Капли дождём посыпались вниз, вспыхивая радужными искрами, и на мгновение обычный академический двор стал похож на место из старой сказки, где магия была не ремеслом, а искусством.

— Красиво, — выдохнула Эльза.

Амалия только кивнула. Отвести взгляд оказалось почти невозможно.

Стихийную магию она прежде видела лишь издали, а на лекциях её раскладывали по унылым полкам: проводник, контроль, концентрация, баланс внутреннего потока. Ни слова о том, что огонь умеет дышать в человеческой ладони. Что вода может обвиться вокруг запястья, как ручной зверь.

Парень повёл пальцами, и пламя рассыпалось веером искр. Золотой рой закружился вокруг него, заскользил по плечам, вспыхнул ярче, когда он шагнул вперёд. Один резкий вдох — и огонь погас искра за искрой, будто подчинился не воздуху, а его воле.

Девушка подняла ладонь. Капли замерли, не долетев до земли. Вода медленно побелела, затянулась ледяной кожей и рассыпалась сотней крошечных кристаллов. Они повисли над площадкой, ловя последние лучи заката. Красивые до злости и хрупкие до первого неверного движения.

Амалия забыла вдохнуть.

— Пойдём, — Эльза осторожно коснулась её локтя. — Если опоздаем на чайную церемонию Милы, она нам этого не простит.

— Вчера она купила новый сервиз, — напомнила Амалия, всё ещё глядя на лёд.

— Поэтому последствия будут особенно страшными. Травяная буря с лекцией о правильном заваривании.

Амалия всё-таки отвернулась.

— Тогда валим. Вторую лекцию за день я, чёрт возьми, не переживу.

После ужина Амалия уснула почти сразу. Усталость навалилась, скомкала мысли, заткнула тревогу. Сначала снилось что-то белёсое и бесформенное; образы перетекали один в другой, не успевая обрести смысл.

А потом сон заточил края.

Амалия стояла посреди огромного зала. Каменный пол под ногами растрескался; из разломов тянуло таким холодом, словно внизу не было земли — только распахнутая пасть без дна. Потолок терялся во мраке, серые стены покрывали руны. Такие же, как на серье Лориана Монтгомери. Несколько символов Амалия узнала, и сердце сразу забарабанило по рёбрам. Остальные казались чужими: ломаные черты, врезанные друг в друга круги и треугольники, острые переплетения. Стоило задержать на них взгляд — и линии начинали шевелиться.

Это был храм. Вернее, то, что от него осталось. Обломки колонн громоздились на полу. Разбитые статуи без лиц глядели в пустоту. Трещины ползли по плитам, будто когда-то нечто огромное пыталось выломаться из-под храма. Откуда-то сверху лился серебряный свет, однако ни один предмет не отбрасывал тени.

— *Иди сюда.*

Амалия резко обернулась.

В центре зала стояла фигура, сшитая из света и темноты. Её очертания дрожали, как отражение на чёрной воде. Лицо возникало по частям — линия скулы, провал глаз, изгиб губ — и тут же стиралось. Но Амалия знала: перед ней кто-то древний, старше этих стен. И до одури одинокий.

Воздух вокруг фигуры мерцал.

— Кто ты? — спросила Амалия. Голос каким-то чудом не дрогнул. В отличие от всего остального внутри неё.

— *Тот, кто был до тебя.*

Руны на стенах задрожали, словно узнали говорившего.

— Аэмир? — выдохнула она.

Вдоль позвоночника протянулось ледяное лезвие. Фигура не ответила. Она шагнула вперёд, и свет вокруг неё умер. Зал затопил густой сумрак. Амалия попыталась отступить — хрен там. Ноги вросли в пол, а камень под подошвами размяк и облепил их чёрной смолой.

— *Ты — следующая.*

Теперь голос касался самого уха, хотя фигура не приближалась.

— *Пустота внутри тебя — не проклятие. Это дверь.*

— Куда?

— *Туда, где всё начинается. И где всё заканчивается.*

Слова легли на грудь неподъёмной тяжестью. Амалию повело. Она рванулась, попыталась закричать, хотя бы выругаться — сделать хоть что-нибудь, чёрт возьми, — но рот не открылся.

Зал ожил, руны вспыхнули разом. По храму прокатился низкий гул, от которого завибрировали кости. Так могла бы звучать земля, впервые вдохнувшая после тысячелетнего сна. Плиты дрогнули, воздух сгустился и полез в горло.

Белый свет ударил в глаза. Амалия зажмурилась, закрывая лицо руками.

— *Просытайся.*

Она распахнула глаза и захлебнулась воздухом.

Комната общежития тонула в предрассветной тишине. Рядом ровно дышала Эльза и Мила. За окном ночь уже выцветала до серого. Одеяло сбилось к ногам, сорочка липла к мокрой спине, а сердце молотило по рёбрам, словно Амалия и правда неслась по тем бесконечным коридорам.

Она несколько раз моргнула, проверяя, проснулась ли. Внутри всё ещё звенело:

«*Ты — следующая*».

Больше уснуть не получилось. Амалия лежала, уставившись в потолок, пока за окном медленно проступало утро. Потом бесшумно поднялась, чтобы не разбудить подруг, накинула мантию, кое-как собрала волосы и схватила сумку. Ни чай, ни завтрак в неё сейчас не полезли бы. От одной мысли о еде желудок сводило тугим узлом.

Коридоры встретили её пустотой. Факелы горели ровно, но их жёлтый свет выглядел таким же невыспавшимся, как она. От каменных стен тянуло ночным холодом. Амалия брела, почти не разбирая дороги. Голова гудела, веки налились

тяжестью, а клочья сна всё ещё липли к мыслям мерзкой паутиной.

Поэтому его она заметила не сразу.

— Плохо спишь, Рыжая?

Знакомый ленивый голос скользнул по спине, заставив её вздрогнуть.

Амалия обернулась. Кассиан подпирал плечом стену, будто торчал здесь случайно. Конечно. Просто по чистой случайности поджидал её в пустом коридоре на рассвете. Тёмную мантию он набросил кое-как, волосы растрепались — то ли недавно поднялся с постели, то ли вообще в неё не ложился. Полумрак заострял черты его лица. Серо-зелёные глаза с жёлтыми искрами следили за ней непозволительно внимательно для человека, которому якобы на всё плевать.

— Откуда ты знаешь? — спросила она.

Его взгляд неторопливо прошёлся по ней сверху вниз.

— Идёшь как сомнамбула. Ещё пара шагов — и начнёшь обнимать стену.

— Спасибо, — усмехнулась Амалия, хотя замечание всё-таки царапнуло. — Какой изысканный комплимент.

— Не благодари.

Он пожал плечами. Уголок его рта дрогнул, будто Кассиан едва удержал улыбку.

Оттолкнувшись от стены, он шагнул к ней.

Амалия осталась на месте. Только вскинула подбородок, не позволяя себе отвести взгляд. Пусть даже внутри всё уже

неприлично занервничало.

Прекрасно. Именно этого мне не хватало после кошмара.

— Выглядишь так, будто встретила призрака, — произнёс он.

— Можно и так сказать.

Кассиан чуть склонил голову. Тёмная прядь упала ему на лоб, наполовину спрятав глаза, но взгляд остался на ней.

— И что же тебе снилось?

А тебя это волновать не должно, псих.

Но Кассиан смотрел без своей обычной издёвки. Вот же... Лучше бы усмехнулся — тогда она легко огрызнулась бы и ушла. А эта непривычная серьёзность будто удерживала на месте.

— Ничего особенного, — наконец сказала она, старательно изображая безразличие. — Просто странный сон.

Кассиан сунул руки в карманы и медленно оглядел её. В его глазах Амали увидела... Настороженность? Тревогу? Нет. Этот придурок не мог за неё тревожиться.

— Знаешь, Рыжая, — произнёс он тише, — будь осторожнее.

Амалия нахмурилась. Кассиан замолчал, словно каждое следующее слово приходилось вытаскивать из себя силой и сам факт этой откровенности его бесил.

— Ты всё пропускаешь через себя. И слишком легко веришь тем, кто улыбается тебе в лицо.

— Ты сейчас про кого?

— Про всех. Не каждой протянутой рукой хотят помочь. Иногда просто проверяют, насколько близко ты позволишь подойти.

По спине прошёл холодок.

— А ты? — спросила Амалия. — Ты желаешь мне добра?

Вопрос встал между ними, острый и неудобный.

Кассиан не ответил, только посмотрел на неё. Он хотел сказать больше, Амалия это видела. Но слова разбились о стену, которую он возводил, наверное, половину своей чёртовой жизни.

Кассиан первым отвёл глаза.

— Я хотя бы не притворяюсь.

Он развернулся и пошёл прочь, не оставив ей времени на ответ. Шаги глухо ударялись о камень, пока поворот не проглотил его вместе со звуком. В воздухе остался только запах дыма и можжевельника.

Амалия стояла посреди пустого коридора и смотрела ему вслед. Сон, руны, голос древнего существа — всё отступило, вытесненное новым беспокойством. Не менее опасным, зато куда более личным.

Что с ним, чёрт возьми, не так?

Почему он разговаривал загадками?

И почему, зараза, так и не ответил?

Глава 5

С той встречи прошёл месяц. За это время Академия успела промыть Амалии все косточки. Лекции сменялись домашними заданиями, те — тренировками по физподготовке, которые она ненавидела всей душой. Особенно бег на длинные дистанции: после него ноги ещё час дрожали, как у новорождённого оленёнка, а лёгкие грозились выпрыгнуть наружу и больше не возвращаться.

Спасала рунопись. Этих уроков Амалия ждала неприлично сильно. Правда, руны у неё по-прежнему не зажигались без помощи профессора. Он накрывал её ладонь своей, направлял поток — и лишь тогда линии начинали тускло мерцать, словно нехотя признавали её существование. В свободное время Амалия тренировалась до онемения пальцев, но добилась только слабого свечения.

Это бесило. Очень.

Кассиана Брандт почти не видела. Иногда замечала в столовой — он сидел в дальнем углу среди тёмных магов. Иногда они встречались в коридоре, тогда Кассиан коротко кивал и сразу отводил взгляд. Они больше не разговаривали. И какого дьявола это молчание цепляло сильнее любого разговора, Амалия понимать не хотела.

Эльза тем временем окончательно сблизилась с Дэррилом. Они вместе ходили в библиотеку и готовились к кон-

трольным. Он таскал ей из столовой булочки, а она с поразительным упорством изображала недотрогу. Но однажды Дэррил споткнулся, Эльза успела схватить его за руку и улыбнулась так тепло, что всё стало до смешного очевидно.

Макото оставался тихим и невозмутимым. Сидел на задней парте, выводил руны с пугающей точностью и почти никогда не поднимал руку. Зато порой Амалия ловила на себе его внимательный взгляд — такой же острый и непроницаемый, как у его сестры. Рин появлялась редко: занятия на факультете Разума почти не оставляли ей свободного времени. Встречались они только в столовой, но стоило Рин сесть за их стол, как даже Дэррил начинал следить за языком.

— Она ведь не читает мысли? — шепнул он однажды.

— Не будь параноиком, — фыркнула Эльза, размешивая чай.

— А если читает?

— Тогда она уже умерла от скуки где-то между твоими мыслями о вчерашнем ужине и сегодняшнем завтраке.

Дэррил оскорблённо замолчал, правда ровно на две секунды. Потом понял шутку и расплылся в улыбке.

Мила по-прежнему поила их чаем. Каждый вечер она заваривала свой фирменный травяной микс, после которого либо становилось легче жить, либо хотелось немедленно уснуть лицом в стол. Они впятером — Амалия, Эльза, Мила, Макото и Дэррил — собирались в столовой, разбирали прошедший день и дружно перемывали кости преподавателям.

Особое место в этом месяце заняли дополнительные занятия с Лорианом Монтгомери.

Дважды в неделю, по вечерам, когда коридоры академии пустели, а за высокими окнами уже густела ночь, Амалия поднималась на пятый этаж башни Рун.

Каждый раз она обещала себе, что сегодня будет проще. Сегодня она войдёт, сядет за парту и будет думать только о рунах, и не станет замечать, как Лориан смотрит на неё! Сегодня не будет проклинать собственное сердце за то, что оно почему-то решило изображать сумасшествие. Получалось примерно так же хорошо, как у неё получались первые попытки начертить защитный контур.

— Садитесь, Амалия, — негромко произносил Лориан.

Всего два слова. И почему, во имя всех проклятых рун, даже они звучали так, будто он приглашал её не к парте, а в какую-то тайну, о которой лучше никому не знать?

Амалия садилась у окна, раскладывала инструменты и с преувеличенным усердием проверяла каждый из них. Камень для нанесения линий. Игла. Чернила. Пластина для тренировочного плетения. Всё на месте, только вот голова у неё была совершенно не там.

Лориан подходил сзади, а дальше начинался настоящий кошмар.

Он наклонялся, чтобы поправить положение её руки, и его дыхание едва задевало щеку. Пальцы уверенно ложились поверх её пальцев, словно в этом не было ничего способного

свести человека с ума.

Амалия каждый раз забывала, как дышать. Сердце принималось колотить по рёбрам с таким усердием, будто собиралось выбраться наружу и немедленно сбежать из этой комнаты.

Не дрожи, только не дрожи.

Но потом Лориан снова касался её руки — и к демонам летели все её благородные намерения. Мир становился до неприличия маленьким. Тепло его ладони, шорох ткани за спиной, тёмный запах преподавательской мантии и его голос совсем рядом.

В такие моменты Амалия забывала не только очертание руны. Иногда ей казалось, что она забывает даже собственное имя.

На прошлом занятии они отрабатывали «Стража». Первые две попытки вышли отвратительными. Линии перекошились, серебряная энергия пошла рывками и расползлась по краям символа, едва не сорвав плетение. Амалия уже приготовилась услышать сухое замечание, но Лориан не раздражался. Он вообще редко позволял себе раздражение. Вместо этого спокойно разобрал каждую её ошибку, указал, где она слишком сильно удерживала поток, где, наоборот, отпустила его раньше времени. Потом снова встал за её спиной и накрыл её руку своей.

С третьей попытки символ вспыхнул тусклым серебром, Амалия замерла.

— Получилось.

Профессор смотрел не на руны, а на неё.

— Вы быстро учитесь.

Амалия тут же опустила глаза, чувствуя, как предательски вспыхивают щёки.

Ну прекрасно. Можно было освоить сложную руны за три попытки, но научиться нормально реагировать на его похвалу я, видимо, не способна.

И всё же она успела заметить его улыбку. Но от неё мысли почему-то разом сбились с привычного порядка, а внутри стало тепло — настолько, что Амалия разозлилась на себя ещё сильнее.

Лориан отошёл к столу и взял со стопки чистую пластину.

— В следующий раз я покажу вам новую комбинацию.

— Какую?

— Более сложную. Она потребует большей концентрации и контроля над энергией.

— Я справлюсь. — слова прозвучали неожиданно уверенно.

— Я знаю.

Два коротких слова, ничего особенного, совершенно ничего. Тогда почему они до сих пор сидели у неё под рёбрами, будто он сказал нечто совсем другое?

Амалия медленно отвела взгляд. К демонам всё это!

Ей нужно было учиться рунам, всего лишь рунам. И уж точно не замечать, как один-единственный взгляд Лориана

Монтгомери способен напрочь разрушить весь её тщательно выстроенный контроль.

Самое паршивое в этой ситуации? Кажется, ему это было прекрасно известно...

Дормиэль тоже не исчез. Они встречались в саду — случайно или нет, Амалия так и не поняла. Он оказывался рядом подозрительно вовремя: на дорожке к библиотеке, возле фонтана; у скамьи, где она читала, притворяясь, что совершенно не замечает его приближения.

Он рассказывал о «Стальных клинках», о друзьях, о новых связках ударов. Амалия слушала, смеялась над его шутками (иногда даже искренне). И всё же что-то в нём не давало ей расслабиться. Его ответы были слишком правильными, будто он заранее перебрал все возможные реплики и выбрал ту, которая понравится ей больше остальных.

Слова Кассиана о белых мантиях упорно не шли из головы.

Дормиэль был добр, внимателен, всегда готов помочь. Он ни разу не дал ей настоящего повода сомневаться, но предупреждение Кассиана сидело под кожей мерзкой занозой.

Может, я уже совсем свихнулась?

Кто из них прав? Кассиан, ожидающий ножа от каждого, кто протягивает руку? Или Дормиэль с его безупречной улыбкой и словами, в которых невозможно найти трещину?

А может, оба что-то недоговаривали.

Месяц исчез почти незаметно. Академия перестала ка-

заться Амалии чужой: у неё появились друзья, занятия, вечерний чай и Лориан — отдельная, крайне опасная категория её мыслей. Впереди оставалось ещё много месяцев; и Амалия пока не знала, что Академия уже начала считать их за неё.

Амалия вошла в аудиторию последней. Магистр Олдрик уже стоял у кафедры и перебирал старые свитки. В зале царила такая тишина, что даже светлые непривычно сидели смирно.

Во имя всех стихий, невероятное событие!

— Садитесь, — произнёс Олдрик, не поднимая головы. — Сегодня поговорим о том, как маги поделили мир. И о том, *что* предпочли запереть в тайных архивах.

Амалия заняла своё место, раскрыла тетрадь и машинально проверила чернила.

— Вы уже знаете о Трёхсотлетней войне, разрушении Храма. О том, как Свет и Тьма едва не уничтожили друг друга. К триста первому году обе стороны поняли: если продолжить, делить будет нечего. Останутся пустоши, набитые призраками.

Он подошёл к карте и коснулся выжженного пятна в её центре.

— Тогда на Пепелище, среди руин Храма Шести Сил, встретились главы всех школ. Семь дней и семь ночей они спорили, угрожали и торговались. Возможно, даже умоляли

— хотя этого хроника почему-то не любят.

— И к чему они пришли? — спросили из первого ряда.

— К Священному Договору. Каждая школа получила собственную землю. Магов разделили границами, чтобы они перестали резать друг друга на улицах.

Палец Олдрика двинулся по карте.

— Солардис отошёл Свету: горы, ослепительно белые из-за кристаллов в скалах. Ноктурн — Тьме: каньон, куда почти не проникает солнце и где тени порой двигаются сами. Акватис достался Стихиям — огромная земля от вечных льдов до кипящих гейзеров. Менталис — Разуму: скрытый туманами архипелаг, где реальность повинуетя воле магов. Вердис — Жизни: лес, чьи деревья помнят каждое поколение. Лапидия — Рунам: каменистая пустыня, где ветер складывает древние символы из песка.

— Почему Рунам отдали пустыню? — нахмурилась Эльза. На лице Олдрика появилась усталая усмешка.

— Рунные маги были слабее остальных. Им досталось то, что никто не захотел.

Амалия стиснула перо.

Мы пережили войну, а в награду получили горсть камней и вежливое «не сдохните там». Очень благородно!

— Между землями сохранили нейтральные территории, — продолжил Олдрик. — Там живут те, кто отказался принадлежать одной школе. Там же основали Академию Шести Путей — единственное место, где все направления вновь

оказались под одной крышей.

«Под одной крышей» звучало куда приличнее, чем «достаточно близко, чтобы перегрызть друг другу глотки».

— Договор подписали, и война закончилась. По крайней мере, так написано в ваших учебниках. Старые обиды куда не делись, а ненависть не умерла — лишь затаилась и теперь ждёт, когда кто-нибудь достаточно глупый снова откроет ей дверь. На следующем занятии разберём современную историю. Главы с девятой по двенадцатую. Свободны.

По аудитории прокатился шум отодвигаемых стульев. Студенты потянулись к выходу, на ходу обсуждая лекцию и жалуясь на четыре заданные главы. Амалия убрала записи в сумку и вместе с остальными спустилась во внутренний двор.

До следующего занятия оставалось совсем немного. Ровно столько, чтобы перебежать через галерею, едва не столкнуться с двумя старшекурсниками, спуститься по холодной винтовой лестнице и проклясть того придурка, который решил построить тренировочную арену на другом конце академии.

Когда Амалия вошла внутрь, остальные уже выстраивались вдоль стены.

Мастер Коргат встретил их с непривычным выражением лица. Обычно он смотрел на учеников так, словно каждый из них лично испортил ему утро. Сегодня же в его глазах таилось почти довольство.

Коргат стоял посреди арены, скрестив на груди руки, и неторопливо оглядывал строй.

— Сегодня у вас особое занятие, к нам пришли «Стальные клинки». Они покажут, как обращаться с оружием без магии.

По рядам пробежал взволнованный шёпот.

— Заклинания забудьте, магические щиты тоже. Сегодня у вас будут только оружие, собственное тело и холодный расчёт. У кого с последним проблемы — мои соболезнования.

Из-за его спины бесшумно выступили «Клинки». Никаких мантий, факультетских знаков и побрякушек. Только ткань, кожа, туго затянутые ремни и оружие. Они двигались спокойно, без показной угрозы, однако разговоры на арене стихли сами собой.

Амалия сразу увидела Кассиана.

Конечно, чтоб его.

На нём была чёрная туника, плотно облегавшая плечи, и свободные тренировочные штаны, не мешавшие движениям. В руке он держал короткий учебный меч. Его пальцы лениво скользили по рукояти, словно ему было скучно. Рядом стоял Дормиэль. Рукава чёрной рубашки были закатаны до локтей, открывая крепкие предплечья; узкие штаны подчёркивали лёгкую, выверенную стойку, а на поясе тускло поблёскивал кинжал. Даже без мантии он выглядел безупречно — спокойный, собранный и до раздражения красивый.

Словно эти двое нарочно решили явиться вместе и окон-

чательно испортить её способность связно думать.

— Разбились на пары! — рявкнул Коргат. Его голос ударился о каменные стены, и несколько первокурсников вздрогнули. — Один из «Клинков» показывает приём, второй повторяет. И, ради всех богов, постарайтесь не убиться. Я слишком молод и красив, чтобы оказаться в тюрьме из-за какого-нибудь идиота.

Кто-то нервно хихикнул, Коргат медленно повернул голову на звук.

— Смеяться будете, когда перестанете держать кинжал как ложку для супа. Начали!

Строй рассыпался. По арене зашуршали шаги, звякнули ножны, полетели первые торопливые приглашения встать в пару.

Амалия ещё не успела решить, к кому подойти, когда Кассиан отделился от остальных и направился прямо к ней. С каждым его шагом рукоять меча чуть покачивалась в расслабленной ладони.

Ну конечно, к кому же ещё.

— Рыжая, — усмехнулся он, лениво качнув мечом. Лезвие поймало утренний свет и резануло по полу белой полосой. — Давно не виделись.

— Не называй меня так, — отрезала она, надеясь, что голос не выдаст, как нервно колотится сердце.

— А как называть? — Кассиан склонил голову, разглядывая её с откровенным интересом. — Амалия? Призрак?

Он произнёс её имя медленно, с некой издёвкой. Внутри у неё что-то дёрнулось — глупо и совершенно некстати.

О Боги, дайте мне сил!

— Ладно, — будто из милости бросил он.

Меч с сухим щелчком скользнул в ножны. Кассиан достал короткий кинжал с бронзовой, отполированной чужими ладонями рукоятью.

— Сегодня — малые клинки. Для начала проще.

Кинжал перекатился между его пальцами и замер.

— Начнём со стойки. Без неё ты не боец, а мишень, у которой слишком много надежд.

Он расставил ноги, чуть согнул колени и подался корпусом вперёд. Кинжал застыл у груди, параллельно полу. Небрежность слетела с него в одно мгновение, исчезли скупающий взгляд и ленивая усмешка. Остался человек, который точно знал, куда ударить, чтобы второго шанса уже не понадобилось.

— Ноги шире, — приказал он. — Не настолько! Ты не мост изображаешь. Колени мягче, вес перенеси вперёд. Встанешь на носки — тебя опрокинет первый же идиот с палкой. Дыши ровно. Клинок не отдельная железка, а часть руки. Почувствуй его вес.

Амалия повторила стойку, пытаясь поймать каждую деталь. Получилось паршиво: плечи окаменели, локоть ушёл в сторону, а рукоять она стиснула так, словно хотела задушить кинжал голыми руками.

Кассиан несколько секунд молча наблюдал за ней.

— Нет.

Он оказался сзади прежде, чем Амалия успела возмутиться. Жар его тела прошёл сквозь тонкую рубашку и обжёг спину. Он не касался её больше необходимого, но расстояние между ними стало до неприличия коротким.

Чёрт-чёрт-чёрт.

— Расслабь плечи, — произнёс он уже тише.

Его пальцы легли на её локти, направляя руки, затем скользнули к запястью. Одной рукой он надавил на плечо, вынуждая опустить его, другой повернул кисть под нужным углом.

— Дыши, Рыжая.

— Я дышу, — процедила она.

— Нет. Ты изображаешь статую, которую поленились оживить. Вдох, вот так, медленно.

Амалия втянула воздух, злясь на него, на себя и особенно на то, как остро ощущала его за спиной.

— Выдох.

Она выдохнула.

— Ещё раз.

Амалия уже открыла рот, чтобы послать его куда подальше, но Кассиан крепче удержал её запястье.

— Страх сковывает тело, — сказал он без тени прежней насмешки, так бережно, что спорить расхотелось. — Прими его, бояться нормально. Только не позволяй страху решать

за тебя.

Амалия глубоко вдохнула и медленно выпустила воздух. Плечи понемногу расслабились. Пальцы разжались, перестав душить рукоять. И кинжал вдруг изменился в её руке: больше не казался чужим куском металла.

— Смотри.

Кассиан развернулся и показал связку. Короткий укол, резкий блок, скользящий шаг в сторону. Три движения слились в одно — настолько быстрое, что Амалия едва успела проследить за клинком.

Он повторил приём медленнее, расчленяя его на части.

— Первое — укол. Не падай за рукой всем телом, иначе потеряешь равновесие. Второе — блок. Не пытайся пересилить удар. Уведи его в сторону. Третье — уход. Никогда не застывай на месте. Неподвижный противник — удобный подарок.

Кассиан опустил оружие и кивнул ей:

— Теперь ты.

Амалия крепче взялась за рукоять, сглотнула и сосредоточилась.

— Укол. Блок. Уход, — отчеканил он. — Медленно, ритм важнее скорости.

Она двинулась. Укол — остриё качнулось, но осталось на выбранной линии. Блок — предплечье напряглось, встречая удар, которого не было. Уход — шаг получился слишком резким, и Амалия едва не подвернула ногу.

Вот дерьмо.

Она выровнялась прежде, чем Кассиан успел что-либо сказать, и повторила связку. Потом ещё раз. И ещё.

Поначалу приходилось обдумывать каждое движение, будто тело принадлежало какой-то особенно тупой незнакомке; но постепенно мышцы запомнили последователь-

ность, и мысли перестали путаться под ногами.

Кинжал рассекал воздух с коротким свистом. Подошвы шуршали по каменным плитам. На арене перекликались команды наставников, звенело тренировочное оружие, срывались резкие выдохи. Всё сливалось в единый, беспокойный шум.

Неподалёку вскрикнула Эльза. Кинжал выскользнул из её руки и с лязгом ударился о камень. Инструктор сразу отступил, примирительно подняв ладони.

— Извини! — выпалил он. — Я не хотел давить так сильно.

— Ничего, — отрезала Эльза.

Однако, поднимая оружие, она не смогла скрыть дрожь в пальцах. Эльза стиснула зубы, перехватила рукоять и вновь приняла стойку.

— Ещё раз, — бросила она инструктору.

Кассиан даже не повернул головы.

— Не отвлекайся.

— Но она...

— С ней всё нормально. Если перестанет быть в порядке, Коргат заметит это раньше тебя. — он поднял кинжал между ними, загораживая ей обзор. — А ты сейчас смотри на меня.

Амалия нехотя перевела взгляд обратно. Смотреть на него оказалось ещё хуже.

— У тебя слишком мягкие руки, Рыжая, — сказал Кассиан и снова подошёл вплотную.

— Это проблема? — она задрала подбородок, отчаянно стараясь не показать, что его близость действует на неё совершенно не так, как должна.

— Для кинжала — да.

Он накрыл её ладонь своей. У оснований его пальцев ощущались мозоли. Кассиан сжал её руку, исправляя хват.

Да что за проклятая тренировка такая?

— Клинок любит твёрдость, — произнёс он у самого её виска. — Как и тот, кто его держит.

Сердце Амалии пропустило удар. Кассиан повернул её кисть, переместил большой палец и показал, как распределить вес рукояти.

— Вот так. Если ладонь вспотеет, клинок не должен выскользнуть. Если тебя ударят по запястью — не должен выпасть. Если испугаешься — всё равно удержи его.

Неподалёку Дормиэль показывал приём Макото.

Акияма держался увереннее большинства первокурсников. Пока остальные воевали с собственными ногами и базовыми стойками, рунный маг без усилий провёл связку из пяти ударов. Дормиэль стоял вполоборота, показывая позицию: ноги на ширине плеч, колени чуть согнуты, корпус развёрнут так, чтобы противнику осталось как можно меньше места для удара. Макото повторил почти безупречно. Стойка перетекла в выпад, клинок лёг под точным углом, движение завершилось мягко и подконтрольно. Ни капли лишнего напряжения — будто тело не училось, а вспоминало. Дормиэль

даже замер на мгновение, приподняв бровь.

— Неплохо, у тебя явно есть опыт. Где тренировался?

Макото ответил не сразу. Пальцы чуть крепче сжали рукоять — вопрос попал туда, куда не звали.

— В детстве учил отец, — наконец произнёс он. — Он служил в дворцовой гвардии Мнемосии.

— Тогда усложним. Ещё раз, но с контратакой. После выпада — шаг в сторону и разворот клинка. Вот так.

Быстрым движением запястья Дормиэль превратил атаку в защиту. Макото повторил без запинки — и добавил едва заметный уклон корпуса, сделав приём чище и опаснее.

Амалия невольно засмотрелась.

Дормиэль будто ожил. Сейчас он не объяснял и не поправлял — испытывал мастерство Макото, подбрасывал ему всё новые задачи и, судя по едва заметной улыбке, откровенно получал от этого удовольствие. В нём вдруг обнаружился азартный, почти дерзкий человек, которого Амалия раньше не замечала.

Макото тоже изменился. Обычно молчаливый, отстранённый, словно заранее выставивший между собой и остальными невидимую стену, сейчас он говорил единственным языком, который, похоже, действительно считал своим: движением клинка, поворотом запястья, выверенным шагом.

Всё было точным до странности. Никакой суеты, ни одного лишнего движения. За каждым поворотом клинка чувствовались годы тренировок, о которых Макото никогда не

рассказывал. Он словно забывал обо всём вокруг, стоило стали оказаться в его руке. И Амалия вдруг подумала, что, наверное, ему действительно проще понимать оружие, чем людей. С людьми ведь нельзя было просто знать, куда поставить ногу и с какой стороны ждать удара.

Закончив связку, Дормиэль хлопнул Макото по плечу.

— С тобой приятно работать. Если захочешь, можем тренироваться вместе и вне занятий. А в следующем году присоединишься к нашему клубу.

Макото чуть заметно улыбнулся. Амалия даже поймала себя на том, что задержала взгляд на его лице. Улыбка была редкой настолько, что почти казалась чужой.

— Буду рад.

— Время! — голос Коргата рассёк зал. — Поменялись!

Кассиан развернул клинок и протянул Амалии рукоятью вперёд.

— В следующий раз попробуем что-нибудь посерьёзнее, — сказал Кассиан.

Амалия подняла на него взгляд.

— А в этот?

Кассиан посмотрел на неё с тем выражением, которое совершенно не нравилось ей ещё до того, как он ответил.

— В этот постарайся не умереть. Хотя бы до конца тренировки.

— Очень обнадеживает, — буркнула Амалия.

Кассиан хмыкнул, коротко хлопнул её по плечу и отошёл

к следующему студенту. Тот уже переминался с ноги на ногу, поглядывая на Кассиана так, словно к нему направлялся не наставник, а персональное наказание небес за все грехи, совершённые в прошлой жизни.

Амалия проводила Кассиана взглядом, поправила хват и попыталась восстановить в памяти стойку.

Она только успела поднять оружие, когда из глубины зала донёсся глухой удар. Амалия резко обернулась.

Макото застыл после выпада. Остриё его клинка остановилось всего в каком-то жалком сантиметре от груди Дормиэля. На одно короткое мгновение арена словно забыла, как дышать. Никто не двигался. Один за другим смолкли разговоры, оборвался звон стали. Даже Коргат прервал объяснение на полуслове и повернулся к ним.

Дормиэль смотрел на клинок у своей груди, Макото — прямо ему в глаза. И вот теперь Амалии стало совсем не до тренировок.

Что за дрянь между ними происходит?

Она перевела взгляд с одного на другого, пытаясь понять, что именно только что увидела. Случайность? Ошибка? Или они оба прекрасно знали, что делают?

Дормиэль медленно поднял свободную руку, признавая поражение. На его губах появилась одобрительная улыбка. Вот только взгляд остался настороженным.

— Признаю поражение, — произнёс он спокойно. — Ты быстр.

Макото не ответил. Он всё ещё держал клинок у его груди, и Амалия почему-то была совершенно уверена: если Дормиэль действительно хотел закончить этот поединок, он уже давно мог отвести оружие. Но никто из них не спешил первым нарушать возникшее между ними напряжение.

Макото опустил клинок, но напряжение из его тела никуда не исчезло. Пальцы по-прежнему крепко сжимали рукоять, плечи были собраны, а взгляд оставался острым и чужим. Казалось, ещё мгновение назад перед Дормиэлем стоял не первокурсник, а человек, прекрасно знавший, куда именно нужно вонзить сталь.

— Просто повезло, — коротко ответил Макото.

— Продолжаем! — рывкнул Коргат, разрывая повисшую тишину. — И без самодеятельности!

После занятий Мила предложила заглянуть в теплицы. Эльзу они тоже позвали бы, но та уже ускользнула в библиотеку вместе с Дэррилом. Амалия успела заметить их у входа: оба говорили одновременно, перебивали друг друга и смеялись так, будто вокруг больше никого не существовало. Потом массивные двери сомкнулись за ними.

Ну и хитрюга! И ведь ни слова не сказала.

— Я в растениях понимаю примерно ничего, — предупредила Амалия, всё ещё поглядывая на двери библиотеки. — Могу отличить дерево от травы.

— Значит, начнём не с ядов, — безмятежно ответила Мила.

Амалия покосилась на неё:

— Ты сейчас пошутила?

— Конечно, — сказала та с подозрительно невинным лицом. — Научишься. Здесь дело не только в растениях. Жизнь связывает всё: корни под землёй, листья на ветру, руки тех, кто за ними ухаживает. Даже нас с тобой.

— Звучит красиво.

Теплица пряталась за Башней Жизни. Издали она казалась огромной каплей мутновато-зелёного стекла, застывшей среди каменных корпусов Академии. Солнечные блики скользили по её куполу, дробились на гранях и расплзались по дорожке бледными пятнами.

Едва Мила распахнула дверь, Амалию окатило влажным теплом.

Воздух здесь был тяжёлым от запахов. Под стеклянной крышей шелестели сотни листьев, хотя ветра не было. Где-то тихо капала вода. По трубам, скрытым среди выющихся стеблей, проходила едва заметная дрожь, похожая на медленный пульс.

Амалия остановилась на пороге.

— Здесь всё будто... дышит.

— Потому что так и есть, — отозвалась Мила.

Она провела Амалию вдоль грядок, называя растения одно за другим. Аккуратная мята блестела тёмными листьями. Ромашка теснилась пушистыми кустиками, словно пыталась занять побольше места. Над лавандой воздух стано-

вился терпким и прохладным.

У дальней стены рос невысокий куст с тонкими стеблями и фиолетовыми цветами. Их почти прозрачные лепестки едва заметно дрожали, хотя вокруг стояла неподвижная духота.

— А это что?

Мила мгновенно посерьёзнела.

— Сон-трава. Не наклоняйся к ней.

Амалия, уже собиравшаяся именно это и сделать, отступила.

— Насколько всё плохо?

— Если вдохнёшь пыльцу, проспишь три дня. При слабой сопротивляемости можешь не проснуться. Она опасна, но полезна. В правильной дозировке снимает боль, успокаивает лихорадку и помогает пережить тяжёлые операции.

— А в неправильной?

— Делает работу целителей бессмысленной.

Амалия снова посмотрела на цветы. Красивые, нежные — и совершенно равнодушные к тому, проснётся человек после встречи с ними или нет.

Чёртова природа. Даже здесь нельзя доверять милым мордашкам.

— И ты выращиваешь её сама?

— Для исследований, — ответила Мила. — Маги Жизни не только лечат. Мы изучаем, как энергия движется внутри живого: где накапливается, куда уходит, почему один организм принимает её, а другой отторгает. Если научиться слы-

шать этот ритм, можно понять, что происходит с существом ещё до того, как болезнь проявится.

Мила уже шла дальше. У низкого стеллажа в глиняных горшках росли молодые побеги. Тонкие, бледные, они жались друг к другу, будто им было страшно появляться на свет.

Мила взяла небольшую лейку.

— Лей ближе к краю. Не на стебель. Корням нужна влага, а не болото.

— Если я их убью, ты никому не скажешь?

— Обязательно передам преподавателям, с которыми у тебя будут занятия в следующем году.

— Зорич, ты жестокая женщина.

Потом Мила дала ей маленькие ножницы и показала, как срезать сухие листья, не повреждая здоровые. Увявшие части они складывали в плетёную корзину, сухие цветы — в отдельный мешочек. Работа оказалась однообразной, но странно успокаивающей. Шорох листьев заглушал мысли, а влажное тепло размягчало напряжение в плечах.

Вечером Амалия поднялась на пятый этаж башни Рун. Перед кабинетом Лориана она остановилась. Сердце колотилось так, будто первым постучать решило именно оно. Амалия стиснула пальцы, заставила себя вдохнуть и трижды ударила костяшками в дверь.

— Войдите, — отозвался профессор.

Кабинет принял её полумраком и запахом старых книг, нагретого воска, сухих трав. Масляная лампа выхватывала из темноты бумаги, чернильницу, бронзовые пластины и тонкие инструменты для рунописи.

Лориан сидел за столом, просматривая записи. Сегодня его волосы были распущены и тёмными волнами лежали на плечах. Серебряная серьга тускло блеснула, когда он поднял голову.

Их взгляды встретились.

И всё. Пусто. Ни одной грёбаной мысли, включая ту, за чем Амалия сюда припёрлась.

— Садись, Амалия, — сказал он, указав на привычное место.

Она послушалась, изо всех сил стараясь не выглядеть человеком, который разучился нормально ходить.

Лориан достал с верхней полки небольшую баночку с тёмной жидкостью и тонкую кисть с костяной ручкой.

— Сегодня мы займёмся кое-чем другим.

Он снял крышку. По кабинету растёкся терпкий запах шалфея, полыни и металла.

— Руны наносят не только на бумагу, бронзу или камень. Кожа тоже может стать проводником.

Ооо, вот и пришла моя смерть...

— Руны, нанесённые на тело, соприкасаются с магическим потоком напрямую, — продолжил Лориан, понизив голос. — Они не просто направляют силу, они зовут её. Иногда пробуждают то, что человек запечатал в себе, даже не подозревая об этом.

Ладони Амалии мгновенно вспотели.

— Во мне нечего пробуждать, — произнесла она, ненавидя предательскую хрипоту в собственном голосе. — Я пустая, все так говорят.

— Ты не пустая, Амалия. Ты так долго слышала это от других, что начала повторять их голосом; но я чувствую ина-

че. В тебе есть скрытая сила. Возможно, опасная, но настоящая.

У неё пересохло во рту.

Слова попали именно туда, где годами копились злость, стыд и страх оказаться нелепой ошибкой среди людей, рождённых с даром. Амалии хотелось усмехнуться, отмахнуться, выдать что-нибудь колкое. Не получилось. Она лишь сидела перед ним, сжимая пальцы под столом, и пыталась не поверить слишком быстро.

Лориан пододвинул к ней баночку и положил рядом кисть.

— Я предлагаю попробовать, — сказал он. — Но лишь в том случае, если ты сама этого хочешь.

Амалия посмотрела на тёмную жидкость. Затем взгляд сам собой переместился на его руку. Длинные пальцы лежали рядом с баночкой; у основания ногтей въелись следы чернил. Манжет выбилась из-под рукава, приоткрывая запястье.

Да не пялься ты!

Амалия поспешно подняла глаза.

А что, если он прав? Если внутри неё действительно всё это время что-то было? И что произойдёт, если сегодня оно наконец откликнется?

Амалия сглотнула.

— Это опасно?

— Всё настоящее требует риска, — ответил Лориан. — Но я не позволю тебе пойти дальше, чем ты способна выдержать.

Его уверенность должна была успокоить, но вместо этого

по коже прошла дрожь.

— Что нужно делать?

Уголок его рта едва заметно приподнялся.

— Для начала — довериться мне.

Она опустила взгляд, щёки обдало жаром.

Да чтоб тебя.

Он был её наставником. Тем, рядом с кем полагалось сидеть прямо, отвечать внятно и уж точно не замечать, как низко звучит его голос в ночной тишине. Но сейчас кабинет словно отрезало от остальной башни. Остались горький запах трав, тёплый свет лампы и Лориан напротив. И все правильные мысли, которые Амалия так старательно держала в голове, вдруг перестали казаться убедительными.

Лориан взял кисть и окунул её в тёмную жидкость. Несколько секунд ждал, пока лишние капли стекут обратно. Амалия следила за его пальцами и злилась на себя за то, что не могла отвести взгляд.

— Начнём с малого, — произнёс он. — С руны, которая поможет услышать твой поток.

Она глубоко вдохнула, расправила плечи и кивнула.

— Я готова.

Господи, как же неубедительно это прозвучало.

Лориан приблизил кисть, но остановился, не коснувшись кожи.

— Закатай рукав, — сказал он. — Для первого раза предплечье безопаснее всего.

Она подчинилась не сразу. Пальцы почему-то перестали слушаться, и Амалии пришлось дважды ухватиться за край рукава, прежде чем ткань мантии скользнула вверх, обнажая руку до локтя. Прохлада кабинета впилась в кожу и вызвала мурашки по всему телу.

Замечательно. Сейчас я ещё начну трястись, как перепуганная дуручка.

Амалия положила руку на край стола, и Монтгомери накрыл её запястье ладонью. От этого прикосновения дыхание застряло где-то под рёбрами, а сердце, которое до этой секунды вело себя относительно прилично, вдруг решило окончательно её опозорить.

— Если захочешь остановиться, скажи, — произнёс он тихо. — В любой момент.

Амалия кивнула, голосу она сейчас не доверяла. Ещё вырвется что-нибудь жалкое.

Кисть коснулась её кожи. Холод обжёг предплечье, Амалия дёрнулась, но ладонь Лориана мягко сомкнулась на её запястье, не позволяя резкому движению испортить линию. Его большой палец едва заметно прошёлся по коже. Следом пришло тепло. Оно медленно потекло вдоль первого штриха, густое, тягучее, будто в вену влили расплавленное серебро. Кисть двигалась уверенно: плавный изгиб, короткая черта, тонкий разрыв, второй контур. Лориан не торопился, и каждое его движение отзывалось внутри Амалии странным эхом.

Зовом.

Она следила, как тёмные линии собираются в знак, и постепенно перестала понимать, где заканчивается прикосновение кисти и начинается магия. Казалось, Лориан ничего не рисовал. Руна уже существовала под её кожей всё это время, а теперь он заставлял её выйти наружу.

— Что это за руна?

— Пробуждение, — ответил Лориан, не отрывая взгляда от её руки. — Она не создаёт магию и не даёт человеку силу, которой в нём никогда не было. Только открывает то, что уже существует.

Лориан закончил последний штрих и отвёл кисть. Ничего не произошло.

Амалия не дышала, глядя на собственное предплечье. Тёмные линии неподвижно лежали на коже, влажно поблёскивая в свете лампы. Прошла секунда, за ней другая, и знакомое разочарование уже начало подниматься со дна. Чего она вообще ждала? Что её рука загорится, стены задрожат, а древняя магия торжественно объявит, что всё это время ошибалась адресом?

Неожиданно руна вспыхнула мягким медным сиянием, от чего Амалия резко втянула воздух. Тепло поднялось выше локтя, добралось до плеча, скользнуло под ключицу. Сердце ударило так сильно, что на мгновение заглушило все прочие звуки.

Ладонь Лориана всё ещё лежала на её запястье, и теперь

Амалия чувствовала не только руну. Она чувствовала профессора. Каждый его палец. Тихий пульс под его большим пальцем — или это был её собственный? Чёрт разберёт.

— Я чувствую... — голос предательски дрогнул. Амалия сглотнула и подняла на него глаза. — Я чувствую её.

— Где?

— Внутри, — прошептала она. — Там что-то... Нет, оно не шевелится. Оно дышит.

Руна отзывалась на каждый удар сердца. И вместе с ней под рёбрами набирал силу второй ритм.

— Значит, это правда? — спросила Амалия так тихо, что сама едва слышала. — Я не пустая?

Лориан медленно провёл большим пальцем вдоль руны, оставляя между рукой и кожей тончайшую полоску воздуха. Не коснулся — и всё же Амалия ощутила это движение до последнего дюйма, будто он провёл не по предплечью, а прямо по натянутым нервам.

— Ты никогда не была пустой.

Амалия опустила взгляд на медные линии. Если бы она продолжила смотреть ему в глаза, он наверняка понял бы, что эти слова сделали с ней. А если уже понял — пусть хотя бы не видит, как отчаянно ей хочется услышать их снова.

— Спасибо, профессор.

— Лориан, — поправил он негромко.

— Что?

Его пальцы всё ещё окружали её запястье. Большой палец замер там, где под кожей бешено бился пульс.

— Когда мы одни, можешь называть меня по имени.

Когда мы одни.

У Амалии закружилась голова. Вероятно, виновата бы-

ла руна. Магический поток, пробуждение, слишком сильное напряжение — годилось любое объяснение, кроме единственного, от которого бросало в жар.

— Разве это... правильно?

— Нет, — ответил он без раздумий.

Лориан чуть наклонился, и пространство между ними сократилось. Теперь она различала тёмный ободок вокруг его радужки и тень от ресниц на скулах. Чувствовала запах книг, чернил и чего-то дурманящего её разум.

— Назови меня по имени, Амалия, сейчас.

Это была ловушка. И хуже всего — Амалии захотелось в неё шагнуть. Ей следовало отнять руку и встать. Напомнить ему, а заодно и себе, кем они приходились друг другу. Вместо этого она осталась на месте, позволяя ему держать её запястье и считать каждый сорвавшийся удар пульса.

— Лориан, — выдохнула она. Его имя прозвучало непозволительно интимно.

Во взгляде Лориана что-то изменилось. Всего на мгновение его безупречное спокойствие дало трещину, и Амалия увидела под ним не наставника, а мужчину, которому понравилось, как его имя прозвучало на её губах.

— Лориан, — повторила Амалия на этот раз медленнее.

Его взгляд скользнул к её губам, и Амалия подумала, что сейчас случится что-то непоправимое. Но профессор отпустил её, а затем вообще отвернулся, чтобы закрыть баночку с краской, словно ничего не случилось.

Амалия прижала ладонь к руне. Медные линии мерно бились под пальцами, и теперь она уже не могла понять, что именно разбудило спрятанную в ней силу.

Магия или он?

Когда Амалия вышла из башни, ночь успела опуститься на академию. Каменные стены ещё хранили дневное тепло, а сад уже наполнялся прохладой и влажным запахом трав. Она направилась к общежитию, прижимая руку к груди, словно могла удержать сквозь ткань слабое серебристое биение руны Пробуждения.

Мысли раз за разом возвращались в кабинет Лориана: к терпкому аромату сушёных растений, к мягкому скольжению кисти по коже, к его низкому, спокойному голосу.

«Ты никогда не была пустой».

Эти слова застряли внутри крепче любого заклятия. Годы Амалия убеждала себя, что ей всё равно! Что можно жить без магии, не замечая жалостливых взглядов и шёпота за спиной! А ему понадобилась одна фраза, чтобы эта тщательно выстроенная ложь пошла трещинами.

Она не сразу заметила движение возле кустов. Сначала тень просто сгустилась между ветвями, затем послышался шорох ткани. Амалия подняла голову и замерла. Из зарослей боярышника вышел Стефан. Они едва не столкнулись. На короткий миг окружающий мир провалился куда-то прочь, оставив лишь знакомые черты: каштановые волосы, резкую линию скул, голубые глаза, такие же как у неё.

— Стефан, — выдохнула Амалия, не веря своим глазам.

Сердце рванулось навстречу ему раньше, чем разум успел вмешаться. Всё, что Амалия пыталась удержать в себе с самого приезда, рухнуло разом: обида, тревога, бессонные ночи и сотни проклятых вопросов. Перед ней стоял брат. Её брат! Человек, по которому она скучала так сильно, что порой эта тоска выворачивала рёбра изнутри.

Амалия шагнула к нему и протянула руки. Ещё мгновение — и она вцепилась бы в его мантию, уткнулась лицом ему в плечо и потребовала объяснить, какого чёрта он исчез и почему всё это время заставлял её сходить с ума. Но Стефан испуганно отшатнулся. Он выставил ладонь, отсекая её коротким движением, будто между ними можно было возвести стену одним жестом.

— Что с тобой стало? — полный боли голос Амалии прозвучал тише, чем ей хотелось.

Она всё ещё глупо держала руки протянутыми к нему, как будто он всё ещё был тем мальчишкой, который таскал её на плечах через лужу. Всего мгновение назад это казалось естественным: обнять брата, вдохнуть знакомый запах старого дома. Теперь этот порыв выглядел так жалко, что захотелось спрятать руки за спину, сжать их в кулаки и сделать вид, что ничего не было. Что она вообще их не протягивала, и вообще ей плевать!

Стефан продолжал смотреть на её пальцы, будто боялся, что Амалия всё-таки прикоснётся.

— Не надо, — сказал он.

Амалия медленно опустила руки. Ладони вспотели. Она вытерла их о юбку, но от этого стало только хуже.

— Не надо что? Обнимать тебя? Или приезжать? — Она попыталась усмехнуться, но губы предательски дёрнулись, и из горла вырвался какой-то жалкий полувсхлип-полусмешок. — Хотя постой. Ты же не отвечал на письма. Наверное, я должна была догадаться. Что там, Стефан? Корона на лбу? Или ты просто решил, что родственники — это такая неприятная привычка, от которой пора отказаться?

Он молчал.

— Стефан. Посмотри на меня.

— Я смотрю.

— Нет. Ты пялишься мне за плечо и несёшь какую-то хрень. Посмотри нормально!

Его взгляд наконец встретился с её. Челюсть Стефана напряглась, под тонкой кожей заходили желваки. Он сжал кулаки и спрятал их в складках мантии.

— Возвращайся домой.

— Что ты вообще несёшь?! Где мой брат? Куда ты его дел? Что ты с ним сделал? Ты хоть понимаешь, как я...

— Просто забудь, что я твой брат.

Он отвернулся прежде, чем она успела ответить. Мантия взметнулась белой складкой, будто крыло — и Стефан зашагал прочь, не оборачиваясь.

— Да пошёл ты... — выдохнула Амалия.

Она хотела окликнуть его, броситься следом. Схватить за рукав, развернуть, встряхнуть — пусть посмотрит в глаза, пусть объяснит хоть что-то. Заорать, что он не имеет права просто взять и вычеркнуть её. У них одна кровь, одна память и одно детство. Все их тайны, все дурацкие клятвы, которые когда-то казались нерушимыми. «Клянусь, что всегда буду рядом». Где это теперь?

Амалия осталась посреди аллеи. Смотрела, как темнота проглатывает его силуэт. Шаги стихли, осталась только пустота, которая звенела в ушах. И только тогда она поняла, что дрожит. Руна под рукавом пульсировала, кожа под узором горела, будто кто-то медленно водил раскалённой иглой.

Что, мать твою, произошло с моим братом? И почему он так отчаянно хочет, чтобы я исчезла? Как будто моё существование — угроза.

Глава 6

Чёрт дёрнул Амалию пойти не прямым в корпус общежития, а через башни Академии. И вот она каким-то чудом перешла в башню Тьмы, через которую можно было выйти к главному корпусу, а за тем уже и к крытой галерее, ведущей в комнату общежития.

Брандт вышла к окну на втором этаже.

Луна висела непривычно низко, заливая серебром крыши соседних башен. Где-то вдали надрывно кричала ночная птица, а потом резко умолкла, словно ей заткнули клюв.

Амалия прижалась лбом к холодному стеклу и посмотрела вниз, к западной стене Академии. Там двигались тени. Сначала она решила, что виноваты старые дубы. Их ветви раскачивались на ветру, царапали каменные стены и ломали лунный свет на длинные уродливые полосы. Только вот тени деревьев не шагают цепочкой и не держат одинаковый темп. И уж точно не тащат на плечах длинные предметы, поблёскивающие металлом.

Амалия прищурилась и вцепилась пальцами в подоконник.

Люди!?

Белые мантии магов Света мелькали рядом с чёрными одеяниями магов Тьмы. Уже одно это выглядело до чёрта неправильно. Но хуже было то, что они несли: лопаты, кир-

ки, тяжёлые мешки, туго стянутые верёвками.

Какого дьявола им понадобилось за стенами Академии посреди ночи?

Одна из фигур вдруг повернула голову к окнам. Амалия резко отшатнулась и вжалась спиной в камень. Сердце с размаху сделала сальто назад. Амалия задержала дыхание, будто человек внизу мог услышать его через стекло и два этажа.

Несколько мгновений ничего не происходило, потом снова зашуршала трава.

Амалия осторожно выглянула из-за края окна. Группа направлялась к старой восточной стене, за которой начинался густой лес, что тянулся до заброшенного амфитеатра, давно оплетённого плющом и дурной славой.

— Что вы там делаете?.. — прошептала она.

Голос предательски дрогнул. В памяти всплыл разговор, случайно подслушанный в Белхейвене. Тогда она почти не придавала ему значения — мало ли какую чушь шепчут люди, когда уверены, что никто не слышит.

«В лесу... за старым амфитеатром... они там что-то копали...».

Значит, не чушь.

Последняя фигура в чёрной мантии скользнула между деревьями и исчезла. Лес сомкнулся за ней, не оставив даже колыхания ветвей.

Сердце Амалии билось так бешено, что стало больно дышать. Она торопливо пошла прочь; почти сорвалась на бег,

но вовремя заставила себя замедлиться. Брандт оглянулась через плечо. Никого. Только пляшущий свет факелов, вытянутые по стенам тени и тишина, от которой хотелось выругаться вслух.

В комнату, быстро! Запереть дверь, залезть под одеяло и сделать вид, что я ничего не видела, а завтра спокойно во всём разобраться. Да, конечно, спокойно! Просто кучка магов среди ночи утащила лопаты в проклятый лес. Обычное дело, мать его!

Амалия свернула за угол и застыла. В конце коридора, прислонившись спиной к каменной стене, сидел Кассиан. На его лице не было привычной дерзкой скуки, словно весь окружающий мир давно успел его разочаровать. Он просто сидел на холодном полу, вытянув ноги и положив руки на колени, и смотрел перед собой так неподвижно, будто в пустом коридоре перед ним открывалось нечто, чего Амалия не могла увидеть.

Чёрной мантии на нём не было. Только тёмная рубашка, небрежно расстёгнутая у ворота, и простые брюки. Волосы растрепались, упавшие на лоб пряди рассекали лицо тенями. В другом состоянии он выглядел бы неприлично красивым — из тех, на кого нормальная девушка не должна пялиться дольше пары секунд, если хочет сохранить остатки достоинства; но сейчас Амалия почти не замечала этого.

Его глаза были открыты, и всё же Кассиана словно не было здесь. Пустой мёртвый взгляд уходил куда-то далеко за

каменные стены Академии.

Амалия не знала, что делать. Окликнуть его? Пройти мимо, сделав вид, что не заметила? Вернуться назад и оставить его наедине с тем, что держало его в этой жуткой неподвижности?

Она колебалась всего мгновение, а потом всё-таки шагнула к нему. Кассиан не шелохнулся, не поднял глаз, не вздохнул, будто Амалии здесь не было.

— Кассиан? — позвала она почти шёпотом. — Почему ты не в общежитии в это время?

Он медленно повернул голову.

— Иди спать, Рыжая, а я здесь посижу.

Ну конечно, как же иначе. Сиди один в ледяном коридоре посреди ночи с таким лицом, будто только что похоронил себя. Точно псих.

Амалия всмотрелась в него внимательнее. Бледная кожа, жёстко сжатые пальцы, тени под глазами. От привычной ленивой наглости не осталось и следа. Кассиан выглядел выжатым, будто не спал несколько ночей.

Уйти было бы разумно, только разум сегодня мог отправляться куда подальше.

Амалия подошла и села рядом, осторожно прислонившись спиной к холодному камню. Между ними осталось не больше двух ладоней. Смешное расстояние — протяни руку, и коснёшься, но сейчас эти две ладони казались ей целой пропастью. Кассиан сидел у самого её края, а Амалия поня-

тия не имела, как к нему приблизиться, не толкнув случайным словом вниз. Тёмный ничего не сказал, даже не посмотрел на неё. Однако и не приказал уйти снова.

Некоторое время они молчали. В глубине коридора с мерным упорством капала вода.

Кап. Кап. Кап.

— Тьма... — проронил Кассиан и снова на секунду замолчал. Пальцы медленно сжались в кулак, а на шее выступили вены. — Она не просто цвет мантии.

— Я знаю, — тихо ответила Амалия. Хотелось, чтобы это прозвучало уверенно, но вышло жалко. Чёрт.

— Нет. — Кассиан повернул голову. — Не знаешь.

И Амалия впервые увидела в его глазах то, чему там, казалось, вообще не было места — голый страх.

— Она жрёт меня изнутри, — сказал он едва слышно. — Каждый день, каждую ночь. Я чувствую, как её становится больше. Она забирает всё свободное мест, лезет в мои мысли, в кровь, в кости. Иногда я закрываю глаза и думаю: а если, открыв их, я уже не буду собой?

У Амалии перехватило дыхание. Как на такое вообще отвечают?

«Всё будет хорошо»? Бесполезная ложь. «Я понимаю»? Нет, не понимает. Не может понять, каково это — каждую ночь засыпать рядом с чем-то, что медленно присваивает твоё тело.

Кассиан отвернулся. Плечи напряглись, будто он собирал-

ся подняться и оборвать разговор. Но слова уже сорвались, теперь их было не затолкать обратно.

— Я боюсь, что однажды от меня ничего не останется. — он опустил взгляд на собственные руки, словно искал первые признаки чужого присутствия. — Останется только Тьма.

Амалия смотрела на него, и память одна за другой подбрасывала ей другие его лица. Насмешливое «Рыжая», ленивая походка, дерзость во взгляде.

Она считала Кассиана сильным, невозмутимым до желания треснуть его чем-нибудь тяжёлым, и даже опасным. Но сейчас рядом с ней сидел не тот Кассиан. Этот вывернул себя наизнанку и оставил всё самое уязвимое на холодном камне между ними. И, чёрт бы его побрал, он боялся не смерти. Он боялся однажды проснуться и обнаружить, что у его глаз, рук и голоса больше нет хозяина.

— Ты не станешь тьмой, — твёрдо сказала Амалия.

По губам Кассиана скользнула горькая усмешка.

— Откуда тебе знать?

— Ты говоришь об этом, боишься. — Амалия развернулась к нему, поджав под себя ногу. Теперь между ними оставалось до смешного мало места. — Настоящая тьма не боится потерять себя, Кассиан, ведь ей нечего терять.

Не смотри на меня так.

— Ты слишком добрая, Рыжая, однажды это тебя погубит.

— Может быть. — она попыталась улыбнуться, хотя в горле стоял тугой ком. — Но сегодня я не дам утонуть тебе.

Амалия протянула руку и осторожно накрыла его ладонь своей. Холод обжёг пальцы. Кожа Кассиана была ледяной.

В первое мгновение Амалия приготовилась к тому, что он отшатнётся. Вырвет руку, оттолкнёт её, бросит какую-нибудь колкость, но Кассиан не шевельнулся. Только опустил взгляд на их сцепленные пальцы, словно не понимал, как её рука там оказалась; или почему он до сих пор позволял ей оставаться. Под его кожей билось напряжение — мелкая, едва различимая дрожь.

Проклятье, что же с тобой сделали?

Постепенно дрожь начала стихать. Кассиан вдохнул глубже, затем ещё раз. Его дыхание выровнялось, а плечи, до этого поднятые и застывшие, медленно опустились.

Они сидели молча. Тепло её ладони будто перетекало в него, пробираясь сквозь этот нечеловеческий холод. Амалия не знала, помогает ли ему на самом деле или просто цепляется за эту мысль, потому что иначе станет слишком страшно. Может ли обычное прикосновение удержать человека, которого тьма уже тянет к себе? Наверное, нет, но Кассиан всё ещё сидел рядом.

— Спасибо, — произнёс он спустя несколько минут. Слово прозвучало непривычно, почти неуместно в его устах.

В этот момент Кассиан снова посмотрел на их руки и вдруг изменился. Мягкость исчезла с лица, плечи напряглись, пальцы окаменели в её ладони, между бровей пролегла жёсткая складка.

У Амалии болезненно свело живот.

— Ты не должна была этого слышать, — отрезал он.

Она не сразу поняла смысл слов. Ещё мгновение назад его пальцы лежали в её ладони, а теперь Кассиан смотрел на неё так, словно между ними внезапно выросла стена.

— Что именно?

Он вырвал руку. Пальцы Амалии сомкнулись на пустоте, всё ещё хранившей его тепло.

Кассиан резко поднялся. В каждом его движении появилась нервная, почти звериная порывистость, будто он сцепился с чем-то внутри себя — и, судя по его лицу, эта тварь уже брала верх.

— Кассиан... — Амалия тоже попыталась встать.

Он вскинул ладонь. У его пальцев заклубилась густая чернота, прошитая изнутри фиолетовыми вспышками. Она не таяла в воздухе, как дым, а извивалась и тянулась к Амалии с мерзкой, осмысленной медлительностью. Холод коснулся кожи раньше самой магии.

Убить меня вздумал?

Дым коснулся её виска почти нежно, и от этой ложной ласки стало по-настоящему страшно. Коридор качнулся. Каменные стены потекли вверх, факелы разорвались на длинные рыжие полосы. Капли воды больше не падали, они глухо били откуда-то из-под земли, будто Амалию уже успели похоронить, а она, глупая, этого даже не заметила.

Она вцепилась в собственное сознание, в обрывки мыс-

лей, в его имя.

Кассиан.

— Прости, Рыжая, — донеслось сквозь сгущавшуюся муть. В его голосе было столько боли, что сердце Амалии стиснуло даже тогда, когда разум уже проваливался во тьму. — Это не для чужих ушей.

Я не чужая.

Тьма сомкнулась прежде, чем Амалия сумела произнести хоть слово. Очнулась она на полу, привалившись спиной к холодной стене. Коридор был пуст.

— Что за... — прошептала Амалия и несколько раз моргнула.

Мысли не слушались. В голове обнаружилась пугающая пустота, словно кто-то забрался в её память, нашёл нужную страницу и аккуратно вырвал её, оставив после себя рваные края.

Коридор, люди с лопатами, чёрные и белые мантии. А потом — ничего.

Амалия нахмурилась и прижала пальцы к виску. Почему она сидит на полу? Сколько времени прошло? Она возвращалась в комнату, кажется. Или остановилась? Услышала что-то? Кого-то?

От попытки вспомнить внутри поднялась тупая тревога.

Амалия медленно встала, держась за стену, и отряхнула мантию. Колени предательски дрожали.

— Прекрасно, — пробормотала Амалия. — Теперь у ме-

ня ещё и амнезия.

Перед занятиями ректор объявил студентам о традиционном Осеннем бале-маскараде, который состоится через две недели, вызвав всеобщее оживление. По рядам прокатились восторженные возгласы, студенты заговорили о нарядах, музыке и возможных приглашениях. Мила тут же принялась рассуждать, где достать платье, Эльза слушала её с улыбкой, украдкой поглядывая на Дэррила; а Амалия заметила странно наблюдавшего за ней Кассиана, чей взгляд пробудил смутное и тревожное воспоминание о недавней ночи.

Долго обсуждать предстоящий бал им не позволило расписание. Уже через несколько минут студенты потянулись к выходу, заполняя коридоры шумом и торопливыми разговорами.

— Алхимия, — напомнила Эльза, сверившись с часами. — Если не поспешим, магистр Терра сварит зелье из нас.

Аудитория алхимии находилась в полуподвальном помещении. Здесь был низкий потолок, магические лампы давали тусклый свет, а стены покрывала тёмная копоть. Преподавательница — худощавая женщина с вечно нахмуренными бровями — уже стояла у своего стола, раскладывая склянки и колбы. Её мантия была усеяна пятнами разных оттенков — следами прошлых зелий.

Сегодня варили зелье ночного зрения.

Амалия растёрла корни мандрагоры до влажной кашицы,

всыпала сушёных светлячков и, задержав дыхание, добавила ртуть. Одну каплю — ровно столько требовала инструкция. Смесь зашипела, загустела и стала прозрачной, с холодной синевой внутри. По стенкам колбы расползлось слабое свечение, будто в стекле застрял кусочек ночи.

Магистр Терра возникла рядом так бесшумно, что Амалия едва не опрокинула ступку.

Преподавательница наклонилась над колбой. Между её нахмуренных бровей залегла складка, способная, наверное, испортить зелье одним своим видом.

— Неожиданно, — произнесла она.

«Спасибо. Я тоже рада, что не взорвала нам подвал».

— Почти идеально. В следующий раз добавьте меньше ртути — цвет получится насыщеннее.

После алхимии они с Эльзой поднялись на третий этаж башни Разума. Ступени тянулись вверх нескончаемой спиралью, и к последнему пролёту Амалия уже ненавидела архитектора, башню и собственные лёгкие.

Аудитория магической этики находилась в конце длинного коридора. Стены здесь были обиты тёмно-фиолетовой тканью, а вместо факелов под потолком парили серебристые сферы. Они давали ровный холодный свет и почти не оставляли теней.

Профессор Солон уже ждал у кафедры. На нём была пурпурная мантия факультета Разума.

— Сегодня мы поговорим о границах, — начал он тихо.

— О том, где заканчивается свобода одного человека и начинается свобода другого. Магия — не игрушка и не оружие. Она — ответственность.

Он прошёл вдоль кафедры, всматриваясь в лица студентов. Амалии каждый раз казалось, что на ней его взгляд задерживается чуть дольше положенного.

Да что вы все так смотрите? У меня на лбу руны проступили?

— Представьте, что вы умеете читать чужие мысли, — продолжил Солон. — И узнаете: ваш друг замышляет нечто против вас. Имеете ли вы право вмешаться?

— Да, — сразу ответил кто-то из первого ряда.

— А если он лишь думает о вас плохо и не собирается ничего предпринимать?

На этот раз желающих ответить не нашлось.

— Мысль не является преступлением, — сказал профессор. — Наказывать можно лишь за поступок. Это золотое правило магической этики. И запомните ещё одно: магия не должна подавлять. Её предназначение — помогать, защищать, исцелять. Любое заклинание, подчиняющее чужую волю, карается отчислением. В особо тяжёлых случаях — заключением.

Он привёл примеры: маг, превративший целую деревню в послушных кукол; маг, заставивший соперника признаться в преступлении, которого тот не совершал. В третьем примере менталист стёр память свидетелям, чтобы скрыть собствен-

ную вину.

Какая же мерзость.

— Но это крайности, — продолжил Солон. — Что насчёт тех, кто применяет силу во благо? Тех, кто защищает близких, рискуя собой?

— Это героизм, — заявил парень со Света.

— А если его самого обвинят в нападении? — раздалось с заднего ряда.

— Тогда придётся доказать, что первый удар нанёс не он.

— На этом остановимся подробнее. Поговорим о случаях, когда маг вправе причинить вред другому и не стать при этом преступником.

Он неспешно прошёлся вдоль кафедры, студенты притихли. Амалия покрутила перо между пальцами.

Ну давайте. Расскажите, как правильно поджарить человека заклинанием и остаться приличным членом общества.

— Представьте, что в вас летит боевое заклинание, — сказал Солон. — Вы успеваете поставить щит, но сразу понимаете: противник сильнее. Если продолжите защищаться, долго не продержитесь. У вас появляется единственный шанс ударить на опережение — и вы им пользуетесь. Оправдан ли ваш поступок?

— Да, — без колебаний ответил парень со Стихий. — Это самозащита.

— Верно. Самозащита — первое и главное основание для

применения силы, но усложним задачу.

Солон опёрся ладонями о край кафедры.

— Противник ещё не атаковал. Он только поднял руку, и вы видите, как между его пальцами собирается магия. Вы наносите удар первым. Теперь это самозащита или уже нападение?

По аудитории расплзся шёпот. Кто-то торопливо листал конспект, словно ответ мог прятаться между строчек. Кто-то спорил вполголоса с соседом.

Амалия нахмурилась. Если заклинание уже формируется, ждать удара казалось полным идиотизмом. Хотя закон, судя по всему, предпочитал, чтобы тебя сначала попытались убить, а потом уже разрешал возмущаться.

Очень удобно, особенно для покойников.

— Зависит от обстоятельств, — наконец сказала девушка с факультета Тьмы. — Если перед вами известный преступник и есть доказательства его прошлых нападений, то, возможно, удар оправдан. Но если это незнакомец... Он мог просто поднять руку, чтобы поправить мантию.

Кто-то тихо усмехнулся.

— Точно подмечено, — сказал Солон. — Превентивный удар всегда остаётся спорным. Закон требует доказать, что угроза была реальной и непосредственной. Намерение — ещё не действие.

Он взял со стола кристалл истины. Прозрачный, почти бесцветный, тот лежал на его ладони, а в самой сердцевине

дрожала голубая искра.

Солон поднял кристалл на уровень глаз.

— В подобных случаях решение принимается не только со слов участников. Кристалл истины сохраняет магические следы и позволяет восстановить последовательность заклинаний. С его помощью можно установить, кто начал атаку. Если дело серьёзное, к расследованию привлекают Ищеек.

При упоминании Ищеек по рядам пробежало едва заметное движение.

Амалия слышала о них достаточно, чтобы не хотеть встречаться ни с одной. Эти люди умели находить остаточный след там, где обычный маг не почувствовал бы ничего. Говорили, от них не спасали ни поддельные воспоминания, ни чужая кровь, ни самые хитрые печати.

Прекрасные ребята. Наверняка обожают вламываться без стука.

После «Этики мага» Амалия и Эльза вышли из Башни Разума и свернули за угол — чтобы тут же остановиться.

Коридор был перекрыт.

Ланс со своей свитой занял проход так вальяжно, словно Академию возвели исключительно для того, чтобы ему было где торчать у стен и портить людям день. Сам он стоял в центре с привычной брезгливостью на лице. Из-за неё он выглядел старше, хотя ума она ему, к сожалению, не прибавляла.

Чуть поодаль Кроуфорд подпирал плечом каменную кладку и перебрасывал между пальцами серебряную монету.

Скучающий, расслабленный, будто явился посмотреть чужое унижение и заранее знал, что представление его не разочарует. Третий, худощавый парень с острым, неприятно цепким взглядом, лениво наматывал на запястье кожаный шнурок. Маленький костяной амулет то исчезал в его ладони, то снова выскальзывал наружу.

Внутри у Амалии всё стянулось в тугой узел. Эльза рядом едва заметно напряглась.

— Пойдём другим путём, — тихо предложила она.

С какой стати я должна куда-то сворачивать из-за этого придурка?

Амалия заставила себя продолжить идти спокойно, не ускорять шаг.

Ланс отлепился от стены.

— Смотрите, кто к нам идёт, — протянул он, смакуя каждое слово. — Серая Брандт.

Кроуфорд коротко хмыкнул, не переставая играть с монетой.

— Ты видел её руны?

— Говорят, они даже не светятся.

— Как и её будущее в Академии, — закончил Ланс.

Все трое рассмеялись.

Жар хлынул Амалии в лицо, Эльза осторожно тронула её за рукав.

— Не слушай их, пойдём.

Она потянула Амалию за собой, но та не двинулась. Внут-

ри уже ворочалось буря самых разных эмоций. От нахлынувшей ярости свело челюсть.

Ну уж хрен тебе.

Амалия подняла подбородок.

— Ланс, твои шутки так же убоги, как и ты сам, — произнесла она ровно. — Дай пройти.

Тишина прокатилась по коридору, погасив смешки. Улыбка исчезла с лица Ланса не сразу. Сначала застыла, словно он не поверил, что какая-то Серая посмела ответить, потом медленно сползла, обнажая то, что обычно пряталось за ленивой насмешкой.

Ланс шагнул к ней и окончательно перегородил дорогу. Между ними осталось меньше локтя. Амалия ощутила исходящее от его тела тепло и ненавистный запах дорогого пряного масла. Пришлось запрокинуть голову, чтобы не разорвать зрительный контакт. Ноги требовали отступить хотя бы на шаг, но она вросла подошвами в каменный пол.

Ланс обвёл приятелей взглядом, будто заранее знал, что они оценят следующую шутку.

— И что же тебе придётся сделать, чтобы мы тебя пропустили? — спросил он почти ласково, Амалии тут же захотелось скривиться. Ланс чуть наклонил голову, разглядывая её с откровенным удовольствием. — Может, на колени встанешь?

У Эльзы сорвался короткий вдох.

Вот же ублюдок.

Она смотрела на его плечи, на тень, легшую от подбородка на ворот рубашки, на бровь, насмешливо приподнятую в ожидании её реакции. Хотелось сказать что-нибудь едкое. Что-нибудь такое, после чего он заткнётся хотя бы на минуту. Но в голове было пусто, только мерзкое, предательское. не вздумай заплакать.

За спиной кто-то замедлил шаг. Несколько студентов обернулись, но никто не подошёл. Конечно, зачем вмешиваться, когда можно посмотреть?

Коридор вдруг показался Амалии до смешного узким, и именно тогда за их спинами раздался спокойный голос:

— Или можешь просто уйти.

Все обернулись. В нескольких шагах от них стояла Мариэль. Её наряд был образцом утончённой роскоши: облегающий белый костюм подчёркивал стройность фигуры, а поверх него ниспадал длинный плащ, касавшийся пола. Ткань казалась невесомой, но при этом благородно плотной. Золотые узоры, вышитые на рукавах и вдоль края плаща, напоминали древние руны или ветви волшебных деревьев. Волосы, собранные в высокий хвост, лишь усиливали ощущение собранности и внутренней силы, заключённой в этой изящной оболочке.

Мариэль скрестила руки на груди и смотрела на Ланса как на мешок мусора.

— Мы просто...

Кроуфорд перестал крутить монету между пальцами, тре-

тий парень отвёл взгляд. Мариэль даже не посмотрела на них.

— Отойдите.

Ланс усмехнулся.

— Но она же...

— Я сказала: отойдите. — Мариэль медленно перевела взгляд на него.

Ланс почему-то больше не стал спорить.

Амалия видела, как напряглась его челюсть, как пальцы сжались в кулак и тут же разжались. Ему хотелось огрызнуться, это было видно. Хотелось послать Мариэль куда подальше, сохранить перед приятелями лицо, сделать вид, будто ему плевать. Только вот он не сделал ничего из этого. Наоборот, отступил на полшага как послушный пёс. Кроуфорд следом убрался с дороги, а за ним и третий парень. Проход открылся.

Ланс прошёл мимо нарочито медленно, не отрывая глаз от Амалии. Злость в его взгляде была почти осязаемой, но под ней таилось кое-что хуже — обещание, которое он даже не пытался скрыть.

Тебе крышка.

Амалия выдержала его взгляд и не отступила, хотя сердце колотилось так, будто пыталось проломить рёбра и сбежать без неё. Пусть подавится своей угрозой. Она не доставит ему удовольствия увидеть её страх.

Ланс отвернулся первым. Смех его приятелей ещё ка-

кое-то время метался под сводами, а затем шаги стихли в дальнем коридоре. Только тогда Амалия позволила себе выдохнуть сквозь стиснутые зубы, стараясь не показать, как дрожат колени. Мариэль приблизилась и скользнула по ней быстрым, цепким взглядом, будто проверяла, не успел ли Ланс оставить на ней что-нибудь, кроме своей поганой угрозы.

— Ты в порядке?

— В порядке.

Эльза всё ещё стояла рядом. Она выглядела бледной и натянутой, как струна. Её пальцы крепко обхватывали локоть Амалии, словно она боялась, что та сейчас либо упадёт, либо бросится следом за Лансом и закончит начатое. Мариэль ещё несколько секунд смотрела в коридор, куда он ушёл.

Наконец она повернулась к Амалии.

— Не нарывайся, — произнесла Мариэль негромко. — Он злопамятный.

Серьёзно? А я-то решила, что этот ублюдок просто не умеет достойно проигрывать.

Амалия уже открыла рот, чтобы поблагодарить её, но слова застряли. Вместо них на язык полезли вопросы. Почему Мариэль снова оказалась рядом именно тогда, когда стала нужна? Почему вмешалась? И какого чёрта защищала рун-

ных студентов, если так старательно изображала, будто весь остальной мир вызывает у неё одну лишь скуку?

Но Мариэль не оставила ей ни единого шанса спросить. Она развернулась и ушла. Платиновые волосы скользнули по спине холодным серебром, белая мантия мелькнула среди студентов, и через несколько мгновений Мариэль исчезла в толпе.

После неё остался лишь тонкий запах морозных цветов и слишком много вопросов, чтобы Амалия могла просто выбросить её из головы.

После трёх пар Амалия едва соображала. Голова гудела от дат и магических законов, а встреча с Лансом всё ещё сидела занозой под рёбрами. Попрошавшись с Эльзой, она направилась к Башне Рун.

Лориан ждал её.

В кабинете горела единственная лампа. За высокими окнами сгущались сумерки, превращая Академию в холодный синий силуэт.

Амалия задержалась на пороге. Лориан поднял глаза от разложенных на столе инструментов.

— Ты опоздала на три минуты.

— Лекция затянулась.

Она закрыла дверь, щёлкнул замок.

Лориан взял кисть.

— Раздевайся.

Лориан, не могли бы вы подбирать слова? А то я уже веду себя, как идиотка.

Амалия сняла мантию и повесила её на стул. Под ней осталась простая льняная рубашка, которая под его взглядом вдруг показалась неприлично тонкой. Приблизившись, Лориан остановился почти вплотную. От него пахло пергаментом и горькими травами.

— Повернись.

Амалия послушалась. Несколько мгновений он ничего не делал. Эта пауза действовала хуже любого прикосновения. Затем его ладони легли ей на плечи. Лориан осторожно взялся за ворот рубашки, молча ожидая разрешения. Амалия не обернулась — только выдохнула, давая понять что готова. Он медленно спустил ткань сначала с одного плеча, потом с другого, открывая верх спины. Холод коснулся обнажённой кожи, а следом и его дыхание.

Амалия закрыла глаза. По позвоночнику прошла дрожь, пальцы сжались.

Вот дерьмо.

— Не бойся, — тихо произнёс Лориан.

— Я не боюсь.

— Тогда не дрожи. — его дыхание снова обожгло затылок.

Лориан взял кисть. Амалия слышала, как стеклянный флакон тихо звякнул о край стола, а затем его пальцы вновь легли ей на плечо.

— Я нанесу руну на спину, — сказал он. — Там её никто

не увидит. Только ты.

— И вы.

Слова вырвались раньше, чем Амалия успела их проглотить. За её спиной стало тихо, невыносимо тихо.

— И я, — произнёс Лориан наконец.

Кисть легла между лопаток. Первый холодный штрих заставил её напрячься. Лориан вёл линию медленно и точно, без единого лишнего движения. За первой появилась вторая, затем третья. Тёмный состав скользил по коже ледяными дорожками, но холод быстро уходил вглубь и там превращался в тепло.

Лориан работал молча. Иногда его пальцы касались её спины: придерживали ворот, чуть поворачивали плечо, проверяли изгиб знака. Ничего лишнего.

Тогда какого чёрта каждое касание отзывалось у неё ниже живота?

Амалия крепче ухватилась за край стола.

Соберись. Он рисует руну, а не соблазняет тебя. Наверное.

— И что вы на мне пишете? — спросила она, стараясь не выдать голосом ни дрожь, ни собственную глупость.

— Руну «Связывание».

— А что именно она связывает? — кисть вновь прошлась по коже, и Амалия прикусила внутреннюю сторону щеки.

— Магические потоки. Те, которые в твоём теле оборваны или перекрыты. Твоя магия похожа на старый замок. Во-

рота заперты. Проходы заложены камнем. На дверях столько засовов, будто тот, кто их ставил, боялся не того, что про-никнет внутрь...

Он выдержал короткую паузу.

— ...а того, что однажды вырвется наружу.

По рукам Амалии выступили мурашки.

Последний штрих лёг на кожу. Почти болезненно-сладкое тепло медленно прокатилось вдоль позвоночника. Амалия резко втянула воздух.

Лориан отнял кисть, деревянная ручка с тихим стуком легла на стол, но его ладонь всё ещё оставалась на её спине.

Лориан сделал шаг ближе. Пространство между ними сузилось до критического минимума. Амалия физически ощущала каждый контур его тела, бешеный стук его сердца и обжигающий жар, исходящий от груди.

— Теперь смотри, — сказал он. Его голос прозвучал у самого уха, низкий и тихий. Амалия вздрогнула, и руны на спине отозвались теплом.

Лориан подвёл её к зеркалу, Амалия подняла взгляд.

Золотые линии переплетались между лопаток, спускались вдоль позвоночника и расходились по коже сложным узором.

— Красиво, — выдохнула она.

— Ты красива.

Амалия встретилась с его отражением. Во рту мгновенно пересохло.

— Профессор...

— Лориан, — напомнил он вполголоса.

Сердце с размаху ударило о рёбра. Руны вспыхнули ярче, безжалостно выдав её.

Ну конечно. Почему бы магии не сообщить ему, что я сейчас вообще не соображаю?

Золотой свет скользнул по лицу Лориана и отразился в глазах, растопив привычную черноту. Теперь они казались тёплыми.

— Лориан, — повторила она едва слышно.

Монтгомери медленно вдохнул. На мгновение Амалии показалось, что его самообладание дало трещину, но Лориан ничего не сказал.

Между ними оставалось всего несколько жалких сантиметров. Она чувствовала тепло его тела, слышала дыхание и не понимала, кто из них подался ближе. Может, никто. Может, её обманывали зеркало, полумрак и проклятое сердце, которое уже явно жило собственной жизнью.

Низ живота стянуло горячим узлом.

Только этого не хватало.

Лориан поднял руку, кончики его пальцев бережно легли на край руны. Он не нарушил ни одной линии, но прикосновение прошло по Амалии до самого позвоночника. Она прикусила щёку изнутри, удерживая вздох. Судя по его взгляду, недостаточно хорошо.

— Запомни это чувство. Мгновение, когда внутри тебя

что-то просыпается.

Их глаза встретились в зеркале.

— Не бойся его, не пытайся задушить. И никогда не называй слабостью то, что однажды станет твоей силой. Прими это.

Слова скользнули под кожу глубже рун, а потом Лориан убрал руку и отступил.

Амалия осталась перед зеркалом, глядя на золотые письмена. Она пыталась понять, что, боги, сейчас произошло.

Лориан отвернулся к столу.

— Одевайся.

Голос вновь стал ровным и собранным, только Амалия уже слышала короткое промедление перед приказом.

Она медленно надела рубашку. Ткань скользнула по чувствительной коже, заставив руны снова нагреться. Пуговицы никак не желали попадать в петли — пальцы дрожали, предатели чёртovy.

Когда последняя застёжка скрыла золотой узор, кабинет снова погрузился в мягкий полумрак. Лориан уже сидел за столом. Он взял перо и склонился над бумагами, будто несколько мгновений назад не смотрел на неё так, что у неё едва не подогнулись колени.

— Ты свободна, — сказал он, не поднимая глаз.

Свободна, как же. Теперь я связана с вами сильнее, чем прежде.

Амалия задержалась у двери.

— Лориан?

Он поднял голову от бумаг, одна бровь чуть приподнялась.

— Да?

Теперь отступить было поздно. Хотя сбежать из кабинета и притвориться, что она вообще сюда не заходила, всё ещё казалось отличным планом.

— Осенний бал... — начала Амалия и тут же прокляла себя за дрогнувший голос. — Вы пойдёте?

Лориан медленно отложил перо. Этот простой жест заставил её сердце заколотиться ещё сильнее.

— Обычно я избегаю подобных мероприятий.

— Но в этом году могли бы сделать исключение.

Твою ж, это прозвучало почти как требование.

— Зачем?

Амалия открыла рот и не нашла ни одного безопасного ответа. Сказать правду? «Потому что я хочу провести вечер с вами. Хочу увидеть вас не профессором, а мужчиной. И, возможно, совершить ещё несколько крайне неразумных вещей».

Прекрасный способ умереть от стыда прямо на месте.

— Чтобы составить мне компанию, — наконец сказала она.

В кабинете стало мучительно тихо. За окном над башнями проступали первые звёзды, но Амалия смотрела куда угодно, лишь бы не встречаться с ним глазами. Смелость, которая

толкнула её на этот разговор, сдохла быстро и бесславно.

— Ты приглашаешь меня на бал, Амалия?

В его голосе прозвучала едва заметная удивлённая усмешка.

— Да, — выдавила Амалия. — Приглашаю. Все будут в масках, никто не узнает вас.

— Меня беспокоит не это.

— А что тогда? — Амалия замерла.

— *Причина*, по которой ты хочешь видеть там именно меня?

К щекам снова прилил жар.

Ну разумеется. Почему он не мог просто согласиться, не выворачивая меня наизнанку одним вопросом?

— Возможно, мне нравится ваша компания.

— Возможно?

— Не заставляйте меня повторять. — на этот раз он усмехнулся открыто.

Лориан выдержал паузу, будто решение всё ещё требовало размышлений, хотя взгляд уже выдал его.

— Хорошо, — произнёс он. — Я приду, в маске.

Сердце ухнуло вниз и тут же забилось где-то в горле.

— Правда?

— Я похож на человека, который даёт обещания ради вежливости?

Нет. Он был похож на человека, который либо не обещает ничего, либо переворачивает твой мир одним коротким

«да».

— Спасибо, — прошептала Амалия.

— Не благодари раньше времени. Ты ещё можешь пожалеть, что пригласила меня.

В его голосе не было угрозы, но по коже всё равно пробежала горячая дрожь.

— Сомневаюсь.

Взгляд Лориана скользнул по её лицу и на мгновение задержался на губах. Или ей показалось? Да чтоб его. Теперь она будет вспоминать это до самого бала.

— Иди, Амалия, — мягко сказал он. — Тебе нужно отдохнуть.

Она кивнула и направилась к двери, из последних сил сохраняя достойный вид. Только оказавшись в коридоре, Амалия прислонилась спиной к холодному камню и закрыла лицо ладонями.

— Я в полной жопе, — выдохнула она, не в силах сдержать улыбку.

Через два дня, возвращаясь с утренней лекции, Амалия увидела у двери своей комнаты небольшой свёрток. Тёмно-синяя ткань тускло поблёскивала в полумраке коридора. Серебряная лента мерцала, выпуская едва заметные искры магии.

На ярлычке значилось всего два слова:

«Брандт А.»

— Это ещё что? — Мила немедленно заглянула ей через плечо. Любопытство вспыхнуло в её голосе с такой силой, словно свёрток адресовали лично ей. — Только не говори, что ты завела тайного поклонника и молчала. Я такого предательства не переживу.

Под рёбрами неприятно шевельнулось предчувствие. Подарков без причины не бывает. Особенно оставленных под дверью без единого слова.

Амалия наклонилась и осторожно подняла свёрток. Тот оказался почти невесомым.

— Открывай, — потребовала Мила и даже подпрыгнула от нетерпения. — Немедленно! Пока я не сделала это за тебя.

Эльза тоже подошла ближе. Обычно сдержанная, сейчас она даже не пыталась изображать равнодушие. Её взгляд прошёлся по ткани, задержался на серебряной ленте, а затем на имени.

— Сначала проверь чары, — посоветовала она.

— Спасибо, — пробормотала Амалия. — Теперь я ещё и взрыва жду.

Проклятья не ощущалось, лишь слабое, ровное тепло, исходившее от ленты. Наверное, это должно было успокаивать. Ни черта не успокаивало.

Амалия потянула за узел. Серебряная лента дрогнула и сама скользнула из-под её пальцев.

На мягкой подкладке лежала серебристо-алая маска. По краям тянулась сложная вязь: завитки сталкивались с остры-

ми линиями, мелкие рунические изгибы прятались один в другом, вынуждая взгляд следовать за ними всё дальше. Казалось, ещё немного — и узор сложится в послание. Алые фрагменты отливали густым винным цветом; серебро отвечало холодными вспышками всякий раз, когда на него падал свет из окна.

Амалия взяла маску за край. Материал под пальцами был гладким, похожим на зачарованный шёлк, но форму держал безупречно. Внутри угадывалась тончайшая магическая основа. И чертовски дорогая.

— Охренеть, — благоговейно выдохнула Мила. Она потянулась к маске, но остановила пальцы в нескольких волосках от неё. Затем обошла Амалию, наклонилась то с одной стороны, то с другой и тихо присвистнула. — Ты вообще понимаешь, что держишь?

— Судя по твоему лицу, нечто, за что меня скоро ограбят.

— Это не просто «нечто». Ручная работа, зачарованный шёлк, серебряная нить... — Мила сощурилась, всматриваясь в вышивку. — Нет, погоди. Здесь примесь лунного металла.

Она выпрямилась и посмотрела на Амалию так, будто та только что призналась в помолвке с наследным принцем.

— Я видела похожие изделия на выставке артефактов в западном крыле. Они стоят неприлично дорого. Не как «пропустить пару ужинов», а «продать фамильный дом и ещё остаться должной» дорого! Не каждый студент может себе

такое позволить. Да что там студент — не каждый взрослый маг.

— Шикарная, — негромко произнесла Эльза.

Амалия перевернула маску, и из складок ткани выпала записка. Плотная кремовая бумага медленно опустилась на каменный пол. Амалия подняла её и развернула.

«Эта маска создана специально для тебя. Я буду рад, если ты наденешь её».

В коридоре повисла тишина. Даже Мила замерла с приоткрытым ртом. Эльза переглянулась с ней и вновь посмотрела на Амалию, теперь внимательнее.

Сердце Амалии забилось быстрее. Она взглянула на маску, и мысли сами собой вернулись к Лориану. К полумраку его кабинета, к тёплому свету лампы, к его пальцам, выводящим руны на её коже.

Неужели это он?

Чем дольше Амалия разглядывала подарок, тем сильнее крепла уверенность. Холодная точность работы напоминала Лориана. Ни один студент не смог бы заказать такую вещь — из зачарованного шёлка, с серебряной нитью и вплетённым в неё лунным металлом; с живой рунической вязью, почти незаметной для неопытного глаза.

— Ну, теперь точно поклонник, — прошептала Мила. — И какой романтичный...

Амалия почти не слышала её. Перед глазами вновь возникло старое зеркало, золотые линии на её спине и Лориан,

стоявший позади.

«Эта маска создана специально для тебя».

Слова отзывались внутри странной нежностью.

— Это он, — тихо сказала Амалия.

— Кто? — моргнула Мила.

Амалия подняла глаза. На губах появилась робкая, взволнованная улыбка.

— Лориан.

— Профессор Монтгомери? Тогда почему анонимно? — Мила ахнула так громко, что в конце коридора обернулись двое первокурсников. Эльза лишь приподняла бровь.

Амалия снова посмотрела на маску. Алое и серебряное сияние дрожало в её руках, словно пламя, пойманное в лунный свет.

— Не знаю.

Но в глубине души она догадывалась. Лориан не вручил бы ей подарок среди бела дня, не позволил бы слухам расползтись по Академии. Он оставил бы знак; такой, который могла понять только она.

Глава 7

Осень уже наступила. За окном давно не было того золотого заката, каким Амалия любовалась в первые дни. Теперь небо по утрам было бледным, почти прозрачным, а по стеклу сбегали мелкие капли дождя, оставляя за собой мутные дорожки.

На тренировочной арене царила особая атмосфера. Близнецы Акияма отрабатывали связку приёмов, их движения были отточены до совершенства. Макото двигался с грацией хищника, его катана рассекала воздух с тихим свистом. Рин, более лёгкая и стремительная, словно танцевала между атаками, используя силу противника против него самого.

Рин первой прервала тренировку, заметив, что брат сегодня был не собран. Она опустила меч и вытерла пот со лба тыльной стороной ладони. Макото стоял напротив, тяжело дыша.

— Что с тобой?

— Вспоминаю прошлое... И пытаюсь понять, в какой момент всё стало другим.

— Ты ведь знаешь, что я тебя не оставлю? Когда Совет узнал о твоей силе Рун, я осталась рядом.

Макото опустил голову. Перед глазами возник тот зал: своды, теряющиеся в пурпурном дыму, бесцветное сияние кристаллов и наставники, разом превратившиеся в незна-

комцев.

— Они называли меня предателем, — глухо проговорил он.
— Сказали, что я намеренно скрывал свою истинную природу.

— Но ты её не скрывал, — в голосе Рин появилась сталь.
— Стража Мнемосии потеряла право судить нас в тот миг, когда наказала тебя не за поступок, а за кровь.

Рукоять меча впилась в ладонь, пальцы сжались до дрожи. По запястью метнулась нить рунического света. Он отвернулся, собираясь спрятать руку, но Рин поймала её раньше: без колебаний сомкнула пальцы на его запястье.

— Мы вместе прошли академию боевых магов; учились падать так, чтобы успеть подняться прежде, чем нас добьют. Стояли на испытаниях, после которых других уносили с арены; защищали границы; хоронили тех, кого не сумели вытащить. И ты правда думаешь, что после всего этого какой-то Совет решит за меня, кто ты? Мы выжили потому, что, когда один из нас падал, второй не спрашивал разрешения его поднять.

Макото поднял на неё глаза. Боль из них никуда не делась, но теперь сквозь неё пробивалось тихая благодарность, для которой он, как обычно, не мог подобрать слов. Макото смотрел на сестру и будто заново осознавал простую вещь: даже если однажды весь мир отвернётся и назовёт его чужаком, останется человек, который помнит его настоящим.

— Ты всегда была моей опорой, без тебя я бы там не вы-

жил.

— А без тебя я бы перестала быть собой, — Рин едва заметно улыбнулась.

Слова застряли в горле, и в воздухе повисла гнетущая пустота. Рин терпеть не могла такие моменты. Ещё немного — и они оба окончательно размякнут. Этого только не хватало.

Она первой разжала пальцы, отпуская его руку, и отступила.

— Продолжим тренировку? — в её голос вернулась привычная дерзость, а в фиолетовых глазах вспыхнул самоуверенный блеск. — Покажи чего стоят твои руны в настоящем бою.

— Только пообещай, что не станешь использовать свои особые приёмы.

Рин медленно выгнула бровь.

— Договорились. — она подмигнула и прокрутила меч в ладони. Клинок рассёк воздух, оставив за собой серебряную дугу. — Но не обольщайся. Я всё равно надеру тебе задницу.

— Это мы ещё посмотрим, — Макото тихо рассмеялся.

Он поднял меч и принял стойку, Рин сорвалась с места.

Арена ожила. Клинки высекали искры, магия вздрагивала в воздухе, руны вспыхивали в такт ударам. Там, где несколько мгновений назад звучали болезненные признания, теперь оставались лишь свист стали, сбившееся дыхание и азарт двоих, которые наконец снова узнали друг друга.

Через час студенты первого курса начали стекаться на арену. Под каменными сводами гудели голоса, звенели пряжки, шуршала плотная ткань выданной формы. Сегодня магов переодели в военное обмундирование — почти такое же, какое носили «Стальные клинки». Куртка непривычно стягивала плечи, высокий воротник натирал шею, а пояс с нож-

нами казался слишком тяжёлым. Амалия чувствовала себя не воительницей, а девчонкой, случайно забредшей туда, где людей учат убивать.

Коргат вышел на середину арены и велел разбиться на пары. На этот раз первым к Амалии подошёл Дормиэль.

— Готова? — спросил он.

— Да. — ложь вышла короткой и вполне убедительной. Жаль, что скрутившийся узлом живот не умел притворяться.

На другом конце арены Кассиан встал напротив парня со Стихий. Тот держал клинок уверенно, без лишнего напряжения. Похоже, сегодня Кассиану достался противник, которого не придётся учить, с какой стороны хвататься за рукоять. Тёмный маг окинул арену холодным взглядом и остановился на Амалии. Кассиан не улыбнулся, даже бровью не повёл. Но от его взгляда у неё по спине пробежало тепло, совершенно неуместное на тренировочной арене.

Дормиэль показывал неторопливо приёмы, Амалия помнила эти движения с прошлого занятия. Тело больше не сопротивлялось каждому приказу. Она не вцеплялась в рукоять до побелевших пальцев и не шарахалась от чужого клинка. И всё же чужое внимание ощущалось кожей. Амалия поднимала глаза — и всякий раз натывалась на взгляд Кассиана. Даже сражаясь со своим противником, он умудрялся следить за ней.

— Не отвлекайся, рунная леди, — негромко произнёс Дормиэль. Его пальцы легко коснулись её плеча.

Амалия вздрогнула, словно её резко выдернули из глубокой воды.

— Прости, — выдохнула она и крепче перехватила рукоять тренировочного меча.

— Ничего. Ещё раз.

Она кивнула.

Стопы устойчивее, плечи опустить, не смотреть на клинок, а следить за корпусом противника. Так объяснял Кассиан. То же самое сейчас повторял Дормиэль, но в голове почему-то звучал другой голос — низкий, насмешливый и невыносимо спокойный.

Проклятье.

— Хорошо, теперь быстрее.

Амалия сжала рукоять. На этот раз, когда она двинулась вперёд, то не стала искать взгляд Кассиана.

Пусть смотрит.

Темп изменился мгновенно. Металл зазвенел жёстче, удары посыпались один за другим. Дормиэль больше не берёт её. Его движения стали быстрее и чище, и Амалии пришлось выскрести из себя всё внимание до последней жалкой крохи. На лбу выступил пот. Выбившаяся прядь прилипла к виску, дыхание сбилось, в лёгких начало саднить. Но сквозь усталость пробивалось упрямое, почти злое удовольствие. Тело наконец соотносилось быстрее головы.

— Ещё, — бросил Дормиэль.

Амалия стиснула зубы.

Он рванулся вперёд слишком быстро. Выпад вышел резким, и на какую-то долю мгновения потерял точность. Клинок скользнул вдоль её защиты, ушёл с нужной линии, и холодная сталь чиркнула Амалию по предплечью.

На краю пореза налилась капля крови, тяжело дрогнула и поползла вниз, оставляя за собой яркий след.

— О Небо, Амалия! — Дормиэль отпрянул так резко, будто сталь полоснула не её, а его. Меч выскользнул из пальцев и с тяжёлым стуком упал на песок. — Прости. Я не хотел... Я...

Амалия опустила взгляд на предплечье. Рана была противной и жгучей, но не опасной. Кровь сочилась лениво, тонкой нитью.

— Ничего страшного, просто царапина.

Подумаешь, разрезал руку. Обычный учебный день.

Она уже полезла в карман за платком, когда рядом возник Кассиан. Ещё секунду назад он с привычной скукой отражал чужие удары. Теперь между ними оставался один шаг, а от его равнодушия не осталось ничего.

На лице Кассиана проступило такое открытое беспокойство, что Амалия едва не забыла о боли.

Где твоя обычная ледяная роза, Кассиан?

— Дай посмотрю.

Кассиан оттеснил грубо оттеснил Дормиэля плечом. Раздражение вспыхнуло в Амалии горячей волной.

Да что вы себе позволяете, оба!

— Я в порядке.

Кассиан перехватил её за запястье и повернул руку к свету. Тёмные пряди упали ему на лоб, когда он склонился над порезом. Вблизи напряжение на его лице читалось слишком ясно: застывшая челюсть, потемневший взгляд и страх, который он не успел скрыть.

Амалия смотрела на него и злилась.

— Ты всегда настолько неосторожна? — спросил Кассиан сквозь зубы.

— Это не её вина, — вмешался Дормиэль, с лица у него ещё не сошла бледность. — Я ошибся.

Кассиан медленно выпустил запястье Амалии и повернулся к нему. Что-то изменилось прежде, чем один из них успел заговорить. Воздух между магами уплотнился, наполнился немой угрозой.

— Твоя ошибка могла стоить ей жизни, — процедил Кассиан, целиком развернувшись к Дормиэлю, больше не глядя на Амалию. — Ты понимаешь, что натворил?

— Понимаю лучше тебя, — в голосе Дормиэля впервые звякнул металл. — И вижу, что рана неглубокая.

— Значит, ей повезло.

— Это учебная арена, Кассиан. Здесь бывают травмы.

— Когда клинок держит рука, которая не умеет с ним обращаться.

— Я умею. — Взгляд Дормиэля стал на секунду пугающим.

— Сегодня ты доказал обратное.

Амалия шагнула между ними раньше, чем здравый смысл успел её остановить.

— Хватит! Оба! Я вам не кукла, чтобы делить меня посреди арены. И забота твоя, Кассиан, мне не нужна.

Голос почти утонул в грохоте тяжёлых шагов. Коргат возник рядом бесшумно, невозможно бесшумно для человека такого сложения. Одно его присутствие оборвало спор надёжнее самого зычного окрика. Широкоплечий, с лицом, будто вытесанным из камня, он обвёл всех троих коротким, тяжёлым взглядом.

— Довольно.

Дормиэль отвёл глаза. Кассиан сжал челюсть так, что на скуле дёрнулась жилка, но смолчал. Коргат опустил взгляд на меч, брошенный в песок, затем на окровавленное предплечье Амалии. Несколько долгих секунд он изучал порез с полнейшим, почти пугающим спокойствием.

— Амалия, обработай рану, а для тебя, Кассиан, занятие не закончено.

— Но... — Кассиан вскинул голову резче, чем следовало.

— Я сказал — не закончено.

От голоса Коргата веяло такой непреклонностью, что спорить не хотелось.

Амалия молча пошла к аптечке у стены, каждой клеткой кожи чувствуя два взгляда, впившихся в спину. Один — тяжёлый, мрачный, почти прожигающий насквозь. Другой —

совсем иной: виноватый, светлый, полный раскаяния, которое хотелось одновременно оттолкнуть и утешить.

Эльза догнала её через несколько шагов.

— Ты как? — спросила она, когда они отошли достаточно далеко, чтобы их не слышали остальные.

— Нормально, просто царапина, — Амалия открыла деревянный ящик с целебными мазями и бинтами.

— Кассиан выглядел так, будто тебя смертельно ранили.

Амалия нахмурилась, снимая крышечку с маленькой баночки. От мази пахло мятой, смолой и чем-то горьким. Она нанесла её на порез и поморщилась, когда кожу зашипало.

— Кассиан всегда выглядит так, будто весь мир лично его оскорбил.

Через несколько дней после происшествия на арене Дормиэль отыскал Амалию в библиотеке. Она сидела над раскрытым трактатом, уже в третий раз перечитывая одну и ту же строку. Без толку. Руны расползались перед глазами и складывались в совсем другие образы: гладкую поверхность маски, тёмный силуэт Лориана, залитый огнями бальный зал.

Бал.

Он приближался с какой-то издевательской скоростью, таща за собой всё, к чему Амалия ни фигу не была готова: музыку, разговоры, танцы, сотни чужих глаз и правила, о существовании которых она наверняка узнает лишь после того,

как успеет их нарушить.

Она так глубоко закопалась в собственные тревоги, что не слышала шагов.

Между стеллажами скользнула светлая фигура. Дормиэль остановился напротив, но Амалия даже не подняла головы. Тогда он без единого слова положил ладонь на раскрытые страницы и захлопнул книгу.

Глухой удар прокатился под библиотечными сводами.

Амалия вздрогнула так сильно, что едва не опрокинула чернильницу.

— Ты совсем с ума сошёл? — прошипела она, прижимая ладонь к груди. Сердце там билось, как бешеное.

Спасибо, Дормиэль. Ещё немного — и никакого бала не понадобится. Меня просто похоронят вместе с проклятым учебником.

Он стоял перед ней с самым невозмутимым видом. Светлая мантия ниспадала безупречными складками, волосы были аккуратно убраны назад. Только в глазах горело уже знакомое упрямство.

— Мы идём танцевать.

Амалия несколько раз моргнула.

— Что?

— Танцевать, — терпеливо повторил он, будто это она сейчас вела себя странно. — Ты когда-нибудь танцевала на балу?

Она отвела взгляд. Вот же гад. Даже врать не пришлось —

ответ и без того был написан у неё на лице. В прошлом Амалии Брандт не нашлось места ни сияющим залам, ни шелесту дорогих платьев, ни поклонам, отточенным до кончиков пальцев. Её никто не учил скользить по паркету, улыбаться незнакомцам и делать вид, будто ей не хочется сбежать через ближайшее окно. Танцевать перед толпой казалось страшнее, чем снова выйти на арену с мечом. На арене хотя бы знаешь, кто хочет тебя ударить, на балу все улыбаются.

— Я справлюсь, — сказала она. Прозвучало жалко. Настолько, что Амалия мысленно выругалась и выпрямила спину, словно это ещё могло спасти остатки её достоинства.

— Несомненно. Но будет проще, если ты хотя бы пару раз потренируешься до того, как на тебя начнёт смотреть весь зал.

Точно в больное место.

Амалия поджала губы. Её бесила сама мысль, что кто-то станет поправлять её осанку, указывать, куда деть руки, как повернуть голову и с какой ноги, чтоб её, начинать.

Вот же светлый, благородный засранец.

Амалия шумно выдохнула и положила ладонь на закрытую книгу, будто официально признавая своё поражение.

— Хорошо. Давай попробуем, — сказала она и тут же строго подняла палец. — Но только пообещай, что не будешь смеяться, когда я отдамлю тебе ноги.

— Не буду, — с убийственной серьёзностью произнёс он и протянул ей руку. — По крайней мере, вслух.

Танцевальный зал встретил их величественной тишиной. Он находился в восточном крыле Академии, куда Амалия прежде почти не заходила. Высокие зеркальные стены отражали приглушённое сияние магических светильников, и казалось, будто пространство множится до бесконечности: арки, колонны, полированный пол, бледное золото огней, их собственные силуэты — всё повторялось снова и снова, теряясь в глубине отражений. Пол блестел, словно застывшая вода.

Дормиэль подошёл к небольшой хрустальной сфере на резной подставке и коснулся её пальцами. Внутри сферы вспыхнуло мягкое сияние. Через мгновение по залу разлилась музыка — медленная, печальная мелодия вальса, будто сотканная из лунного света и далёких воспоминаний.

Амалия замерла. В музыке слышалось что-то тревожное и до странности прекрасное. Каждый новый аккорд будто задевал внутри туго натянутую струну.

Дормиэль вернулся к ней. Его ладонь легла ей на талию. От этого спокойного прикосновения спина напряглась, а дыхание на миг сбилось. Другой рукой он взял её ладонь. Амалия осторожно коснулась его плеча, стараясь выглядеть так, будто всё происходящее несколько её не волновало. Получалось, вероятно, отвратительно.

— Расслабь плечи, слушай ритм и не торопись. Я поведу. Именно это оказалось самым трудным — позволить ему вести. Амалия привыкла полагаться только на себя. Удержи-

вать равновесие, даже когда почва уходила из-под ног. Не ждать, пока кто-нибудь подхватит. Но танцу было плевать на её упрямство. Стоило ей шагнуть раньше — движение рассыпалось. Она медлила, и музыка уходила вперёд, оставляя её позади. Во время первого поворота Амалия со всей неловкостью наступила Дормиэлю на ногу.

Он даже не поморщился.

— Я предупреждала, — буркнула она, чувствуя, как горят щёки.

— А я всё ещё жив, — невозмутимо заметил Дормиэль.
— Продолжим.

Первые минуты превратились в борьбу с собственным телом. Ноги не слушались, мышцы оставались скованными, повороты начинались раньше, чем она успевала понять, куда её ведут. Амалия то упрямо смотрела себе под ноги, то забывала о руках, то отступала так резко, будто не танцевала, а уходила от удара. Дормиэль терпеливо направлял её, замедлял шаг, если она не успевала, и незаметно возвращал в ритм.

— Закрой глаза.

Амалия тут же напряглась.

— Зачем?

— Чтобы перестать смотреть на собственные ошибки.

Она уже приготовилась возразить, но подняла на него взгляд и осеклась. На его лице не было ни намёка на насмешку или подлую хитрость. Амалия выдохнула и закрыла гла-

за, Дормиэль сделал первый шаг. Её тело постепенно перестало спорить. Музыка вошла в кровь, напряжение начало отступать. Она больше не считала каждый шаг, не цеплялась мыслью за каждую ошибку. Когда Амалия открыла глаза, зал уже не казался таким огромным. Они скользили по его зеркальной тишине, а отражения плыли рядом: светлая фигура Дормиэля и она сама, непривычная себе в этом мягком, почти хрупком движении.

С того дня уроки вошли в привычку. Каждое утро Амалия и Дормиэль приходили в танцевальный зал, когда Академия только начинала просыпаться.

Амалия злилась, когда ошибалась, и хмурилась, когда сбивалась. Иногда останавливалась посреди зала и заявляла, что бальные танцы придумали люди, которым было нечем заняться, кроме как мучить других.

— Ещё раз? — спрашивал он.

— Я только что сказала, что это пытка.

— Значит, ещё раз, но медленнее.

И она возвращалась, потому что с каждым утром становилось легче, потому что Дормиэль не позволял её раздражению превратиться в стыд.

Постепенно танец перестал быть испытанием. В эти часы Амалия могла не думать о предстоящем бале, хотя именно к нему готовилась. Могла забыть о маске, Лориане и тайнах, которые с каждым днём становились всё тяжелее. В объятиях музыки, под уверенным ведением Дормиэля мир делался

проще. В нём оставались только ритм, дыхание, скольжение по гладкому полу и его негромкий голос рядом.

К вечеру третьего дня Амалия уже держалась иначе. Она и сама заметила бы это, если бы не боялась признать. Спина стала ровнее, движения — мягче, а взгляд — увереннее. Когда Дормиэль повёл её через зал в последнем вальсе, Амалия вдруг поняла, что больше не думает, куда поставить ногу. Она по-настоящему танцевала. Дормиэль смотрел на неё внимательно, с тихой гордостью, которую даже не пытался скрыть.

После последней тренировки Амалия вышла из танцевального зала разгорячённая, приятно уставшая, с музыкой, всё ещё пульсировавшей где-то под кожей. Ноги помнили рисунок вальса, ладонь — тепло руки Дормиэля, а в голове стояла непривычная, почти невесомая ясность.

Она успела сделать всего несколько шагов и едва не врезалась в Кассиана. Он стоял у колонны так, словно ждал именно её. В последнее время эта его привычка возникать на пути начинала пугать своей предсказуемостью. Кассиан не шевельнулся, только проводил её взглядом из-под тёмных пряжей, беспорядочно упавших на лоб. Рукава рубашки были снова закатаны до локтей, обнажая сильные предплечья и тонкие белёсые следы старых порезов. Под глазами залегли тени. Выглядел он так, будто давно не спал.

Его присутствие мгновенно разнесло спокойствие Амалии к чёрту, вселяя раздражение и настороженность.

— Чего такая задумчивая, Рыжая? — Его хрипловатый

голос разрезал тишину коридора.

— Не твоё дело.

Она попыталась пройти мимо, но Кассиан лениво шагнул в сторону, преграждая ей путь.

Ну конечно, а просто постоять и не бесить меня, видимо, ты не умеешь?

Амалия подняла голову. В серо-зелёных глазах, тронутых у зрачков золотистыми крапинками, сегодня было что-то непривычное.

— Пропусти.

Вместо ответа он сделал шаг ближе. Расстояние между ними сократилось до неприличного. Амалия ощутила исходящее от него тепло, уловила запах дыма и можжевельника. Сердце тут же ударило сильнее.

— Не торопись, — неожиданно мягко сказал Кассиан. — Я всего лишь хочу поговорить.

Несколько дней рядом с Дормиэлем приучили Амалию к другому: к спокойствию его рук, светлому терпению, бережным поправкам и улыбке, после которой хотелось стараться ещё усерднее. Кассиан был полной противоположностью. Рядом с ним ничего не становилось проще. Он не успокаивал, а наоборот, взламывал её изнутри одним взглядом и будто ждал, что она первой не выдержит.

— Ты ведь идёшь на бал, — сказал он.

— Да.

— С кем?

— Не твоё дело. — Амалия едва заметно прищурилась.

На скулах Кассиана заходили желваки. Он не отвёл глаз, но в его взгляде что-то изменилось, словно ответ задел сильнее, чем имел право. На мгновение Амалии показалось, что он сейчас съязвит, усмехнётся или снова спрячется за своей привычной наглостью, но Кассиан не сделал ничего из этого. Он подался ближе, и колонна за её спиной вдруг оказалась слишком близко, а коридор — слишком пустым.

— А если я хочу, чтобы ты пошла со мной?

У Амалии оборвалось дыхание. Она замерла, будто эти несколько слов выдернули её из реальности. Коридор расплылся: огни светильников потекли золотыми пятнами, каменные стены отодвинулись, вечер за высокими окнами провалился куда-то далеко. Остался только Кассиан и его безумное предложение.

Какого чёрта?

Он ведь не мог говорить всерьёз? Только не он. Только не после всех колкостей, исчезновений и взглядов, смысл которых менялся быстрее, чем она успевала его понять.

Взгляд Амалии был прикован к тёмному, но голос пропал, словно его и не было. Кассиан не нарушал тишины: казалось, любое слово сейчас могло всё разрушить. Его грудь едва заметно поднималась под рубашкой, и это выдавало то, чего не было в лице: он нервничал.

— Я приглашаю тебя на бал, Рыжая, — тихо повторил он, будто не хотел, чтобы кто-то ещё это услышал.

По спине Амалии прошёл озноб.

Нет, всё это было неправильно! Её сердце уже принадлежало другому — профессору. Его голосу, его сдержанным улыбкам, тем редким мгновениям, когда он смотрел на неё не как на ученицу (или ей отчаянно хотелось верить, что не как на ученицу). Именно с ним она связывала свои самые сокровенные, самые глупые мечты. Так почему от предложения Кассиана внутри всё перевернулось?

Предательская дрянь, а не сердце.

— Ты в своём уме? — наконец выдавила она.

Кассиан коротко усмехнулся, но улыбка не коснулась глаз. Вышло устало и немного горько.

— Может, нет. — он помолчал, не отрывая от неё взгляда.

— А может, впервые за долгое время — да.

Амалии хотелось ответить резко, рассмеяться ему в лицо. Оттолкнуть, потребовать объяснений — сделать хоть что-нибудь, лишь бы перестать чувствовать, как его слова медленно забираются под кожу. Но горло будто сдавило.

— Я буду ждать тебя у фонтана в начале бала.

Он произнёс это спокойно, будто решение уже принято, будто её согласие — всего лишь досадная формальность. Именно это привело Амалию в чувство, и растерянность вспыхнула злостью.

— Зачем ты всё это говоришь? — Она отступила, возвращая себе хотя бы немного воздуха. Голос предательски зазвенел. — Что ты пытаешься доказать?

Кассиан промолчал. Конечно, когда нужно бросить ей под ноги очередную загадочную фразу, он не затыкается. А когда она требует нормального ответа — внезапно немой.

— Ты играешь со мной? — резче спросила Амалия. — То игнорируешь, то появляешься из ниоткуда. Строишь так, будто имеешь право знать обо мне всё. А теперь приглашаешь на бал?

Он не отступил. В полумраке его глаза казались почти серыми, и лишь возле зрачков тлели золотистые крапинки.

— Амалия...

То, как он произнёс её имя, ударило под рёбра. Это был первый раз, когда он оставил своё любимое «Рыжая»?

— Не продолжай. — Амалия подняла ладонь, обрывая его. — Я тебя не понимаю. То ты строишь сквозь меня, будто я пустое место. То ведёшь себя так, словно я должна перед тобой отчитываться. Что изменилось?

Кассиан шагнул к ней. Амалия не отступила, хотя тело тут же отозвалось на его близость: сердце забилось быстрее, ладони нагрелись, дыхание сбилось.

Проклятье! Ей нравился профессор. Так почему рядом с Кассианом ей приходилось напоминать себе об этом?

— Может, ты просто решил надо мной посмеяться? Или это очередная твоя игра? Очередная загадка, где правила знаешь только ты, а я должна угадывать, чего ты на самом деле хочешь?

Он молчал, и это молчание стало последней каплей.

Амалии осточертели полутона и намёки. Его внезапная забота, за которой неизменно следовала холодность. Бессмысленные, брошенные невпопад фразы о белых мантиях, о брате, об осторожности. Будто внутри Кассиана жили двое: один подпускал её слишком близко, а другой тут же отшвыривал прочь, замечая следы собственной слабости.

Она больше не собиралась разбираться, кто из них настоящий.

Амалия шагнула вплотную и ткнула пальцем ему в грудь. Под тонкой тканью рубашки ощутились жар и твёрдость напряжённых мышц. Кассиан опустил взгляд на её руку, но не шелохнулся.

— Отвечай, Кассиан. — Она заставила себя посмотреть ему в глаза. — Что, чёрт тебя побери, всё это значит?

Он перехватил её запястье. Пальцы сомкнулись крепко, но не причинили боли. И всё же прикосновение обожгло сильнее, чем должно было. Жар скользнул по руке, добрался до плеча и разлился под кожей, сбивая дыхание. Амалия разозлилась ещё сильнее. На него, на себя, на собственное тело, предававшее её всякий раз, когда Кассиан оказывался слишком близко.

Тёмный наклонился. Между ними осталось несколько дюймов. Амалия различала проступившую на резкой линии челюсти щетину, усталость под глазами. Видела, как в виске бьётся жилка и как тяжело ему разжать стиснутые зубы.

— Это не игра, Амалия. И я не смеюсь над тобой. Если

завтра перед балом ты придёшь ко мне, я отвечу на все вопросы, обещаю.

Она всматривалась в его лицо, пытаясь понять, где скрыта уловка. Гнев и растерянность теснили друг друга, не оставляя места здравому смыслу. Слишком многое в нём не сходилось. Забота — с равнодушием. Предупреждения — с отказом объяснять. Почти болезненная близость — с каждым новым шагом назад.

— Завтра? — глухо переспросила она. — Ты серьёзно? Опять загадки? Опять «потом»?

Амалия вырвала руку так резко, что пошатнулась. Кассиан дёрнулся к ней, собираясь поддержать, но вовремя остановился. Правильно. Если бы он снова её коснулся, она не знала, что сделает: ударит его или потребует наконец сказать правду.

— Не жди от меня послушания, — сказала она, с трудом выравнивая дыхание. — Я не одна из твоих тайн, которую можно спрятать до удобного времени.

Она развернулась. Рыжие волосы хлестнули по плечам, край мантии обвился вокруг ног. Не оглядываясь, Амалия пошла по коридору, с каждым шагом ускоряясь. Прочь от его взгляда, от запаха дыма и можжевельника. От обещания, которому она не имела права верить.

К тому времени, когда Амалия добралась до своей комнаты, шаг перешёл почти в бег. Она остановилась у двери и прижала ладонь к груди, будто могла силой удержать сердце

на месте. Её трясло. Перед глазами снова возник Кассиан — близкий настолько, что она ощущала его дыхание на губах и пальцы вокруг запястья. Голос, непривычно тихий и лишённый защиты. Короткое движение навстречу, когда она едва не упала.

Что с ним происходило? Почему то смотрел сквозь неё, то вёл себя так, словно сама мысль о грозящей ей опасности причиняла ему боль?

Возможно, за всем этим действительно скрывалась причина. Возможно, завтра он назвал бы её, но Амалия не хотела ждать. Не хотела идти к нему и позволять снова распоряжаться её чувствами: приблизиться, обжечь, отступить, оставив её разбираться с последствиями.

Ей нравился Лориан. По крайней мере, рядом с этой мыслью всё оставалось понятным. С ней не приходилось бродить на ощупь среди недоговорённостей, искать смысл в каждом взгляде и сомневаться в собственных ощущениях. Чувства к Лориану имели форму, имя, направление, а Кассиан был сплошным противоречием. Амалия не понимала его намерений. Не знала, хотел ли он защитить её, использовать или спасти от чего-то, к чему сам имел отношение. Не понимала даже, чего он ждал от неё. Доверия? Терпения? Чтобы она покорно принимала редкие крупички откровенности и не спрашивала, почему между ними всегда стоит очередная запертая дверь?

Она крепко зажмурилась. Нет, ей не нужно его понимать.

Проще не подпускать Кассиана близко. Не оставаться с ним наедине. Не позволять касаться себя и говорить тем голосом, от которого мысли превращались в бесполезный шум. Держать между ними расстояние, пока он не перестанет влиять на неё.

Амалия толкнула дверь и вошла, словно отгораживаясь ею от Кассиана и недавнего разговора.

В комнате было тепло и уютно. Эльза читала в кресле у окна, а Мила завладела кроватью и половиной пола, разложив повсюду платья, ленты, туфли и украшения. Заметив раскрасневшуюся, взъерошенную Амалию, обе сразу насто-рожились.

Амалия сбросила мантию и опустилась на край кровати.

— Я встретила Кассиана. Этого тёмного психа... Он ждал меня после тренировки.

Мила немедленно отложила платье, а Эльза закрыла книгу.

Сбивчиво, всё ещё сердясь, Амалия рассказала, как Кассиан преградил ей путь, расспрашивал о бале, а затем пригласил пойти с ним и заявил, что будет ждать её у фонтана.

— Возможно, он ведёт себя так странно, потому что действительно что-то к тебе чувствует, — предположила Мила.

— Или ему нравится держать её в напряжении, — возразила Эльза. — Он тёмный маг, загадочный, раздражающий и слишком уверенный в своём праве появляться из теней. Не исключено, что ему просто стало скучно.

— А может, он не умеет говорить о чувствах без драмы и угроз, — заметила Мила.

Амалия невольно усмехнулась, но тут же помрачнела.

— Я не знаю, что делать. Он постоянно выводит меня из себя: то исчезает, то появляется, смотрит так, будто видит насквозь, а потом снова молчит.

Мила мягко коснулась её руки.

— Ты не обязана соглашаться.

— Но и отказывать из одной лишь злости не стоит, — добавила Эльза. — Не позволяй ни страху, ни раздражению решать за тебя.

Амалия задумалась. Совет не дал ей ответа, зато напомнил: каким бы невозможным ни был Кассиан, выбор всё равно оставался за ней.

Мила хлопнула в ладони и повернулась к разложенным нарядам.

— Эмоциональная катастрофа временно откладывается. Переходим к вопросу, который мы хотя бы способны решить: в чём мы пойдём на бал?

— Нет, не начинай, — взмолилась Амалия.

— Да! Завтра бал, и у меня есть платья, которые я ни разу не надевала.

Я даже не буду спрашивать тебя, зачем ты привезла с собой стооолько нарядов.

После недолгих поисков на кровати остались три наряда: бордовый, синий и золотистый.

— Бордовое тебе лучше подойдёт, — уверенно выбрала Эльза. — Оно подчеркнёт твои волосы и глаза. К тому же фасон достаточно сдержанный, чтобы не чувствовать себя выставленной напоказ.

Амалия присмотрелась к платью. Глубокий оттенок и впрямь подходил ей: не слишком нежный, не вызывающе роскошный.

Спорить было бесполезно. Вскоре Амалия стояла перед зеркалом, неловко разглядывая своё отражение. Бордовое платье мягко облегалo фигуру, подчёркивало талию и свободно спадало к полу. Тонкая золотистая вышивка мерцала на ткани, а рыжие волосы казались ярче пламени.

— Я же говорила, — довольно прошептала Мила. — Оно создано для тебя.

— Подходит, — подтвердила Эльза, и в её устах это прозвучало почти восторженно.

Мила добавила тонкую золотую цепочку с прозрачным камнем и серьги в форме листьев. Волосы Амалии она убрала лишь частично, оставив у лица свободные рыжие локоны.

— Только не делай из меня фарфоровую куклу, — предупредила Амалия.

— Даже не собиралась.

Для себя Мила выбрала золотистое платье, подчёркивающее её смуглую кожу. Оно струилось при каждом движении и вспыхивало медовым сиянием, словно она была рождена при свете сотен свечей. Эльза выбрала синее. Простой благо-

родный силуэт придавал ей почти королевское спокойствие, а серебряные нити подчёркивали ясность взгляда.

— Эльза... — восхищённо выдохнула Мила.

— Если скажешь что-нибудь чрезмерно восторженное, я переоденусь.

— Ты прекрасна, — мягко сказала Амалия.

Эльза старательно поправила рукав.

— Приемлемо.

Но дрогнувшие уголки губ выдали её.

Вечер незаметно перетёк в ночь. Отглаженные платья заняли спинки стульев, украшения легли на стол, а возле зеркала выстроились туфельки, гребни и флакончики с ароматными маслами. Тревоги никуда не исчезли, но среди смеха, шелеста ткани и тёплого света лампы Амалии стало легче. Хотя бы на эту ночь.

Глава 8

Большой зал Академии изменился до неузнаваемости. Ещё вчера суровые каменные стены утопали теперь в гирляндах живых цветов. В воздухе смешались терпкий запах хвои, корицы и карамельной нуги, а под сводами медленно дрейфовали сотни светящихся сфер. На небольшом возвышении у входа играли музыканты. Мелодия растекалась по залу, подхватывала пары и вела их по кругу — то плавно, то почти вызывающе.

Переступив порог, Амалия остановилась.

Ничего себе... Я знала, что Осенний бал будет роскошным, но не настолько же!

Всюду двигались незнакомцы в масках. Цветные мантии исчезли, и вместе с ними — привычный порядок Академии. Сегодня невозможно было с первого взгляда отличить ученика от наставника, белую мантию от чёрной. Шёлк, бархат, вышивка, обнажённые плечи, перчатки до локтей. Чужие лица скрывались под серебром, кружевом и тонкими пластинами зачарованного металла.

И где, во имя всех проклятых рун, искать Лориана?

Амалия поднялась на носки, вытягивая шею. Её взгляд метался между фигурами, цеплялся за высоких мужчин в тёмных камзолах и каждый раз разочарованно соскальзывал прочь.

Может, Лориан передумал? Решил, что согласиться было ошибкой? Или вообще не собирался приходить, а сказал «да», только чтобы я наконец ушла из его кабинета и перестала смотреть на него как последняя идиотка?

От этой мысли под рёбрами неприятно стянулось. А потом она увидела знакомый хвостик у дальней колонны, чуть в стороне от танцующих пар. Сердце Амалии споткнулось и следующим ударом врезалось куда-то в горло.

Лицо Лориана скрывала тёмная маска из вельвета с тонким серебряным узором. Парадный камзол сидел на нём безупречно, подчёркивая широкие плечи. Вышивка тянулась по воротнику и рукавам, похожая на застывшие под инеем руны.

Профессор, кто дал вам право выглядеть настолько охренительно?

Лориан смотрел прямо на неё. Даже через маску она чувствовала этот взгляд.

Амалия двинулась к нему. В этот момент музыка стала глуше, голоса слились в далёкий гул. Оставалось лишь расстояние между ними, мучительно короткое и почему-то бесконечное. Когда их разделяло всего несколько шагов, Лориан оттолкнулся плечом от колонны и пошёл навстречу. Он приблизился вплотную. Его взгляд скользнул по её лицу, задержался на губах всего на мгновение и снова поднялся к глазам.

— Амалия, — голос прозвучал едва слышно, но от этого

шёпота у неё подкосились ноги.

— Лориан, — ответила она и, к собственному раздражению, не смогла сдержать улыбку. — Ты пришёл.

На несколько мгновений между ними повисла тишина, хотя вокруг продолжал шуметь бал. Музыка стекала с высоких сводов, заставляя хрустальные подвески люстр едва заметно дрожать. Пары скользили по мрамору, смех тонул в шелесте платьев, обрывки разговоров вплетались в мелодию — но всё это осталось где-то за пределами маленького круга золотого света, в котором стояли они.

— Потанцуем? — спросил профессор, протягивая руку. Будто существовала вероятность, что она откажется.

Амалия вложила ладонь в его пальцы. От этого прикосновения по коже пробежала дрожь. Одно касание — и вся её хвалёная выдержка полетела к чертям.

Лориан повёл её к центру зала, и толпа расступилась перед ним сама собой. Когда они заняли место среди танцующих, его ладонь легла ей на талию ровно настолько низко, насколько позволял этикет, и всё равно у Амалии внутри что-то сладко ухнуло.

Лориан танцевал так же, как держался во всём остальном, — без суеты и лишних усилий. Будто мраморный пол сам скользил ему навстречу, а музыка лишь старалась поспеть за ним. Амалия подчинилась заданному ритму и вскоре перестала считать шаги. Её тело угадывало его намерения раньше, чем разум успевал их понять. Ладонь Лориана чуть сме-

щалась на талии — и она уже поворачивалась. Его пальцы крепче обхватывали её руку — и Амалия делала шаг навстречу, оказываясь ближе.

Слишком близко...

Недостаточно близко...

Напряжение, с которым она вошла в зал, понемногу отпусало. Чужие взгляды перестали иметь значение. Страх ошибиться тоже исчез — Лориан вёл её настолько уверенно, что рядом с ним ошибиться казалось невозможным. Монтгомери направлял её, но не подавлял. Рядом с ним Амалия не теряла контроль, она сама отдавала его. И, чтоб его, ей это нравилось.

Нравилась его близость. Спокойная мощь, скрытая под тёмным камзолом. Тепло ладони, проникавшее даже сквозь ткань платья. То, как свободно он держался среди толпы, будто весь этот роскошный бал был для него не более чем красивой декорацией.

Но сильнее всего ей нравилось, как он смотрел. Не как профессор, оценивающий очередное упражнение. Не как наставник, обнаруживший способности в своей подопечной. Лориан смотрел на неё так, что все безопасные объяснения рассыпались к чертям. Во взгляде мужчины, танцевавшего с ней, не осталось ничего профессорского. Только тёмное, сдерживаемое желание. Так смотрел мужчина, для которого она уже перестала быть просто женщиной. Она стала проблемой. Желанием, которое он слишком долго запрещал се-

бе испытывать. Осознание ударило Амалии в грудь и растеклось жаром под кожей. Щёки вспыхнули.

О нет, только не краснеть. Только не сейчас.

Лориан заметил. От этого охренительного мужчины вообще невозможно было ничего скрыть. Его глаза потемнели. Всего на мгновение привычный контроль дал трещину, и под ним мелькнуло нечто жадное. Желание, от которого у Амалии перехватило дыхание и сбился шаг.

Лориан тут же удержал её. Прижал чуть ближе, не позволив оступиться, и повёл дальше, будто ничего не произошло. Будто он не смотрел на неё секунду назад так, словно мысленно уже избавился от всех людей в этом проклятом зале.

Мгновение спустя его лицо снова стало невозмутимым, только пальцы на её талии сжались сильнее.

— Ты напряжена, — произнёс Лориан.

Амалия подняла на него глаза. Вот ведь наглец. Стоит перед ней красивый до неприличия, держит так, что мысли разбегаются в разные стороны, смотрит так, что колени вот-вот забудут свои обязанности, — и ещё спрашивает, почему она напряжена.

— А ты слишком наблюдателен.

Я только что перешла на «ты»?

Лориан сладко улыбнулся, Амалия нервно сглотнула.

— Это часть моей работы.

— Мы сейчас не на занятии, профессор.

Последнее слово Амалия произнесла нарочно — тихо и

почти вызываяще.

Лориан наклонился к ней. Для остальных — всего лишь безупречная фигура танца. Для Амалии — настоящее издевательство: его дыхание коснулось виска, а низкий голос прошёл по коже горячей вибрацией.

— Именно это и создаёт проблему.

Чёрт. Ну почему даже слово «проблема» в его исполнении звучало так, будто он собирался нарушить все правила Академии — и несколько законов заодно?

— Для кого?

Вместо ответа Лориан повёл её в поворот. Зал сорвался с места. Золото люстр, серебро масок и густая чернота бархата сплелись в бешеный водоворот. На мгновение пол будто исчез из-под ног, однако мужская ладонь удерживала Амалию за талию.

Сексуальный мужчина, и ведь наверняка прекрасно знает об этом.

Когда поворот закончился, Лориан вернул Амалию к себе. Между их телами осталось слишком мало воздуха, чтобы продолжать притворяться, будто это всего лишь танец.

— Для меня.

Амалия всматривалась в его лицо, пытаясь понять, не выдумала ли услышанное.

Я стала его проблемой?

Когда-то Амалия думала, что всё началось с рун. Теперь поняла: руны были дверью. Лориан открыл её, но не пота-

шил за собой. Остался на пороге, оставляя ей выбор. Не торопил, не уговаривал. Только смотрел с тёмной, нечеловеческой выдержкой, от которой хотелось одновременно сбежать и сделать что-нибудь безрассудное. Профессор знал, что однажды она шагнёт сама.

Так и случилось.

Амалия могла сколько угодно думать о Кассиане, перебирать прежние чувства, убеждать себя, что они всё ещё имеют над ней власть. Но стоило Лориану притянуть её чуть ближе — и всё прошлое становилось блёклым, почти чужим.

Первый танец закончился быстро, потом был второй, а следом и третий. К этому времени мрамор под ногами почти перестал существовать. Музыка, золотистый свет и близость Лориана смешались в густое, дурманящее ощущение, от которого мысли становились медленными, а желания — слишком честными. Амалия знала, что должна быть осторожнее. На балах замечали даже то, чего не происходило, а слухи носились по Академии быстрее заклинаний. Завтра кто-нибудь непременно вспомнит, сколько раз профессор Монтгомери приглашал на танец одну и ту же девушку. Кто-нибудь другой добавит подробностей. К вечеру вся Академия будет знать, как именно он держал её за талию и куда смотрел.

Боги, да она сама едва переживала то, как он на неё смотрел.

Третий танец уже подходил к концу, когда Лориан вдруг изменил шаг. Не сбившись с ритма, он вывел Амалию из об-

щего круга и остановился в тени колонны. Его рука по-прежнему лежала у неё на талии. Так, словно он забыл её убрать. Или не собирался.

Амалия подняла на него глаза. Щёки горели, сердце молотилось где-то в горле, дыхание никак не желало выравниваться.

— Амалия, — произнёс Монтгомери.

— Да? — выдохнула она.

— Уйдём отсюда.

От этого спокойного тона у неё внутри всё сладко сжалось.

— Куда? — спросила Амалия, стараясь не показать, насколько сильно её взволновали эти слова.

Лориан всмотрелся в её лицо, будто хотел убедиться, что она понимает: после его ответа это перестанет быть безобидным разговором.

— Ко мне в кабинет.

Бал исчез. Музыка оборвалась где-то внутри неё. Свет померк, танцующие пары превратились в цветные пятна. Остались только его рука на её талии, собственное неровное дыхание и глухой удар сердца.

Кабинет Лориана. Башня Рун. Тишина, каменные стены, старый пергамент, чернила и оплывшие свечи. Место, где они столько раз склонялись над книгами и спорили о древних символах, где их плечи соприкасались будто случайно, а пальцы встречались над страницами и тут же расходились. Только сегодня между ними не будет раскрытой книги. От этой мысли низ живота стянуло жаром.

— А если нас увидят? — прошептала Амалия, оглядываясь. Она не понимала, кого именно пытается найти в толпе: возможного свидетеля или причину остаться.

— Никто не увидит, все заняты танцами. К тому же мы в масках. Кто нас узнает?

Полная, безответственная чушь. Лориана Монтгомери можно было узнать даже в крошечной тьме.

Лориан не торопил Амалию. Не тянул за собой и не пытался убедить. Его ладонь покинула её талию, оставив после себя почти болезненную пустоту, а затем он протянул ей руку. Выбор оставался за ней, хотя профессор прекрасно знал, что она вложит в неё свою ладонь. Амалия вложила. Его пальцы сомкнулись вокруг её руки, и Лориан сделал шаг к выходу. Она пошла следом, не сопротивляясь. Впереди ждали полутёмные коридоры Академии. Тишина Башни Рун. Кабинет Лориана.

Пустые коридоры встретили их прохладой и тишиной. Амалия шла рядом с Лорианом, ощущая его пальцы на своей руке.

— Мы можем вернуться, — произнёс он, не глядя на неё.
— Если ты хочешь.

Амалия опустила взгляд на их сцепленные руки, затем посмотрела на его профиль. Лунный свет резче обозначил линию скул и упрямый изгиб губ.

Вернуться? Сейчас? Да ни черта.

— Я не хочу возвращаться.

Лориан ничего не сказал, только крепче сомкнул пальцы вокруг её ладони и повёл дальше.

Вскоре музыка бала растворилась за поворотами. Остался размеренный стук шагов, ветер, скребущийся о каменные стены. Чем ближе становилась Башня Рун, тем яснее Амалия

понимала: никакой невидимой черты впереди уже нет. Она давно её переступила.

У подножия башни их ждала тяжёлая дубовая дверь, скованная потемневшим железом. Лориан отпустил её руку лишь для того, чтобы коснуться замка. Под его пальцами пробудились руны. Золотой свет скользнул по металлу, и механизм негромко щёлкнул.

Лориан повернулся к ней.

— Последний шанс передумать.

Он стоял совсем близко — высокий, собранный, до невозможности спокойный. Только напряжённая линия рта выдавала, чего ему стоило это спокойствие.

Ещё раз предложи мне уйти, и я сама вышибу эту чёртову дверь.

— Открой её.

Лориан распахнул дверь. Кабинет встретил их густым полумраком. На краю заваленного бумагами стола горела единственная лампа. Её тёплый свет выхватывал из темноты раскрытые фолианты, исписанные пергаменты, пузырьки с чернилами, перья и каменные осколки, покрытые древними знаками. Пахло воском, пылью и горькими травами.

Лориан пропустил Амалию вперёд, но не сразу выпустил её руку. Его пальцы задержались на её ладони, этот лишний миг едва не лишил её остатков здравого смысла. Потом он всё-таки отступил и провёл рукой по замку. Руны на внутренней стороне двери вспыхнули приглушённым золотом,

сложились в защитную вязь и погасли.

Никто не войдёт.

Амалия сглотнула.

— Присаживайся, — сказал Монтгомери, указав на стул у стола.

От его голоса у Амалии ослабли колени. Она всё-таки пошла к стулу, но садиться не стала. И без того казалось, что любое движение выдаёт её с головой.

Лориан остался у окна, спиной к ней. За узкими стёклами спала Академия: тёмные скаты крыш, башни, зубцы стен, холодный лунный блеск на камне. Где-то далеко внизу продолжался бал. Музыка доносилась сюда едва различимыми обрывками, будто принадлежала другому миру.

— Ты знаешь, зачем я привёл тебя сюда? — спросил Лориан.

Амалия сглотнула. Горло пересохло так, словно всю воду в теле превратили в песок.

— Тебе надоел бал?

Попытка отшутиться вышла жалкой. Просто блестяще. Вот сейчас он оценит её потрясающее чувство юмора и отправит обратно танцевать с каким-нибудь безобидным идиотом.

Лориан медленно повернулся, и у Амалии пропали все мысли. В его взгляде не осталось ни профессорского хладнокровия, ни привычной дистанции. Он смотрел на неё так, будто всё это время держал внутри пожар и теперь впервые

позволил ей увидеть его пламя.

— Потому что там я не могу танцевать с тобой, — произнёс Лориан. — Не при всех.

Он сделал шаг, Амалия не отступила. Хотя тело предательски отозвалось на его приближение: пульс заметался, ладони стали горячими, дыхание сорвалось.

— Там я должен смотреть на тебя так, будто ничего не происходит. — Ещё шаг. — Держать дистанцию. Следить за каждым словом, каждым движением. Притворяться, что ты для меня всего лишь студентка.

Он остановился.

— Но это не так.

Она ждала этих слов. Представляла сотни раз — обычно ночью, когда здравый смысл спал и не мешал ей быть полной дурой. Но вслух они оказались куда страшнее. Теперь нельзя было решить, что ей почудилось. Нельзя списать его взгляды на заботу наставника, случайные прикосновения — на уроки, а мучительное напряжение между ними — на магию.

Лориан подошёл ближе и поднял руку. Пальцы коснулись её щеки, и по телу прошла такая острая дрожь, что захотелось выругаться вслух. Лориан провёл большим пальцем вдоль скулы. Бережно, почти невесомо, от этой сдержанности Амалии стало только хуже. Если бы он схватил её, прижал к себе, поцеловал без предупреждения, возможно, это было бы проще пережить. Но он спрашивал разрешения каждым движением. И это окончательно её добивало.

— Я не должен этого делать, — сказал он. Впервые Амалия услышала, как трудно ему даётся ровный голос. — Не должен говорить тебе этого. Не должен оставаться здесь с тобой. Не должен хотеть...

Лориан оборвал себя. Мышца на его челюсти дрогнула, пальцы замерли у её лица.

У Амалии кружилась голова. От страха, от близости, от его запаха — воска, чернил и горьких трав. От осознания, что Лориан Монтгомери, которого, казалось, невозможно заставить потерять контроль, сейчас держится из последних сил. Из-за неё.

— Но ты здесь, — прошептала она.

— Да, — выдохнул он. — Я здесь.

И тогда натянутая между ними грань лопнула.

Лориан шагнул к ней, и Амалия отступила прежде, чем успела подумать. Лопатки встретились с каменной стеной. Холод пробрался сквозь тонкую ткань платья, но лишь острее обозначил жар его тела. Лориан остановился вплотную — высокий, тёмный, невыносимо красивый в своей едва удерживаемой ярости. Одна ладонь легла на стену рядом с её головой, отрезая путь в сторону. Вторая скользнула к талии и замерла в волоске от ткани. Даже сейчас, когда в его глазах было столько голодного, тёмного желания, что у Амалии ослабели колени, он оставлял решение ей.

Чёртов невозможный мужчина.

Пальцы дрожали, когда Амалия подняла руку и положила

ладонь ему на грудь. Под ней оказалась плотная ткань камзола, нагретая его телом. А глубже — сильный, быстрый стук. Сердце Лориана билось так же безумно, как её собственное. Это открытие опьянило сильнее вина. Значит, не только она теряла голову. Не только она каждую проклятую минуту этого вечера пыталась вспомнить, как дышать, когда его ладонь ложилась ей на талию. Не только она дошла до края и теперь стояла, заглядывая вниз, с совершенно ненормальным желанием прыгнуть.

Лориан тоже её хотел.

— Амалия...

Её имя прозвучало хрипло, почти сорвано. У Амалии внутри всё сладко и болезненно сжалось.

Ещё раз! Пусть скажет ещё раз именно так.

Амалия запрокинула голову. Его лицо оказалось совсем близко. Настолько, что тёплое дыхание касалось её губ, а тень от ресниц ложилась на острые скулы. Между ними оставалось несколько невыносимых сантиметров.

За стенами могла треснуть пополам Академия. Могли осыпаться башни, погаснуть защитные руны, исчезнуть звёзды — Амалии было плевать. Здесь существовали только его дыхание, её ладонь на его груди и слова, которые они слишком долго не позволяли себе произнести.

К чёрту последствия. К чёрту страх. К чёрту всё, что будет утром.

Амалия сжала пальцами лацканы его камзола и подалась

вперёд. И в этот момент губы Лориана коснулись её осторожно, почти мучительно бережно, Амалия ответила. Сначала несмело, не зная, куда деть дрожь и как вообще люди продолжают дышать, когда с ними происходит такое. Потом осмелела, приоткрыла губы, сильнее вцепилась в камзол.

Лориан тихо выдохнул ей в рот. Его ладонь сомкнулась на её талии и притянула ближе. Тело к телу. Жар к жару. Амалия ощутила под пальцами напряжённые мышцы его груди, почувствовала, как тяжело он дышит, — и вместо того чтобы испугаться, сама прижалась к нему.

Тогда поцелуй изменился.

Вся его осторожность осталась лишь в руках: одна поддерживала её за талию, другая легла на затылок, не позволяя удариться о камень. Губы больше не были осторожными. Лориан целовал её так, будто месяцами умирал от жажды и наконец позволил себе напиться. Глубоко и жадно.

Из Амалии вырвался слабый, незнакомый ей самой звук. Внизу живота стало горячо, а ноги окончательно забыли, зачем нужны. Если бы не Лориан, она бы, наверное, просто сползла по стене. Руны на стенах ожили. Тусклое багровое свечение поползло по камню, откликаясь на магию Амалии, на её сорванное дыхание, на жар его ладоней. Древняя башня просыпалась вместе с ней. Время перестало что-либо значить. Остались его губы, рука на её талии, пальцы в волосах. И страшная, сладкая мысль: Лориан Монтгомери теряет контроль из-за неё.

Профессор отстранился первым — всего на несколько сантиметров. Амалия едва не потянулась следом, и по его губам скользнуло тёмное, удовлетворённое выражение.

Лориан не сводил с неё глаз, когда протянул руку к своему затылку. Одно резкое движение — и завязки ослабли. Он сорвал маску, позволив ей упасть на паркет с сухим звоном. Следом его пальцы коснулись лица Амалии. Он снял её маску медленнее, почти торжественно, будто хотел видеть всё: расширенные зрачки, пылающие щёки, губы, раскрасневшиеся от его поцелуев.

Маска упала рядом с его.

— Я не хочу, чтобы между нами оставалось что-либо, кроме страсти, — произнёс Монтгомери.

Лориан провёл большим пальцем по её нижней губе, а затем заменил прикосновение поцелуем. Коснулся уголка рта, спустился к линии челюсти. Амалия запрокинула голову, открывая ему шею. Его губы коснулись чувствительного места под ухом. Горячая волна прошла от шеи к груди, опустилась в живот и разлилась по телу тягучей слабостью. Холод каменной стены больше не ощущался.

— Амалия, — произнёс он хрипло.

Она никогда не слышала, чтобы мужчина произносил женское имя так. Будто оно было одновременно молитвой, ругательством и самым опасным из известных ему заклинаний.

— У тебя были отношения до меня?

Вот этого она не ожидала. Жар, только что разливавшийся по телу, мгновенно собрался в щеках. Захотелось отвернуться, спрятать лицо у него на груди, желательно провалиться сквозь стену и очнуться лет через сто. Прекрасно. Просто замечательно. Именно сейчас они будут обсуждать её полное отсутствие опыта.

— Нет, — ответила она тихо.

— Нет? — переспросил он. Его голос сделался ещё ниже.

— Ты первый, кого я поцеловала. — слова давались трудно, но она заставила себя договорить: — У меня никого не было, только ты.

Несколько секунд Лориан молчал. Потом отпустил её и отступил на полшага, будто внезапно понял, насколько лег-

ко мог переступить грань, о существовании которой даже не подозревал. Провёл ладонью по лицу, задержал пальцы на переносице. Без его тела рядом стало холодно. Амалия тут же возненавидела это расстояние.

— Я не знал, — произнёс он глухо. — Ты держалась так уверенно, я думал...

— Не надо.

Собственный голос удивил Амалию твёрдостью. Брандт сделала шаг и вернула украденное расстояние. Положила ладонь ему на грудь, прямо поверх бешено колотившегося сердца.

— Я, кажется, люблю тебя, Лориан. Я не знаю, когда это началось, — тараторила Амалия, пока храбрость не испарилась. — Может, на первом занятии, когда ты встал у меня за спиной и поправил мою руку над рунным кругом. Я потом половину не понимала, что ты говоришь. Думала, со мной что-то не так. Или когда ты сказал, что у меня есть дар, хотя остальные видели только пустышку, которую по ошибке впустили в Академию. Может, когда ты впервые улыбнулся мне. Я не знаю, в какой момент это случилось. Знаю только, что больше не могу делать вид, будто ничего не чувствую.

Амалия подняла подбородок, встречая его тяжёлый взгляд.

— Я без ума от тебя.

Лориан поднял руку и бережно взял её за подбородок. Признания в ответ не последовало, профессор лишь горячее

поцеловал её. Его ладони скользнули по её спине к плечам, обрисовали талию и медленно спустились к бёдрам. Амалия вцепилась в застёжки его камзола. Пуговицы не поддавались, пальцы дрожали, а дыхание сбивалось всякий раз, когда Лориан снова находил её губы. Он тихо усмехнулся ей в рот.

Самодовольный мерзавец.

Лориан накрыл её руки своими и помог справиться с застёжками. Камзол соскользнул с широких плеч и упал на кресло. Следом туда отправился жилет. Амалия коснулась воротника его рубашки и ощутила под тонкой тканью жар тела. Он перехватил её запястья. Сердце ухнуло.

Нет. Только не вздумай сейчас остановиться.

Однако Лориан лишь поднёс её пальцы к губам. Поцеловал костяшки одну за другой.

— Если захочешь остановиться, скажи мне. В любой момент.

— Я знаю.

И чтобы он не посмел усомниться, Амалия сама расстегнула верхнюю пуговицу его рубашки. Потом вторую, третью. Ткань разошлась, открывая загорелую кожу, тёмные следы старых шрамов возле ключицы и тонкий серебристый знак, похожий на выжженную руну. Она провела по нему кончиками пальцев. В это время пальцы Лориана нашли застёжки её платья и освобождали их одну за другой с почти невыносимым спокойствием. Ткань ослабла на плечах, приоткрыв

ключицы и нежную кожу.

— Ты прекрасна.

Амалия вспыхнула ещё сильнее, но глаз не отвела.

Лориан наклонился и подхватил её на руки так легко, будто она ничего не весила. Амалия тихо ахнула, инстинктивно обвила его шею и прижалась ближе. Под ладонью напряглись твёрдые мышцы его плеча. Он был горячим, сильным — пугающе настоящим после всех тех ночей, когда она запрещала себе даже мечтать об этом.

Лориан перенёс её к старому дивану у стены, обитому тёмно-зелёным бархатом. Резные грифоны на подлокотниках безмятежно спали, словно ничего предосудительного в кабинете не происходило. Матрас мягко прогнулся. Лориан накрыл Амалию своим телом, удерживая вес на локте, и пространство вокруг внезапно сузилось до его лица, сбившегося дыхания и расстёгнутой рубашки. Губы Лориана снова коснулись её кожи, и Амалия выгнулась ему навстречу. Стон сорвался прежде, чем она успела его проглотить.

Лориан мгновенно поднял голову. В его взгляде полыхнуло нечто тёмное, опасно довольное.

— Тише, — прошептал он у самого её уха. — Не стоит посвящать весь этаж в происходящее здесь.

Смущение обожгло щёки, но вслед за ним поднялась неожиданная дерзость. Амалия повернула голову, коснулась губами его виска и выдохнула:

— А если я не смогу молчать?

— Тогда я заставлю тебя.

Он накрыл её рот поцелуем, не позволив ответить. Ладонь двинулась по внутренней стороне её бедра, медленно, будто Лориан намеренно растягивал каждую секунду. Амалия зазмурилась. Ощущений стало слишком много: жар его пальцев, дыхание у её шеи, тяжесть сильного тела рядом.

Пальцы Лориана нашли особенно чувствительное место, и Амалия резко выгнулась. Прикрыть рот ладонью она не успела. Он повторил движение, затем ещё раз. Амалия вцепилась в его плечи. Твёрдые мышцы дрогнули, однако Лориан лишь глубже вдохнул.

— Лориан... — выдохнула Амалия. Его имя сорвалось с губ почти всхлипом. Господи, как унижительно. И как же ей было плевать.

Монтгомери отстранился лишь затем, чтобы избавиться от оставшейся одежды. Амалия смотрела на него, не в силах отвести глаз.

Лориан поймал её взгляд.

— Боишься?

— Немного.

Он опустился рядом и вновь навис над ней, удерживая вес на руках. Его ладонь легла возле её лица, а большой палец медленно провёл по пылающей щеке.

— Это нормально, — Лориан наклонился, коснулся губами уголка её рта и добавил: — Я буду бережен.

Монтгомери двигался медленно. До умопомрачения мед-

ленно. Теснота была живой, пульсирующей, обжигающей. Каждый миллиметр его плоти, скользящий внутри, отдавался в ней искрой, граничащей с болью. Амалия впилась зубами в нижнюю губу так сильно, что железный привкус крови смешался со слюной. Лориан замер, когда их тела соединились до предела. В этой абсолютной статике, в том, как он стоял неподвижно, позволяя ей привыкнуть к его тяжести и размеру, было нечто более интимное, чем сам ритм. Он наполнял её целиком, даже не шевелясь.

Боль отступала медленно, неохотно, словно не желая уступить место новому ощущению. Но когда она схлынула окончательно, на её месте разлилась тягучая, вязкая волна, что росла и пульсировала в такт его движениям. Лориан начал двигаться. Он накатывал на неё, заставляя выгибаться и хватать ртом воздух, и отступал почти полностью, оставляя пустоту, которую она тут же жаждала заполнить. Каждый толчок был глубже предыдущего, ритм сбивался, чтобы тут же восстановиться, и Амалия тонула в этом маятнике, теряя связь с реальностью.

— Хорошо?

— Да, — выдохнула она, и голос сорвался на стон, — Да, только... быстрее.

Он, конечно же, не послушался сразу.

Проклятье. Даже сейчас Лориан оставался собой: неумолимо спокойным, дразняще точным. Он лишь немного ускорился, не сводя с неё потемневшего взгляда, словно наблю-

дал не за Амалией, а за тем, как она окончательно теряет голову из-за него.

Амалия не запомнила, когда пальцы стиснули простыни. Не поняла, в какой момент Лориан одним уверенным движением перевернул их, позволяя ей оказаться сверху. Она замерла, растерянная и внезапно пьяная от власти над этим невозможным мужчиной. Он притянул её за затылок в поцелуй, влажный и глубокий, почти неистовый, их языки сплелись, воруя дыхание друг у друга.

В тот самый миг, когда нарастающее напряжение внутри неё лопнуло ослепительной белизной, руны на её теле вспыхнули, заливая комнату призрачным, неестественным светом. Амалия вскрикнула, но звук утонул в его широкой ладони, что в последнюю секунду прикрыла рот. Лориан уткнулся лицом в женскую шею. Его сдавленный рык отозвался дрожью во всём её теле.

В полутёмном кабинете они замерли в объятиях друг друга. Дыхание постепенно успокаивалось, но сердца всё ещё бились слишком быстро.

Лориан первым нарушил тишину:

— Ты как?

— Хорошо, — прошептала Амалия, прижимаясь теснее.
— Очень хорошо.

Он откинулся на подушки, однако не выпустил её из объятий. Свободной рукой Лориан потянулся к тумбе и открыл небольшую шкатулку из чёрного дерева, испещрённую тон-

кими серебряными прожилками. На тёмно-синем бархате лежала единственная пилюля.

Лориан выкатил её на ладонь и протянул Амалии.

— Проглоти, это траурный корень. Лунная слеза, если хочешь поэтичного названия. Смесь полыни, вываренной в молоке горной козы, и пыльцы цветка, что растёт только в час полного затмения.

Амалия взяла пилюлю кончиками пальцев. Она поднесла пилюлю к губам. Замерла на мгновение, чувствуя, как её язык касается шершавой поверхности.

— Она не сделает мне больно?

— Только если ты попытаешься зачать дитя в ближайшую луну, — усмехнулся Лориан. — Тогда боль будет невыносимой. А так — просто холод во рту и тяжесть в желудке.

Амалия проглотила пилюлю.

Горло обожгло ледяной дорожкой. Мгновение спустя холод сменился жаром: тот опустился к груди и свернулся там тяжёлым, пульсирующим комком.

Амалия заставила себя подняться. Платье лежало на полу смятым тёмным облаком.

Она одевалась в тишине.

Каждое движение давалось с трудом. Не из-за боли, хотя тело отзывалось непривычной тяжестью и хранило память о его прикосновениях. Труднее было натянуть платье, расправить складки, застегнуть пряжки и снова стать Амалией Брандт — той самой, которой предстояло вернуться в зал,

улыбаться и не выдать себя ни взглядом, ни предательской дрожью пальцев.

Лориан не помогал ей. Он сидел у окна, неподвижный, и смотрел на спящую Академию. Лунный свет серебрил его профиль и скользил по обнажённым плечам, но не мог прогнать сгустившиеся вокруг него тени. В его позе появилось что-то отрешённое, почти чужое. Словно несколько минут назад он принадлежал ей без остатка, позволив заглянуть за возведённые им стены, а теперь вновь запирал все двери. В груди болезненно сжалось.

У двери Амалия остановилась. Ей хотелось, чтобы Лориан повернулся и остановил её, улыбнулся или снова назвал своей так, как называл совсем недавно.

— До завтра, — прошептала Амалия.

— До завтра, Амалия.

Его голос прозвучал низко и устало. Почти бесцветно. Амалия стиснула пальцы на дверной ручке. На миг закрыла глаза, проглатывая обиду, и вышла. Дверь за её спиной затворилась с тихим щелчком.

В прохладном коридоре Амалия прислонилась к каменной стене и попыталась выровнять дыхание. Сердце всё ещё билось слишком быстро. Под кожей тлело тепло его рук, а на виске, которого коснулись его губы, словно остался невидимый магический знак.

Амалия расправила плечи, поправила маску и шагнула вперёд. Постепенно она возвращала себе спокойствие; под-

нимала вокруг себя стены, как это только что сделал Лориан; прятала дрожь, смятение и боль под безупречной осанкой.

К тому времени, когда золотой свет бального зала коснулся её платья, Амалия Брандт снова улыбалась.

Глава 9

В бальном зале по-прежнему бурлил праздник. Под сводами переливалась музыка, над танцующими мерцали зачарованные огни, и никому не было дела до девушки в бордовом платье, бесшумно скользнувшей вдоль стены.

Почти никому.

Амалия сразу отыскала подруг. Мила кружилась со студентом факультета Стихий, однако то и дело поглядывала в сторону дверей. Эльза танцевала с Дэррилом и тоже заметила её возвращение: брови взлетели, взгляд пробежался по помятому платью, растрёпанным волосам и задержался на маске.

Она всё поняла?

Амалия едва заметно качнула головой: не сейчас. Эльза поджала губы, но отвернулась. Пока пощадила.

Амалия разгладила складки платья и поправила выбившийся локон. Пальцы предательски дрожали. «Никто не должен знать», — повторяла она про себя, точно запечатывая руной то, что ещё пылало под кожей.

Чья-то ладонь легко коснулась её плеча.

— Позволишь пригласить тебя?

Брандт резко обернулась. Перед ней стоял высокий юноша в тёмно-синем костюме. Маска скрывала половину лица, но этот голос она узнала бы где угодно.

— Дормиэль?

— Он самый. — уголок его губ дрогнул. — Проверим, чему научилась рунная леди?

Амалия поколебалась всего секунду.

— Только не жалуйся потом на отдавленные ноги.

Он принял её руку с безукоризненной вежливостью и повёл к центру зала.

Дормиэль танцевал совсем не так, как Лориан. Не пытался подчинить её ритму своего тела, не удерживал дольше положенного, не наклонялся к уху так близко, чтобы от одного дыхания рассыпались мысли. Он вёл спокойно и точно, оставляя между ними достаточно пространства.

Внимательный взгляд Дормиэля скользнул по её лицу.

— Всё хорошо?

— Прекрасно.

Ложь прозвучала почти убедительно.

Когда музыка сделала мягкий переход и пары закружились медленнее, он произнёс чуть громче, с лёгкой театральностью:

— Вы прекрасно танцуете, мисс. Кто вас этому научил?

Амалия невольно улыбнулась. Вопрос прозвучал так нарочито галантно, что в нём невозможно было не услышать приглашение к игре.

— О, господин, — ответила она в тон ему, чуть склоняя голову, — у меня был лучший учитель.

— Завидую этому счастливцу. Он явно знал, что делает.

— Иногда, — заметила Амалия.

На этот раз они рассмеялись почти одновременно — по-дружески, без неловкости и недосказанности. Этот короткий смех вдруг стал для Амалии спасением. Воздух наконец прошёл в лёгкие свободно, не царапая изнутри.

Последние аккорды поднялись к сводам и растаяли среди шелеста платьев, звона бокалов и приглушённых голосов. Дормиэль остановился, разжал пальцы и отступил на шаг.

Он склонился в безупречном поклоне.

— Благодарю за танец.

Амалия ответила реверансом, придерживая бордовую юбку.

— Взаимно.

Спустя несколько мгновений тёмно-синий костюм исчез среди бархатных камзолов, мерцающих масок и медового света люстр. Амалия осталась посреди зала одна. Музыканты подняли смычки, свечи дрогнули от невидимого сквозняка. Вокруг неё вновь сомкнулись танцующие пары.

Ночь уже проглотила академию.

Кассиан сидел на краю фонтана, неподвижный, как каменные стражи в нишах внутреннего двора. Ветер крался между колоннами, трепал его тёмные волосы и ломал отражение луны в воде. Обе ноги он опустил в чашу фонтана. Ледяная вода доходила до щиколоток, вгрызаясь в кожу сотнями тон-

ких игл. Ступни он перестал чувствовать давно. И хорошо. Пока болело тело, становилось чуть тише внутри.

На влажном камне рядом лежала маска — алая, с тонкими серебряными прожилками, похожими на застывшие молнии. Такая же, как та, которую он подарил Амалии; Кассиан сам выбирал их. Глупая, почти мальчишеская затея: она наденет его подарок, придёт сюда, заметит вторую маску рядом с ним — и поймёт всё без признаний. Без этих чёртовых слов, которые застревали в горле всякий раз, когда он пытался сказать ей нечто важное.

Сигарета тлела между его пальцев, медленно превращаясь в пепел. Кассиан не затягивался, просто держал её и вдыхал горький дым, пока тот не начинал жечь глаза. Пусть все думают, что дело в дыме.

Сегодня она должна была понять, что перестала быть для него просто рунной девчонкой с дерзким взглядом, рыжими волосами и отвратительной привычкой выводить его из себя.

Кассиан ненавидел Амалию за то, что она смотрела на него не как на чудовище, не как на угрозу, а словно под всей его тьмой всё ещё оставался человек. За то, что она заставила его поверить: он ещё может быть кому-то нужен. Она стала голосом, способным удержать его на краю, стала надеждой. А надежда, как выяснилось, была той ещё дрянью.

Кассиан ждал. Сначала напряжённо, вздрагивая от каждого шага за арками. Ветер приносил обрывки музыки, смех, — и всякий раз он поднимал голову. Не она. Потом ждал упрямо, говорил себе, что Амалия задержалась. Что её оставили подруги, или она не сразу поняла намёк. Что придёт через минуту... Ещё через одну... Ещё....

Окурок догорел до фильтра и обжёг пальцы. Кассиан разжал руку, позволив ему упасть в воду. По чёрной поверхности разошлись круги и коснулись его ног.

Тёмный больше не искал ей оправданий. Просто сидел, глядя на пустую арку, и чувствовал, как внутри медленно освобождается место там, где ещё несколько часов назад что-то билось.

Разочарование — странное чувство. Не больно, не жалко... Разочарование хуже тишины и одиночества. С ними ещё можно было договориться: забить голову музыкой, закурить, найти драку, переждать до утра. Разочарование при-

несло с собой пустоту. Голодную и живую пустоту. Она вцепилась в него изнутри и теперь медленно жрала всё подряд: силы, мысли, остатки тепла. Даже злость — единственное, что всегда принадлежало ему, — и ту она выгрызала, оставляя после себя серую, липкую муть.

Кассиан знал, что должен был поступить иначе. Подойти к Амалии и сказать всё прямо. Показать смешным, жалким, злым — да каким угодно, чёрт возьми, только настоящим, но слова каждый раз застревали в горле. У других признания, наверное, выходили легко. У Дормиэля — точно. С его спокойной улыбкой, безупречной осанкой и голосом, которому хотелось верить. У белых магов вообще всё выглядело проще: светлые мантии, чистые ладони, ровные голоса. Их с детства учили, что они достойны любви, а Кассиана учили другому.

«Не проси. Не привязывайся. Не показывай, куда бить».

Вот он и не показывал, до сегодняшнего вечера.

— Дурак, — прошептал Кассиан. Голос прозвучал хрипло и чуждо. Фонтан ответил плеском, будто посмеялся над ним. Пальцы сжались на краю каменной чаши. — Какой же ты дурак, Кассиан.

Он ведь видел её. Сначала заметил маску, свою маску. Своё трусливое признание на её лице. Потом — платье, рыжие волосы, вспыхивающие в свете люстр при каждом повороте головы. На одно жалкое мгновение его грудь распахнулась изнутри.

Она надела её, она пришла!

Кассиан тогда чуть не вышел из-за колонны, уже перенёс вес вперёд. Уже представил, как подойдёт, как она посмотрит на вторую маску в его руке, как закатит глаза и скажет что-нибудь в духе: «Ты мог просто пригласить меня, придурок».

Он бы усмехнулся, она бы фыркнула, а потом всё как-нибудь получилось бы. Пусть неловко, пусть через ругань. Да плевать, лишь бы её ладонь оказалась в его руке.

А потом к ней подошёл Дормиэль. Он протянул Амалии руку, и она вложила в неё свою. Кассиан остался в тени колонны и смотрел, как они выходят в центр зала. Как Дормиэль ведёт её в танце, как его ладонь ложится на её талию — туда, куда Кассиан боялся даже посмотреть слишком долго. Как Амалия поднимает на него глаза и улыбается. Рядом с ним она выглядела спокойной.

Кассиан почувствовал, как что-то внутри него оборвалось.

— Выбрала белого, — произнёс он едва слышно. — Конечно.

Горло сдавило. Он сглотнул, но стало только больнее.

— Кого ещё могла выбрать рунная девчонка?

Маска была не просто подарком, она была всем, чего он не сумел произнести.

«Ты особенная», «Рядом с тобой мне не так страшно», «Когда ты уходишь, я всё равно прислушиваюсь к твоим ша-

гам».

Какой стыд, какой же, мать его, стыд.

— Ты надеялся, — выдохнул Кассиан и рассмеялся. Звук получился коротким, ломаным. — На что ты, чёрт возьми, надеялся?

Что она увидит его? По-настоящему? Увидит и не отвернётся? Что одна Рыжая сумеет сделать то, чего не удалось ему самому: найти в нём что-то, кроме Тьмы?

Кассиан схватил маску, ещё секунду держал её перед собой. Он помнил, как долго выбирал оттенок алого, потому что слишком тёмный не подходил к её волосам, а слишком яркий выглядел дёшево. Затем размахнулся и швырнул маску в фонтан, она ударилась о воду с резким всплеском. Кассиан смотрел, пока алое пятно не исчезло.

Вот и всё. Так, наверное, и должно было закончиться то, чего никогда и не было.

Он вытащил ноги из фонтана, холодный камень обжёг кожу. Пальцы не слушались, когда он натягивал ботинки, но Кассиан упрямо справился с застёжками.

Неожиданно Кассиан согнулся, уперевшись ладонями в край фонтана. Воздух перестал доходить до лёгких. На короткий, страшный миг Кассиану показалось, что сейчас его вывернет наизнанку.

Чёрт, как же больно.

Внутри пошевелилась Тьма. Она потянулась вдоль позвоночника, обвилась вокруг рёбер и прижалась к сердцу, слов-

но давно ждала именно этого момента.

«Вот видишь».

Слова не прозвучали, но Кассиан услышал их так ясно, будто кто-то прошептал ему прямо в ухо.

«Вот правда».

— Ты победила, — сказал он и медленно выпрямился.

Кассиан повернулся и пошёл прочь от фонтана. От света бального зала, от музыки. От алой маски, лежавшей на дне среди монет и мёртвых листьев. Каждый шаг отдавался болью в замёрзших ступнях. Тьма скользила следом по камню, забиралась в складки одежды, поднималась к плечам невидимым плащом. Она была готова вырваться наружу — стоило только перестать держать её. И Кассиан вдруг понял, что больше не хочет сопротивляться. Любовь не удержала его на краю. Да и какая, к чёрту, любовь? Он один всё придумал, один ждал.

Раздался жуткий мужской крик. Серо-зелёные глаза Кассиана медленно затопила непроглядная чернота. Тьма больше не скреблась снаружи, не просила впустить её. Она проникла в самое сердце и заняла его целиком.

Пусть забирает. Там всё равно больше нечего было спасать.

Кассиан равнодушно шагнул в темноту, оставляя позади опустевший двор. Вскоре он свернул в боковую галерею и замер. В дальнем конце коридора стоял Дормиэль. Он смотрел в высокое окно.

— Ты, — злобно произнёс Кассиан.

Дормиэль обернулся.

— Кассиан Рейнард?

Кассиан медленно двинулся к нему. Тьма уже клубилась на ладонях, сочилась из-под ногтей, поднималась из глубин его крови.

— Празднуешь победу?

— Какую ещё победу? — Дормиэль нахмурился.

— Не притворяйся.

Кассиан стиснул кулаки. Чёрный дым обвился вокруг запястий и предплечий, превращая руки в подобие оружия.

— Ты танцевал с *ней*, белая мантия.

— Это был всего лишь танец.

— Всего лишь танец? — Кассиан рассмеялся, но в этом смехе не осталось ничего человеческого. Тьма сгущалась вокруг него, питаясь болью и унижением. С каждым вдохом она всё глубже прорастала в его тело, меняя его сущность. — Думаешь, я не видел, как ты на неё смотрел? Как держал её? Как улыбался?

— Значит, ты следил за нами? — Дормиэль прищурился.

Кассиан резко вскинул руку. Чёрный сгусток сорвался с его пальцев, Дормиэль едва успел отскочить. Удар пришёлся в стену, и по светлому камню расплзлась обугленная трещина.

— Ты обезумел? — воскликнул он.

— Возможно.

Улыбка Кассиана стала шире. Второй сгусток сорвался с его ладони. Уже не бесформенный шар, а живая, голодная масса, туго свёрнутая вокруг чужой злобы.

Дормиэль выставил руку. Перед ним вспыхнул золотой щит, сотканный из тончайших нитей света. Тьма врезалась в него с глухим хлопком. На мгновение показалось, что свет поглотил удар, но чёрная масса не исчезла. Она растеклась по золотой поверхности, зашипела и поползла по ней тонкими жилами, ощупывая защиту в поисках слабого места.

— Прекрати, Кассиан, — твёрдо сказал Дормиэль. — Я не хочу с тобой драться.

Кассиан склонил голову набок. Его глаза были чёрными, как безлунная ночь.

— А я хочу.

Кассиан рванулся вперёд. Он двигался слишком быстро для человека. В каждом движении сквозила не выучка, а ярость, наконец сорвавшаяся с цепи. Тьма хлынула с его пальцев десятками тонких игл. Они прошили воздух с пронзительным свистом, оставляя за собой дымные следы.

Дормиэль рубанул ладонью наискось. Золотые лучи веером рассекли коридор. Чёрные иглы вспыхивали одна за другой, сгорая на лету и осыпаясь хлопьями пепла. Но одна прорвалась сквозь сияние и вонзилась Дормиэлю в плечо. Он вскрикнул и отшатнулся, зажав рану. Из разорванной ткани потянулась ядовитая дымка. Она обвила его запястье и поползла выше, к локтю.

Кассиан рухнул на одно колено и ударил ладонями по каменным плитам, пол содрогнулся. От его пальцев хлынула чёрная волна. Она катилась по галерее, пожирая свет факелов и вытягивая тепло из воздуха. Дормиэль оттолкнулся от пола. Он перевернулся в воздухе, и полы плаща хлестнули за спиной. На один короткий миг светлый маг замер под сводами галереи в золотом ореоле, среди взметнувшейся пыли. Вокруг его ног вспыхнул круг. На камне один за другим проступили узоры, сплетаясь в древнюю печать.

Дормиэль прижал окровавленную ладонь к центральному знаку.

— Экзорцизм.

Печать вспыхнула. Поток расплавленного золота ринулся по коридору. Он врезался в чёрную волну, расколол её надвое и обратил в клубы едкого пара. Тьма завизжала.

Кассиан медленно выпрямился, по его лицу скользнула усмешка.

— Экзорцизм? — переспросил он. — Решил изгнать меня, как демона?

Дормиэль тяжело дышал. Раненое плечо дрожало, чёрные жилы уже проступили под кожей, но он не опустил рук.

— Если придётся.

В глазах Кассиана что-то дрогнуло. Лишь на мгновение из-под непроглядной черноты проступила боль, а затем Тьма сомкнулась вновь.

— Не придётся, — тихо произнёс он.

За спиной Кассиана с сухим треском распахнулись два исполинских крыла, сотканных из живой тьмы. Полупрозрачные, изорванные по краям, они заполнили коридор целиком: задели своды, скользнули по стенам, заставив камень покрыться чёрным инеем.

Мир захлебнулся мраком. Воздух сгустился, сделался тяжёлым и липким. Он лез в горло вместо дыхания, оседал в лёгких гарью. Золотой круг под ногами Дормиэля померк, словно на него набросили траурную ткань.

— Что это? — выдохнул он и впервые отступил.

— Моя ярость, моя боль! Моя любовь, которую ты растоптал!

Кассиан взмыл над полом, и вытянул руки. Из ладоней хлынули два потока тьмы. В глубине этой черноты пульсировало багровое свечение, похожее на кровь под тонкой кожей. Потоки понеслись к Дормиэлю, сминая воздух.

Золото вырвалось из ладоней светлого мага с оглушительным гулом.

Свет и тьма сцепились в воздухе, терзая друг друга. Золото прожигало чёрную массу, заставляя её шипеть и опадать клочьями. Мрак тут же смыкался вновь, обвивал луч, впивался в него, душил.

Кассиан не отступил. Его лицо исказило напряжение. Нашее вздулись потемневшие вены, а тьма потекла вверх по рукам, впиваясь в кожу тонкими жадными нитями. Она уже не просто подчинялась ему — она ела его. Но Кассиан удерж-

живал поток, потому что стоило ослабить хватку — и он бы рухнул. А упасть перед Дормиэлем, когда речь шла о ней? Нет, только не перед ним.

— Ты силён, — произнёс Дормиэль сквозь рёв столкнувшейся магии. Даже сейчас его голос звучал почти ровно. — Но вечно ты это не удержишь.

— Удержу, — прохрипел Кассиан. Тьма вокруг него вздрогнула и ударила сильнее. Золотой луч на мгновение прогнулся. — Ради неё — удержу.

— Она не просила тебя об этом.

Кассиан дёрнулся, будто удар пришёлся в грудь. Крылья за его спиной на миг потеряли очертания, но поток тьмы не ослаб. Напротив — багровые прожилки вспыхнули ярче.

— Она не знает, чего хочет.

— А ты, значит, знаешь? — Дормиэль посмотрел на него сквозь ослепительное золото.

Ответа не последовало, лишь коридор захлебнулся рёвом магии. Камень трещал, древняя кладка стонала, а между раскатами слышалось тяжёлое дыхание двух мужчин.

Кассиан сорвался с места, расстояние исчезло за один рывок. Крылья тьмы с хлопком сомкнулись за его спиной и швырнули вперёд. Он занёс кулак, вложив в удар всё, что ещё в нём не сгорело: ярость, унижение, изматывающую усталость и любовь — ту самую, от которой уже тошнило, потому что она давно перестала спасать и теперь только жрала его изнутри.

Дормиэль перехватил его руку. Белая вспышка выжгла коридор до ослепительной пустоты. Ударная волна сорвала факелы с креплений, вышибла каменную крошку из стен и прокатилась под сводами.

Обоих отбросило в разные стороны. Кассиан впечатался спиной в стену. Боль вгрызлась в позвоночник и одним уда-

ром вышибла воздух из лёгких. Мир провалился в глухую черноту. Остались только мерзкий звон в ушах, ледяной камень под ладонями и кровь на языке. Сила ушла внезапно, будто кто-то перерезал натянутую внутри него струну, но Тьма никуда не исчезла. Она тлела под кожей, тяжело ворочалась в груди, всё ещё готовая рвануться наружу по первому приказу. Но теперь сквозь неё проступило то, что он так долго отказывался замечать: усталость и острая, ни черта не героическая боль. И пустота. Проклятая пустота, которую не получалось заполнить, сколько бы силы он в неё ни вливал.

Напротив медленно поднялся Дормиэль. От безупречного светлого мага, каким он вошёл в бальный зал, почти ничего не осталось. Костюм был разорван, по ткани расползлись чёрные подпалины. Волосы выбились из причёски и прилипли ко лбу, лицо покрывала копоть. Из разбитой губы стекала кровь, прочерчивая подбородок вызывающе алой полосой.

Но Дормиэль стоял и по-прежнему не нападал первым.

— Хватит, — произнёс он негромко. — Ты этим ничего не добьёшься.

— Я добьюсь лишь одного: ты оставишь её в покое. — Кассиан упёрся ладонью в пол и попытался подняться, но ноги предательски подломились.

— А Амалия? Ты хотя бы спросил, чего хочет она?

— Не твоё дело.

— Моё. — Дормиэль выпрямился, придерживаясь за стену. Даже сейчас, едва стоя на ногах, он не отвёл взгляда. —

Она моя подруга и я не позволю тебе превратить свои чувства в её приговор.

Кассиан коротко рассмеялся и тут же поморщился от боли. Сплюнул кровь на расколотые плиты.

— Подруга? Серьёзно? Ты просто ждёшь, когда она сама упадёт тебе в руки.

— Это не мои желания, — спокойно произнёс Дормиэль.
— Твои, ты ждёшь, ты надеешься. Ты уже решил, чем всё должно закончиться. А потом смотришь на меня и бесишься, потому что я напоминаю: она может выбрать не тебя.

Кассиан открыл рот, готовый бросить в ответ что-нибудь злое, лишь бы стереть с лица Дормиэля это проклятое спокойствие. Но слов не нашлось, потому что ублюдок попал точно туда, где и без того болело.

Дормиэль медленно оттолкнулся от стены.

— Она не твоя, Рейнард, и не моя. Она вообще не обязана принадлежать кому-то из нас. Амалия сама решит, с кем ей быть. Даже если её выбор нам не понравится.

— Я знаю, — выдохнул он. Потом повторил, едва слышно:
— Знаю.

Кассиан всё-таки поднялся. Медленно, с трудом, цепляясь пальцами за стену. Несколько секунд стоял, пошатываясь, будто тело ещё не решило, позволит ли ему уйти с остатками достоинства. Затем развернулся и пошёл прочь.

Кассиан ушёл недалеко. У высокого стрельчатого окна он остановился и упёрся ладонью в холодный камень. Плечи

Кассиана опустились, последние нити тьмы стекли с него и растаяли у пола, оставив во рту горечь поражения.

Он проиграл не только бой. Куда страшнее было признать другое: возможно, он сам оттолкнул Амалию так далеко, что больше не имел права просить её вернуться. Дормиэль оказался прав. Кассиан любил Амалию так отчаянно, что почти перестал видеть, чего она хочет сама.

Стефан ждал их в заброшенной аудитории на третьем этаже башни Света. Он стоял у кафедры, перебирая пальцами старую печать Совета. Тёмные волосы падали на лоб, ворот рубашки был расстёгнут — редкая небрежность для человека, привыкшего держать под контролем даже выражение собственного лица.

Мариэль вошла первой. Убедившись, что в комнате нет посторонних, она закрыла дверь и наложила на неё беззвучную печать. Только после этого села на край стола, скрестив руки на груди.

— Ты выглядишь уставшим, — заметила она.

Стефан кивнул, и его взгляд на мгновение потеплел. Подойдя ближе, он легко коснулся губами её щеки.

— Я и есть уставший, Мари.

В этот момент дверь скрипнула, и в аудиторию вошёл Дормиэль. От его обычной безупречности не осталось и следа: костюм порван, губа разбита, на бледной коже — ссадины и

копоть.

— Что с тобой? — Мариэль нахмурилась.

— Дрался, — коротко ответил он, опускаясь на стул у окна.

— С кем?

— С Рейнардом. — Дормиэль коснулся разбитой губы, размазав кровь.

— С тёмным? Из-за чего? — брови Мариэль поползли вверх.

Стефан приблизился к Дормиэлю и остановился почти вплотную.

— Из-за Амалии, ведь так?

Дормиэль помедлил, затем кивнул.

— Вы должны были следить за ней, — процедил Стефан. В голосе дрожала едва сдерживаемая ярость, но смотрел он не на друга, а в окно, на низкую луну над башнями. — Ты обещал держать ситуацию под контролем, а вместо этого увлёкся. Ты что, влюбился, идиот?

Дормиэль резко поднял голову. Обычно невозмутимое лицо напряглось.

— Я не влюблён.

— Не лги. Мы все видим, как ты на неё смотришь в коридорах.

— И как же я смотрю?

Стефан промолчал. Дормиэль сжал переносицу, пытаясь взять себя в руки. Голова раскалывалась, кровь стучала в

висках — то ли от драки, то ли от этого разговора.

— Ты злишься, потому что боишься. Не потому, что я нарушил план.

— Именно поэтому я держусь в стороне, — выдохнул Стефан, отворачиваясь к окну. — Моё будущее, право войти в Совет — всё поставлено на карту. Я не могу позволить себе

ошибку.

— Мы справимся, — вмешалась Мариэль. — Я присмотрю за ней. Ты останешься в тени, а Дормиэль продолжит втираться в доверие.

— Она может стать угрозой, а моему лучшему другу плевать!

— А если не станет?

— Хватит. — Мариэль устало вздохнула. Она взяла Стефана за руку и повела к выходу. У самой двери обернулась: — Не принимай близко к сердцу, Дорми. Он просто боится потерять всё, к чему так долго шёл.

Она вышла, Стефан последовал за ней, не обернувшись. Дормиэль остался один в тёмной аудитории. Он смотрел на луну, наконец показавшуюся из-за туч, и думал об Амалии.

Сильна ли она? Опасна?

Для него Амалия Брандт была просто девушкой — усталой, одинокой, ищущей своё место. Такой же, как он сам.

— Что же ты наделал, Стефан? — прошептал Дормиэль. — И что наделал я?

Это случилось спустя год после поступления Стефана в Академию. К тому времени он уже стал Универсалом, перешёл на факультет Света и считался лучшим на курсе. Он точно знал, чего хотел: власти, влияния и уважения. И всё же глубоко внутри разрасталось липкое, отравляющее сомне-

ние: хватит ли ему сил добраться до самой вершины?

По совету старших магов Стефан отправился к провидице. Старуха жила на окраине нейтральных земель, в хижине, окружённой высохшими деревьями. Поговаривали, её взгляд проникает туда, куда не добраться даже магии, а пророчества всегда сбываются.

Он пришёл глубокой ночью, никем не замеченный. Провидица ждала его в старом кресле. Глазами без зрачков и радужки она напоминала слепую, но Стефану казалось, что никто прежде не видел его настолько ясно.

— Зачем пришёл? — спросила она, не поднимая головы.

— Я хочу узнать своё будущее, — ответил Стефан, пряча волнение за ровным голосом.

— Будущее? — хрипло усмехнулась старуха. — Нет. Ты хочешь знать, станешь ли великим.

— Стану?

Провидица подняла на него белые глаза.

— Станешь. Если устранишь ту, что окажется сильнее тебя.

— Кто она? — внутри у Стефана всё похолодело.

— Твоя сестра.

— Это невозможно. Она пустая, в ней нет магии!

— Пока нет. — провидица медленно поднялась. — В ней спит древняя сила. Такая, рядом с которой твоя станет жалкой искрой. Когда она проснётся, ты превратишься в ничто. Все мечты, все амбиции — всё рассыплется у тебя в руках.

Холодный пот стекал по спине Стефана.

— Что мне делать?

Старуха приблизилась.

— Наблюдай за ней, не позволяй ей раскрыть себя. А когда придёт время... действуй.

— Я не могу причинить вред сестре.

— Тогда откажись от своей мечты. — провидица равнодушно пожала плечами. — Выбор твой.

Стефан ушёл до рассвета, но слова старухи последовали за ним. Они въелись в мысли, поселились под кожей, отравляя всё, что он чувствовал к сестре. Он любил её, но жажда власти оказалась сильнее, и Стефан сделал выбор — ступил на дорогу, ведущую к вершине через тьму и сердца тех, кого он не хотел терять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.